

crime story
№3

Дарья ДОНЦОВА
Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ
Татьяна
ПОЛЯКОВА

а также:

Анна Данилова
Дарья Калинина
Елена Логунова
Татьяна Луганцева
Лариса Соболева
Наталья Солнцева
Маргарита Южина

Annotation

Поклонники детективов получают огромное удовольствие, читая короткие криминальные истории, вошедшие в этот сборник! Любимые писатели – Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Полякова и другие популярные авторы – по-прежнему верны себе: от их остросюжетных рассказов, как и от романов, просто невозможно оторваться!

Содержание сборника:

Анна Данилова «День рождения жены»
Дарья Донцова «Неравный брак Синей Бороды»
Дарья Калинина «Горный шиповник»
Анна и Сергей Литвиновы «ГРАН-ПРИ»
Елена Логунова «Гений мужской красоты»
Татьяна Луганцева «Новый год по заказу»
Татьяна Полякова «Честное имя»
Лариса Соболева «Изгнанник рая пролетал...»
Наталья Солнцева «Месопотамский демон»
Маргарита Южина «Пока не пробили куранты»

-
- [Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Полякова, Анна Данилова, Дарья Калинина, Елена Логунова, Татьяна Луганцева, Лариса Соболева, Наталья Солнцева, Маргарита Южина](#)
    - [Анна Данилова](#)
    - [Дарья Донцова](#)
    - [Дарья Калинина](#)
    - [Анна и Сергей Литвиновы](#)
    - [Елена Логунова](#)
    - [Татьяна Луганцева](#)
    - [Татьяна Полякова](#)
    - [Лариса Соболева](#)
    - [Наталья Солнцева](#)
    - [Маргарита Южина](#)
-

**Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна
Полякова, Анна Данилова, Дарья Калинина, Елена Логунова,
Татьяна Луганцева, Лариса Соболева, Наталья Солнцева,
Маргарита Южина
Crime story № 3**

Анна Данилова

День рождения жены

– Вы, насколько я понимаю, будучи разведены с женой, продолжали проживать с ней вместе, то есть в одной квартире?

Разговор длился уже около двух часов. Именно разговор, а не допрос, как ожидал Песцов. Он сидел перед следователем Ивлевым бледный, испуганный, и ему казалось, что все это ему снится. Его привезли в начале первого ночи сюда, совершенно невменяемого, посадили перед этим человеком в черном свитере и сказали, что сейчас начнется допрос. Он даже не помнил, кто это сказал. Но Ивлев не умел допрашивать. Он, устало вздыхая и морща нос, словно делая одолжение Песцову, спокойно задавал вопросы и, как казалось, почти не слушал ответов. Песцов нервничал. Из квартиры, откуда его привезли, унесли перед этим и тело его жены, Клары Песцовой. Он не помнил, как вызывал милицию. Он ничего не помнил. В памяти осталось только, как он вышел из своей комнаты и пошел в кухню, чтобы попить. И вот тогда первое, что удивило его, была тишина. Он знал, что у Клары гость. Вернее, не гость, а... Но это не имеет никакого значения. Главное – ее теперь не будет никогда. Никогда!

А это означало, что не будет и его – Лепешинского.

Они слушали Равеля. Они всегда его включали, если хотели, чтобы он, Песцов, не слышал ничего, что происходит за стеной. Слушали ненавистное ему «Болеро», которое – он хорошо это запомнил – уже достигло тех неистовых свистящих и орущих звуков фанфар, которые всякий раз выводили его из себя. Ему казалось, что в последующий момент он вывернется наизнанку вместе с квартирой и всем остальным миром, – настолько тяжела была ему эта музыка. Он не понимал, чего ради весь этот шум, эта безумная какофония. А перед этим он лежал у себя на диване и не знал, куда спрятаться от этой надвигавшейся на него безжалостной толпы взбесившихся музыкантов. Они шли полчищами, толпами, раздувая в апокалиптическом экстазе румяные от натуги щеки и раскачиваясь в такт ритмам этой бесчувственной стихии.

Да, он вышел из своей комнаты в кухню и подивился тишине. Диск, очевидно, закончился. Музыканты, истекая потом, уносили из квартиры свои раскаленные докрасна трубы, флейты, рожки, флажолеты и прочую свистящую дребедень.

В кухне по-прежнему пахло чесноком, черносливом и горелым жиром – это Клара жарила утку. Она праздновала свой день рождения. Сейчас стол был заставлен грязными тарелками, судками, помойное ведро ломилось от картофельной кожуры и лимонных корок.

Норковая шапка Лепешинского изысканно блестела холеным ворсом на вешалке, бросая невидимые блики величия на вислоухую беспородную шапку-ушанку самого Песцова. В прихожей пахло растаявшим снегом и влажной дорогой кожей лепешинских сапог.

Хотя нет, все было не так. Норковой шапки ведь уже не было. Но об этом знает только он один. Но было действительно очень тихо. Он даже не услышал, как хлопнула дверь. Хотя вполне могло быть так, что Лепешинский не ушел, а просто выглянул в прихожую, взял шапку, а потом опять вернулся к Кларе, чтобы, скажем, с ней распрощаться... И все-таки он ушел.

Шел третий год, как они были в разводе. Но супруги – правда, бывшие – продолжали упорно поддерживать самые дружественные отношения, дарить друг другу подарки на дни рождения и праздники, оказывать друг другу разные мелкие услуги. Никто не хотел нарушать эту видимость приличия и нормальности отношений.

Да, это был, пожалуй, единственный момент всей их совместной жизни, когда он мог себе позволить зайти к Кларе вот так, запросто, и поздравить ее с днем рождения. Что он и сделал. Он постучал, но, не получив ответа, вошел...

Клара сидела в кресле, поджав ноги. Она совсем маленькая, Клара, маленькая и очень хрупкая. Она вся целиком умещается в этом старом кресле. Черное бархатное платье, крохотные бриллианты в розовых пухлых мочках, тонкая, нежная, опутанная нитками хрустальных бус шея...

Нет, все было не так. Клара сидела в кресле, поджав ноги. В лаковую туфлю еще стекала кровь. Она струилась из-под ножа, погруженного по самую рукоятку в ее горло. Бусы и платье были вымазаны кровью, слышались слабые хрипы и жуткие булькающие звуки. Голова Клары чуть отклонена назад и покоилась на спинке кресла, глаза были приоткрыты. Казалось, она спала. Вот поэтому, наверное, и было так тихо.

- Вы утверждаете, что регулярно встречались с Лепешинским. Вы знакомы с ним?
- Да. Он непосредственный начальник Клары, и во время ее болезни он не раз приходил подписывать какие-то бумаги...
- Разве простого бухгалтера не мог никто заменить?
- В их конторе, думаю, нет. Лепешинский очень доверял ей.
- Вы подозреваете его?
- Смотря в чем... Бухгалтерского дела я не знаю, но вполне допускаю, что Клара помогала ему проворачивать какие-то дела... цифры...
- При вас они не разговаривали о работе?
- Нет, только в самых общих выражениях.
- Он мог убить Клару?
- Думаю, да, ведь они были связаны, кто знает...
- А вы могли?
- Что?
- Убить вашу жену?
- Клару? Видите ли, для этого нужна причина, а нас мало что связывало...

Ивлев некоторое время смотрел в пространство. Потом он набрал номер домашнего телефона.

- Тая? Извини, что разбудил. Я приеду примерно в пять. Да, свари кофе, будь другом...
- Взглянул на Песцова.
- Илья Петрович Песцов, – проговорил он задумчиво. – Звучная фамилия, меховая... Скажите, Песцов, а что вы намеревались подарить жене – бывшей жене – на день рождения?
- С чего вы взяли, что я собирался ей что-то дарить? Мы в разводе, и это совсем необязательно.
- Да нет, это я так просто спросил...
- Бусы из хризолита. К серьгам.
- Вы успели их подарить?
- Нет. Я же рассказывал, что, когда я вошел к ней, все уже было кончено.
- Ивлев как-то странно усмехнулся. Песцов не понял этой усмешки и добавил для ясности:
- Я оставил бусы где-то... на ночном столике у себя в комнате, наверное. Я правда не успел их подарить.
- Очень может быть, но бусы в квартире не нашли. Но это, собственно, и неважно. Хотите курить?
- Песцов дрожащими руками схватил предложенную ему сигарету.
- Вы вели общее хозяйство? Клара помогала вам?
- Когда как. Первое время я старался ужинать только в кафе. Знаете, хотелось быть независимым. У нас в доме, на первом этаже, есть кафе. Там работает соседка, она-то и готовила мне яичницу и оставляла стакан сметаны. Обедал я на работе, в столовой.
- А как же в выходные?
- В основном готовила Клара, – сдался Песцов. – Понимаете, мы старались поддерживать хорошие отношения.
- А сегодня? Она не приглашала вас к себе?
- Нет! – Песцов даже привстал на стуле. – Сегодня у нее был Лепешинский! Естественно, что я старался почти не выходить из своей комнаты. Хоть мы и были в разводе, но мне казалось неудобным привести в квартиру женщину, в то время как Клара и Лепешинский меня не стеснялись...
- Тот нож, которым была убита ваша бывшая жена, вам знаком?
- Конечно, – Песцов нервничал, но старался говорить как можно спокойнее. – Это наш кухонный нож, я им постоянно режу хлеб, сыр, ну, там... Но я не убивал Клару! И если на ноже обнаружили мои отпечатки пальцев, это еще ни о чем не говорит!
- Ивлев потянулся и покачал головой:
- Прошло всего несколько часов... Вы сильно идеализируете нашу оперативность. Отпечатки, если они и есть, будут готовы – самое раннее – завтра к обеду, и это еще в лучшем случае.
- У меня такое впечатление, что вы все знаете, – вдруг произнес скандальным голосом Песцов и раздавил окурки в пепельнице. – Если вы действительно знаете все, так, может, и мне расскажете, кто убил Клару?

– Что вы кричите? – зябко поежился Ивлев, так, словно его только что разбудили и прервали приятный сон. – Посмотрите на окна – ночь. Тихо. Все спят. Я бы тоже не отказался поспать... Но мне приходится беседовать с вами. Я действительно знаю, кто убил Клару, но до этого мы должны прийти с вами вместе. Вернее, вы должны помочь мне, поэтому давайте так: я задаю вопросы, самые разные и подчас неожиданные, к тому же очень быстро, а вы отвечаете. Вот и все. Это же не утомительно? К тому же я постараюсь задавать вам такие вопросы, которые будут интересны как мне, так и вам. Ну как, договорились?

Песцов насторожился, а потом махнул рукой: он понял, что другого варианта все равно не будет.

– Ваша жена хорошо готовила?

– Да, в этом плане мне повезло.

– Вы развелись из-за Лепешинского?

– Нет. Хотя кто знает... Клара всегда говорила, что у нас нет детей из-за меня...

– ... Но у вас есть внебрачный ребенок, и вы уверены в себе, – скороговоркой, морщась, продолжил Ивлев, после чего зевнул.

– Но я здоров! – воскликнул Песцов.

– И вы, конечно, не поддерживаете отношений с этой женщиной? – продолжал в том же духе мрачный Ивлев.

– Да, но откуда вам это известно?

– Да потому, Песцов, что никакого ребенка нет и не было, как не существует и этой женщины... Все это вы придумали для своих друзей, чтобы как-то оправдать развод... И мне еще врете, – закончил он почти обиженно. – Ивлев откровенно скучал. – Ваша жена хорошо вас знала?

– В каком смысле?

– Во всех.

– Тогда – слишком.

– Наверное, это вас сильно раздражало?

– Да, в некоторой степени. Понимаете, она превратила мою холостяцкую квартиру в некое подобие семейного рая, знаете, с теплыми тапочками, пирогами, наливочками и вечерним телевизором... Я не мог ничего сказать против – меня это обволакивало, засасывало... Клара мне даже руки глицерином от цыпок смазывала, а потом надевала мне специально сшитые для этого фланелевые варежки на резинках!..

– И вы, конечно, завели себе любовницу, – подытожил умный Ивлев.

– Конечно! – с жаром согласился Песцов, довольный, что его поняли как мужчину. Он расслабился и знаком попросил разрешения закурить. – Я же нормальный...

– Ваша жена не была вашей женой в полном смысле этого слова?

– Это сложный вопрос. – Песцов замер с сигаретой в руке. – Давайте я лучше расскажу вам про Катю. Мы работаем вместе, и это случается, как правило, в обеденный перерыв. У меня свой кабинет, и мы запираемся... – Песцов вспотел и вынужден был расстегнуть воротничок и ослабить галстук. – Видите ли, не у всех же дома все ладится. Так поступают многие мои приятели. Это не считается изменой.

– Вы любите Катю?

– В некоторой степени. Словом, я не собирался на ней жениться. Хотя на прошлой неделе она сказала, что беременна.

– Так почему же ваша жена не выполняла своих супружеских обязанностей?

– Как не выполняла? Я как сыр в масле катался! Я ведь не зря вам про варежки...

– Песцов, вы же взрослый человек... – У Ивлева было такое выражение лица, словно он готов был покрутить пальцем у виска и с трудом сдерживался, чтобы не сделать этого, и тогда Песцов понял и замолчал.

Ивлев подошел к окну. Стекла обледенели. Он представил, что через каких-нибудь полтора-два часа все закончится, и он со спокойной душой выйдет отсюда и медленно пойдет по этой заснеженной дороге домой. Подышит перед сном морозным воздухом, поднимется по лестнице, откроет дверь своим ключом и войдет в теплую прихожую, где его встретит Таня, разматает ему шарф, стряхнет с шапки снег и поведет в кухню, пить кофе... Он с трудом вернулся мыслями в кабинет и обратил свой взгляд на растерянного Песцова.

– Сколько лет вы знали Клару?

– Три года в разводе плюс год в браке. Итого четыре, – подсчитал Песцов.

– А где же еще полтора года, а? Или вам изменяет память? Должно получиться пять с половиной лет.

Или вы уже совсем не помните, что произошло в 2001 году, в октябре? Событие, которое потрясло весь город? Нет? Ладно, отдохните минуточку, я пока допью свой чай, правда, он совсем остыл...

– Я подобрал ее на вокзале...

– Сначала расскажите, как и где вы познакомились с Лепешинским.

– Он месяц проработал в нашей фирме. А по выходным нас собиралось несколько человек, и мы у Лепешинского играли в преферанс... Знаете, пиво, карты – сугубо мужская компания. Он умеет отдыхать. Потом все как-то распалось, а мы продолжали оставаться приятелями...

– Вы сказали, что подобрали ее на вокзале...

– Да, она там, если так можно выразиться, работала...

– Вы не боялись заразиться?

– Я привел ее домой и заставил помыться. В тот вечер у нас ничего не было. К тому же она совсем обессилела от голода и упала прямо в ванной на пол... А на следующий день я отвел ее к знакомому врачу. Он осмотрел ее, прописал уколы, и она некоторое время лечилась, а потом, через две недели, когда все анализы были готовы...

– Она была красивой девушкой? Брюнеткой, кажется?

– Да, у нее были черные волосы, коротко остриженные... Что-то еврейское было в ее губах и глазах... Я стал покупать ей красивые вещи, мне самому было это приятно. Правда, она первое время удивляла меня. Сказывались привычки. В тот первый день, когда я накормил ее, она разделась, представляет, и легла... Это было так дико! Я раньше никогда не имел дела с подобными женщинами.

– Вам показал ее Лепешинский?

Песцов замолчал. Он понял, что сказал лишнее.

– Кто устроил ее на работу? – не дав ему опомниться, спросил Ивлев.

– Никто, – растерялся Песцов. – Она сама.

– Что, прямо вот так, с улицы, и в бухгалтеры? Ведь Клара работала бухгалтером.

– Да, верно, – успокоился Песцов. – Она же окончила бухгалтерские курсы.

– Вы знали, что у нее никого нет, кроме бабки в Каменке?

– Знал.

– Вы не дальтоник?

– Нет, – насторожился Песцов. – А что?

– Вспомните, пожалуйста: вы зашли в комнату Клары, она сидела в кресле, так?

– Так! – Песцов весь обратился в слух, боясь пропустить хоть слово.

– Насколько я помню, ваша жена была в черном платье?

– Да.

– Какие украшения были на ней?

– Серьги, брильянтовые...

– Вы хорошо представили себе всю эту картину? Вот она сидит... ну?

– Я что-то не понимаю вас...

– Какого цвета были волосы у Клары?

– Рыжие! – уверенно воскликнул Песцов и облегченно вздохнул.

– Сколько раз за пять с половиной лет, как мы с вами насчитали, вы были близки со своей женой?

– Я собирался это сделать сегодня! – чуть не плакал Песцов. Он был, казалось, убит этим признанием. Со лба его стекал пот. Ивлев дал время ему собраться мыслями.

– Она ждала вас? Она хотела этого? Или, быть может, ей позволил Лепешинский?

– Она ждала меня! – закричал Песцов. – Когда я вошел и увидел ее, она сидела в кресле и была так соблазнительна, что я...

– Не понял, – Ивлев поднялся со стула, – с ножом в горле она показалась вам соблазнительной? Вы извращенец, Песцов! Вы не садист, случаем? Так что она вам сказала?

– Не кричите на меня! – Песцов зажмурил глаза и обхватил ладонями лицо.

– Тогда я скажу вам. Скорее всего, она не была настроена принимать вас вечером и постаралась объяснить вам это как можно более вежливо, но у нее, по всей вероятности, это не очень-то получилось...

– Она сказала, что он вернется!.. Он поехал отгонять машину в гараж, у нас совсем не оставалось времени... Она тоже была расстроена.

– Как вы думаете, Лепешинский догадывался, что Клара согласилась уступить вам?

– Я не знаю, – проговорил Песцов упавшим голосом. – В любом случае, она бы не сказала... Она сильно изменилась ко мне в последнее время. Лепешинский давил на нее, она тоже устала.

– Как скоро они должны были пожениться?

– Через три месяца. Он ждал развода. Они собирались за границу, хотя Клара уже не верила ему. Ведь сколько времени прошло...

– Куда вы дели тело убитой вами Люды Фроловой, которую вы по приказу Лепешинского подобрали на вокзале, отмыли и устроили к нему же в фирму кассиршей?

Песцов курил, опустив голову.

– Вот вы все говорите: фирма, фирма. А ведь правильнее было бы сказать – фирма-посредник. В 2001 году, если мне не изменяет память, Лепешинский должен был выплатить своим поставщикам за чернобурых лис и свинину более двадцати миллионов рублей. Я отлично помню это дело. Тело несчастной девушки, которая везла эти деньги из банка, до сих пор не найдено. Во всяком случае, до сегодняшнего дня...

Песцов вздрогнул.

– Шофер вахтовой машины, сидевший в тот день за рулем, был обнаружен в кабине с разбитой головой. Он ничего не помнил. Кто оглушил его – вопрос! Скорее всего, сама Фролова, которая сидела сзади.

Песцов попросил воды и залпом выпил целый стакан.

– Что же это вы, Песцов, запутались в своих женщинах? Оказывается, Люда Фролова – одна девушка, Клара – совсем другая. Одна – брюнетка, другая – рыжая. И еще говорите, что вы – не дальтоник! Люда была нужна вам, чтобы ограбить фирму и разбогатеть на пару с Лепешинским, так сказать, мозговым центром в вашем деле, а Клара – так, прихоть и давняя любовь Лепешинского, который в силу сложных семейных обстоятельств – мне это еще предстоит выяснить – не мог жениться на ней вначале, а потом и вовсе раздумал. Его вполне устраивало, что Клара живет под вашей охраной, на ваши средства и что встречаться он с ней может, когда ему заблагорассудится, не считаясь с вами. Он не учел только одного: что вы сможете полюбить свою «жену». Да и ей все это порядком надоело... Вы правильно подметили: она перестала верить ему... Он шантажировал вас... кладовкой...

Песцов не поверил своим ушам.

– Зачем вы убили Клару?

– Я не убивал ее!

– Я бы на вашем месте убил Лепешинского. Честное слово – в этом было бы больше смысла. Какая-то странная у вас логика, поэтому я так долго и распутывал этот клубок... Хотя, собственно, не так уж долго. Знаете, в чем ваша ошибка? Надо было кладовку несколько иначе переконструировать... А так сразу заметно, что она на два метра меньше... Я, например, сразу это увидел.

– Нет! – Песцов весь как-то съежился, подобрался, словно под стулом натекла лужа воды. – Я ничего не знаю!

– Знаете, кого вы мне напоминаете с этими дурацкими ужимками и фразами вроде: «Я ничего не знаю»? – передразнил он Песцова. – Бездарного актеришку! Сплошное позерство.

– Из-за этой кладовки я и женился, – заскулил Песцов. Он устал, и его сильно трясло.

– Обыкновенный шантаж. Дело ясное. Боже мой, как же это все тоскливо! Любовницы, шантаж, труп кассирши, убитой и замурованной в стене кладовки! Неужели вам никогда не хотелось плюнуть на все и уехать, исчезнуть с глаз этого гениального Лепешинского? И куда, кстати, вы потратили свои деньги? Ведь десять миллионов все-таки.

– Они дома. Я не мог их тратить с тем удовольствием, как тратил, скажем, свои премиальные. Мне постоянно казалось, что весь город знает, что это я убил Люду. В тот день, да, это было осенью, она прибежала ко мне возбужденная, бросила на пол брезентовую сумку и повисла у меня на шее. Потом из комнаты вышел Лепешинский, и мы принялись разрезать брезент. Мы обещали, что поможем ей уехать из города. Знаете, она нисколько не смущалась того, что сделала, и объяснила это тем, что лучше зарабатывать деньги вот так, нежели на вокзале, на запыленном полу... Она ничего не боялась. Из кармана она достала молоток, которым стукнула шофера. Лепешинский взял молоток в руки и, когда Люда склонилась над сумкой... ударил ее... Дальше было все как во сне. Мы разделили деньги. Люда все еще лежала на полу. Странно, но крови нигде не было. Когда мы проверяли, жива она или нет, Лепешинский сказал, что это здорово – не придется отмывать пол... Но когда поняли, что она мертва, Лепешинский сразу стал собираться. Ведь по плану мы должны были вывезти тело за город... Вот тут-то он и посоветовал мне замуровать ее в кладовке. Я, говорит, тебе завтра кирпичи привезу и цемент. Это, так сказать, мой вклад. Он и привез, ночью. Мы вместе перетаскивали все это ко мне. Потом он уехал... В квартире уже начали топить, и стоял такой запах... Я никак не мог поставить ее так, чтобы она уместилась в ширину. Тогда я придумал завернуть ее в мешковину. Она уже застыла... Я чуть не свихнулся! И тогда Лепешинский, боясь, что я сойду с ума или как-то выдам его, достал мне путевку в Югославию. А когда я приехал, он мне всучил Клару. Сказал, что так всем лучше будет...

– Клара ничего не знала о кладовке, о Люде?

– Нет, что вы!

– А куда вы собирались спрятать тело Клары?

Песцов долго молчал. Он почему-то успокоился, даже дрожать перестал и сник.

– Знаете, – начал он тихо, словно декламировал, разгоняясь, стихотворение, – мне казалось, что, если я

войду в комнату во второй раз, она будет так же улыбаться мне, что она будет живая, понимаете? Да, она мне не грубила, нет, просто сказала, что Лепешинский может вернуться в любую минуту. А я пришел к ней с подарком, не бог весть с каким... – Песцов достал из кармана пиджака нитку хризолитов и осторожно положил ее на стол перед Ивлевым.

– Зачем вам понадобилось убивать ее?

– Он смотрел на меня из всех углов комнаты, смотрел и смеялся... Он стоял с раскинутыми руками и говорил мне, что он здесь хозяин, что ему принадлежит и Клара, и я... А ведь она ждала меня, а не его! Этот вечер должен был стать моим триумфом, если хотите, а он должен был вернуться с минуты на минуту и забрать у меня Клару... И тогда я понял, что если будет Клара, то будет и он.

– А как у вас в руках оказался нож? Вы пришли с ним? Вы уже знали, что убьете Клару?

– Да нет же! – с досадой воскликнул Песцов. – Я шел, чтобы подарить бусы и поздравить ее. Но когда она мне сказала, что он может прийти... На столике стояли фужеры, вернее, два фужера, один был еще с вином, он должен был вернуться и допить его... Я увидел сыр и сказал, что сто лет не ел сыра. Все произошло очень быстро. Просто я понял, что проиграл.

Ивлев посмотрел на Песцова, потом на часы: без четверти пять. Потом перевел взгляд на бусы и вспомнил женщину в кресле. «Да, подарок», – подумал он и начал собираться.

Дарья Донцова Неравный брак Синей Бороды

Если хочешь быть счастливым – будь им. Не я придумала этот замечательный афоризм, но абсолютно с ним согласна. В жизни людей в основном происходят одинаковые события, мы все плаваем в одном житейском море, вопрос лишь в том, как относиться к тому, что с тобой случается. Для одной женщины ожидание ребенка огромное счастье, несмотря на отсутствие мужа, близких родственников, денег и жилья, она обожает еще не рожденного малыша и в конце концов преодолет все испытания. Другая, сидя в трехэтажном доме в окружении заботливого супруга, хлопотливой мамы и нежной сестры, отодвинет от себя банку с черной икрой и заночует:

– Боже! Я страшная, толстая, уродливая, меня тошнит по утрам! Из-за живота не могу поехать отдохнуть на юг! Катастрофа!

И так девять месяцев подряд. А теперь скажите, кто из двух будущих мамаш счастлив? По логике вторая, но получается, что первая.

Я откинулась на спинку кресла. Автобус, мерно покачиваясь, завернул за темно-синюю гору.

– Сколько нам еще ехать? – капризно-обиженным тоном протянула пассажирка, сидевшая передо мной.

– Подожди, милая, – ответил мужской голос. – Через десять минут будем на месте.

– Ты говорил то же самое полчаса назад! – не успокаивалась тетка. – Отвратительная дорога. Серпантин. Если обратно придется ехать тем же путем, это сведет на нет все удовольствие от отдыха!

Я посмотрела в окно и зажмурилась, создалось ощущение, что большой пассажирский «Мерседес» завис одним боком над пропастью.

– Хочу пить, – громко заявила соседка.

Послышалось тихое шипение.

– На, дорогая, я прихватил с собой из самолета, – услужливо сказал муж.

– Фу, Андрей! – возмутилась капризница. – Ты в своем репертуаре! Жаден до мозга костей! Ну как можно брать газировку из лайнера?

– Почему нет, Олюшка? Стюард принес пару бутылок, я все не выпил, не оставлять же напиток? Кстати, билеты до Афин недешевые, в их стоимость входят еда и питье, которое пассажирам подают на борту. Авиакомпания не разорится.

– Жлоб, – коротко резюмировала жена.

– Вообще нет, – без всякой агрессии ответил муж, – просто я хозяйственный. Надо думать о деньгах, а не разбрасывать их направо-налево. Право, глупо покупать минералку, если ее можно получить бесплатно!

– Я хочу пить! – противным голосом повторила Ольга.

– Угощайся, милая.

– Эту не буду!

– Но почему?

– Она из самолета! Протухла!

Я закрыла глаза. Однако у Андрея ангельское терпение. Эту парочку я заприметила еще в Москве, они тоже проходили через VIP-зал. Когда мы с Аркашкой и Марусей вошли в просторную комнату, где вежливо улыбающийся таможенник начал досматривать мой багаж, Андрей и Ольга уже находились там, сидели на диване в ожидании паспортного контроля. Я устроилась в кресле неподалеку от них, и дети начали раздавать мне указания.

– Мать, не забудь как следует намазаться кремом от солнца, – велел Аркадий.

– Мусечка, не выключай мобильный даже ночью, – приказала Маша.

Я покорно кивала, ожидая момента, когда объявят посадку.

– Будь осторожна с местной кухней, – напутствовал Кеша, – она специфическая, острая и может спровоцировать гастрит.

– Не заплывай далеко, – вторила ему Машка.

– Послушайте, я не впервые лечу к Наташке! У нашей баронессы Макмайер на Эгейском море собственный дом, у меня там есть личная спальня с ванной, до потолка набитой солнцезащитными средствами. В особняке служит повар, который готовит европейскую еду. Может, он ради экзотики и состряпает нечто из йогурта, чеснока, зелени, перца, баклажан и баранины, но в основном я буду лакомиться все той же куриной грудкой. Ей-богу, вам не о чем волноваться! – не выдержала я.

– Ты первый раз летишь одна в Грецию, – вздохнула Машка, – нам тревожно.
– Кое-кто обожает приключения, – нахмурился Кеша, – наверное, следовало отправить с тобой Оксану!
– У нее ремонт! – воскликнула я. – И потом мне же не десять лет! Я давно справилa совершеннолетие!
Маруся тяжело вздохнула, а Аркадий тихо буркнул:

– Ты полагаешь?

– Хватит грызть мусечку, – остановила Маня брата, – в конце концов одна она будет всего несколько часов в самолете! В Афинах ее встретит Наташка.

– Действительно, – подхватила я, – давайте лучше чаю поьем!

Кеша поманил официантку, и мы стали наслаждаться вкусным напитком, невольно слушая, как пара, сидевшая на соседнем диване, выясняет отношения. Вернее, муж помалкивал, а вот жене все было не по вкусу. Дама безостановочно капризничала, требовала одновременно чай, кофе, колу, компот, страдала от жары и холода, хотела есть, спать, читать.

– Иногда человека так закалит семейная жизнь, что он перестает бояться загробной, – заявил Кеша, косясь на дамочку.

– Очень надеюсь, муся, что ты не окажешься с ней рядом в самолете, – шепнула мне на ухо Машка, – жуткая зануда! Такая всю дорогу испортит.

Увы, Машкины надежды не оправдались. Мое место оказалось около окна, а по левую руку села та самая невыносимая тетка и всю дорогу шпыньнула своего терпеливого мужа. Перед посадкой в Афинах у меня заболела голова, и я с огромным трудом сдержала желание спросить у несчастного Андрея: «Скажите, какое успокаивающее вы регулярно принимаете? Наверное, это замечательные таблетки, раз они помогают выносить столь занудную спутницу жизни».

Не успела я сойти с самолета, как раздался звонок мобильного и Наташка простонала:

– Дашута! У меня мигрень!

– Бедняжечка, – сочувственно сказала я, – ложись в кровать.

– Я не сумела тебя встретить! По серпантину с больной головой не рискнула ехать. А шофер позавчера уволился!

– Ерунда! – бойко воскликнула я. – Сейчас автомобиль найму.

– Лучше садись на автобус, – перебила Наташка, – местные таксисты экстремальщики, несутся по горам сломя голову, а транспортная компания нанимает опытных водителей. Иди на площадь, тебе нужен девятый маршрут, его конечная в двух шагах от моей виллы.

Я пошла в указанном направлении, без особых проблем села в здоровенный «Мерседес» и через десять минут дороги поняла, что моя подруга была права. Машины с надписью «taxi» летели мимо медленно плывущего автобуса как сумасшедшие, их слегка заносило на крутых поворотах. Сиди я в одной из легковушек, давно бы заработала инфаркт. А так, если не смотреть в окно, путешествие до маленького городка на Эгейском море могло даже показаться приятным. Вот только противная зануда Ольга и ее воспитанный муж вновь очутились рядом, теперь они сидели передо мною.

Я засунула в рот мятную конфетку – в любой, даже неприятной ситуации можно найти положительные моменты. Теперь я не вижу надутого лица Ольги. Правда, прекрасно слышу ее голос.

– Хочу в туалет, – в очередной раз закапризничала баба.

– Милая, потерпи, – ласково попросил муж.

– Не могу! Останови автобус.

– Здесь одни горы, – логично заметил Андрей.

– Найди лес! – потребовала жена. – Прямо сейчас!

Я улыбнулась, потом мне стало любопытно: интересно, как мужчина отреагирует на последнее заявление?

– Солнышко, – недрогнувшим голосом ответил Андрей, – думаю, скоро будет заправка, при ней непременно есть туалет.

– Платный, – язвительно уточнила жена, – тебе придется потратить драхмы!

– Это оправданно, – засмеялся супруг.

Автобус резко повернул вправо и стал притормаживать.

– Ну? Что я говорил? – обрадовался муж. – Сейчас ты сможешь привести себя в порядок.

– Я хочу поспать, – грубо ответила Ольга и встала.

Скандалистке удалось растолкать остальных пассажиров и первой выскочить из «Мерседеса». Я видела в окно, как дама торопится к небольшому магазинчику, очевидно, у нее было свое понятие о красоте, потому что, в отличие от других людей, одевших в дорогу джинсы и кроссовки, Ольга нацепила узкую, вызывающе красную, слишком обтягивающую бедра юбку из какого-то блестящего материала, розовый топик, щедро

осыпанный стразами, и ярко-красные туфли на высоченном каблуке, на руке у нее покачивалась объемная модная сумка из бежевой лаковой кожи.

Я не стала выходить из автобуса, небольшая площадка у заправки была раскалена от солнца, лучше посидеть в прохладном салоне, поджидая, пока остальные пассажиры сходят в туалет и выкурят сигаретку. Четверть часа пролетели быстро, народ потянулся на свои места. Очень скоро на солнышке остался один Андрей. В отличие от жены он был одет в более подходящий для поездки костюм: легкие льняные брюки, бело-серую футболку и сандалии.

Шофер высунулся из окна и крикнул на ломаном английском языке:

– Сэр, нам пора отъезжать!

– Простите, пожалуйста, жена замешкалась, – отозвался Андрей. – А! Вот и она! Еще раз извините! Дорогая, автобус ждет!

– Не развалится! – гаркнула в ответ Ольга, приближаясь к супругу.

Шофер поднял стекло, и я перестала слышать женщину, но видела, как она отчаянно кривит рот, очевидно, выдает муженьку новую порцию гадостей. Ага, теперь мадам еще и размахивает руками, держит в правой рожок с мороженым, в левой банан и попеременно откусывает то от одного, то от другого... Андрей же стоит, опустив голову.

Внезапно что-то мне показалось странным, но тут Ольга стремглав ринулась в автобус, Андрей поплелся за ней.

– Уж и погодить пару секунд нельзя! – раздалось в салоне. – Расписание у них! Тьфу! Андрей! Хочу есть! Достань шоколад! Немедленно! Швейцарский! Горький! Живо!

Автобус плавно тронулся вперед, Ольга взвизгнула и наступила на ногу моей соседке, милой женщине, сидевшей у прохода.

– Ой! – тихо сказала та и огорченно уставилась на белую балетку, носок которой теперь украшала царапина.

– А нечего лапы разбрасывать, – обозлилась Ольга, – надо сидеть, поджав копыта.

Андрей умоляюще посмотрел на пострадавшую, та, как ни в чем не бывало, уставилась в яркий томик Смоляковой.

– Милая, не нервничай, – попросил муж, – садись к окошку, полюбуйся видом, сейчас достану конфеты.

– Не на что там глядеть, – забрюзжала скандалистка.

И следующий час я снова «наслаждалась» ее противным громким голосом. В конце концов нервы не выдержали, и я тихо сказала своей соседке, симпатичной женщине в зеленом сарафане:

– Ужасная особа!

– Она и в самолете скандалила, – шепотом ответила та, – мы вместе летели, и вы, кстати, тоже, я запомнила вашу сумку с фотографией мопса.

– Это Хуч, – засмеялась я, – дочь подарила мне на день рождения, заказала у мастера специально для меня.

– Прикольно, – улыбнулась женщина, – а вы в какую гостиницу?

– Еду на виллу «Афина», – пояснила я, – в гости к подруге.

– Здорово, – сказала женщина.

– Любите Смолякову? – улыбнулась я.

– Обожаю, – кивнула соседка, – уже самый конец, а непонятно, кто убил! Она всегда держит в напряжении!

Автобус остановился, двери распахнулись, появилась гречанка со списком в руке.

– Отель «Эллада», – на ломаном русском языке сказала она, – мадам Юлия Никонова здесь?

– Это я! – помахала рукой моя соседка. – Иду! Надо вынуть чемодан из багажного отделения.

С этими словами Юля загнула уголок страницы (я невольно посмотрела на номер – 282), захлопнула томик и, попрощавшись со мной, встала из кресла.

– Так и будем на каждом углу останавливаться? – обозлилась Ольга.

Юлия пошла по проходу к выходу.

– Побойстрей нельзя ковылять? – крикнула Оля. – Другим тоже охота наконец отдохнуть.

Андрей издал стон, очевидно, бабе таки удалось достать сверхтерпеливого мужа до самой печени.

Юлия обернулась, очаровательно улыбнулась и сказала:

– Думаю, вам следует проверить щитовидку, скорей всего, приступы агрессии и немотивированного раздражения связаны с неполадками работы эндокринной системы. Пара курсов лекарств, и вы переродитесь.

Я втянула голову в плечи, ну, сейчас начнется!

Но Ольга, на удивление, промолчала. «Мерседес» поехал дальше, я выдохнула и увидела на полу белый конверт, руки сами подобрали находку. «Госпоже Юлии Никоновой лично» – было написано на том месте, где обычно пишут адрес. Письмо оказалось заклеено, я положила его в сумку. Женщина остановилась в отеле «Эллада», это совсем недалеко от дома Наташки. Я не первый раз приезжаю к подруге на Эгейское море и великолепно знаю, какие гостиницы находятся на единственной центральной улице крохотного приморского городка. Тут всего три отеля, и стоят они на холме, ниже расположены виллы, в Греции не очень много свободной земли, поэтому особняки устроились почти вплотную друг к другу. Наташке повезло, ее «Афина» последняя в ряду, с ней соседствует лишь один дом, коттедж «Роза». Вечером поднимусь к отелю и оставлю письмо на ресепшен.

Но, очутившись в Наташкином доме, я мигом забыла о конверте и Юлии Никоновой. Дневная духота пошла на убыль, теплое море плескалось почти у порога, огромные ярко-розовые цветы источали аромат, повар принес из холодильника ледяной апельсиновый сок – жизнь казалась восхитительной.

Поболтав с Наташкой, я искупалась, поужинала и пошла бродить по саду в сопровождении трех местных кошек. Греки любят животных и никогда не обидят бездомную киску. Впрочем, как раз «бездомных кисок» в маленьком городке и нет. Все кошки носят ошейники с жетонами и спокойно заглядывают в любой дом, собаки толерантны к гостям, то ли их таковыми сделала местная жара, то ли псы так воспитаны. В сонном городишке, особенно там, где расположены виллы с частными пляжами, царит полнейшая идиллия. Единственно, что меня тут пугает, – это кацариды, местные тараканы. Они очень большие и умеют летать. Кацариды похожи на майских жуков, тучных «рогатиков», которые во времена моего детства фланировали даже в самом центре Москвы. Интересно, куда они подевались теперь?!

Я остановилась около раскидистого куста, вдохнула аромат его цветов и внезапно услышала голос, напоминавший звук циркулярной пилы:

– Отвратительный дом! Небось ты снял его по дешевке!

Я осторожно повернула голову и увидела в саду соседней виллы Ольгу и Андрея.

– Милая, это лучший особняк, – тихо ответил муж.

– Всего три комнаты!

– Зачем нам на двоих больше?

– Жлоб! – припечатала Ольга. – Принеси сок. Почему не снял соседний дом? Он большой!

– Там живут люди.

– И что?

– Это частное владение некой баронессы Макмайер, – пояснил муж, – она не сдает виллу. Сама в ней обитает.

– Одна? – взвизгнула Ольга.

– Ну... не знаю, – растерялся Андрей, – наверное!

– Боже, везет же людям! – запричитала Ольга. – А я! Нет бы выйти замуж за «Нефтегазпром» или «Никельсталь». Кое-кто нашел правильную половину и теперь радуется в огромном коттедже. А я! А я! А я! В сарае! Три клетушки! Принеси пить!!!

Андрей кашлянул.

– Я неплохо зарабатываю!

– О боже! – простонала Ольга. – Две копейки имеем, третью примечаем. Ты даже не понимаешь, что значит: большие деньги! Да люди твою «неплохую зарплату» за один вечер в ресторане на коктейли тратят!

– Наверяд ли, – неожиданно возразил Андрей, – тогда бы они спились!

– Да пошел ты! – гаркнула жена.

Я очень осторожно, на цыпочках пошла к вилле. Вот уж повезло так повезло. Угораздило же вечно лающую семейную пару снять соседний особняк!

Два дня пролетели, как один миг. Единственное, что нарушало покой, – это капризный, визгливый голос Ольги, долетавший с соседнего участка.

– Я бы ее убила, – сказала в конце концов Наташка, – как только мужик терпит подобную жену?

– Может, она богата? – предположила я. – Муж основал бизнес на средства супруги и попал к ней в зависимость.

– Тем более ее надо утопить! – фыркнула баронесса Макмайер. – Благо море под рукой. Местный начальник полиции, Джон, абсолютный пофигист, ему своих дел хватает. Велит патологоанатому выдать справку о смерти, и валите, вдовец, в Москву. Будь я на месте Андрея, эта Ольга бы и суток не прожила.

Около часа ночи мне, безуспешно пытавшейся заснуть после слишком обильного ужина, захотелось выйти в сад.

Стояла изумительная тишина, прерываемая стрекотом цикад, над головой нависало черное небо,

залитое яркими, какими-то декоративными звездами, воздух был насыщен ароматом незнакомых цветов, тихо плескалось море.

Я набрала полную грудь воздуха и вдруг услышала тихое шуршание, поскрипывание, шорох, вздохи...

Ноги сами собой подвели меня к раскидистой туе, загораживающей соседний дом, я встала за зеленые ветви и осторожно посмотрела в чужой двор.

В ярком лунном свете была великолепно видна стройная фигура Андрея, он стоял, опершись на лопату.

Я замерла, боясь издать хоть один звук. Андрей внезапно опустился на колени и тихо сказал:

– Прости, милая, это случайно вышло! Я не хотел! Ей-богу, я даже не думал о таком! Ну прости, прости, прости!

Мне стало холодно, по спине, несмотря на душный вечер, побежал озноб. Андрей тем временем вынул из кармана носовой платок, тщательно вытер ручку лопаты, потом обернул ткань вокруг деревяшки, сунул заступ под мышку и, слегка прихрамывая, пошел в дом.

Я подождала, пока он исчезнет, и, пользуясь тем, что изгородь, разделявшая участки, была всего сантиметров пятьдесят в высоту, легко перешагнула через нее и приблизилась к тому месту, где только что плакал Андрей.

Не надо было иметь специального образования, чтобы понять: дерн сначала аккуратно сняли, а потом не менее осторожно вернули на место.

На следующий день около полудня в дом к Наташке пришел полный грек в полицейской форме.

– Джо! – обрадовалась подруга. – Хочешь холодного компота? Знакомься, это Даша, она приехала из Москвы погостить. Дашуня, это наш местный Дегтярев. Вообще-то он не Джо, но мне его настоящее имя без шансов произнести.

– Джо лучше, – кивнул толстяк, – во всяком случае, короче. Я знаю, Натали, что у тебя гости, мы же ее регистрировали в участке. Привет, как поживаете?

– Замечательно, – улыбнулась я, – надеюсь, и ваши коровы здоровы?

– Мы тут не держим буренок, – удивился Джо, – только овец, да и то их стало мало.

– Не обращай внимания, – усмехнулась Наташа, – Даша просто хочет казаться вежливой. Что случилось? У кого на этот раз угнали катер?

Джо похлопал себя по лысине.

– Ваши соседи... вы давно их видели?

Мы с Наташкой переглянулись.

– Слышим каждый день, – сказала подруга.

– Они постоянно ругаются, – добавила я, – а что?

Полицейский крякнул:

– Господа Лавровы сняли дом на все лето. Сегодня утром муж заявил о пропаже жены.

– Ничего себе! – подскочила Наташка.

– Андрей говорит, что он лег спать, – продолжал Джо, – а жена захотела искупаться. После бурной ночи любви решила освежиться.

– Ромео с Джульеттой! – фыркнула Наташка. – Что-то не похожи они на страстных влюбленных! Ругаются каждый день! Безостановочно.

– Я в Москве с ними столкнулась, – перебила я, – в Домодедово. Ольга капризничала по каждому поводу.

– Угу, – кивал Джо, – ясно. Но сам Андрей утверждает, что обожал жену, а она души в нем не чаяла. Они полночи провели в страстных объятиях, а потом он устал и заснул. Утром Андрей не обнаружил жену рядом, но не забеспокоился. Ольга замечательно плавает и каждый день в Греции начинала с заплыва. Лавров спал до десяти, жена плавала по несколько километров. Но сегодня Ольга не вернулась к завтраку. Андрей забеспокоился, пошел к морю, обнаружил там полотенце, тапки и... ключи. Так он понял, что Ольга не возвращалась с вечера. По ключам.

– Каким образом? – насторожилась я.

– Она запирала виллу, когда ходила купаться по ночам, – пояснил Джо, – а утром нет. У нас туристы тонут, это не редкость, водолазы ищут тело, но его часто не удается обнаружить, здесь есть подводное течение, очень сильное...

Я поежилась.

– Джо! Вчера вечером я стала свидетельницей странной сцены...

Полицейский внимательно выслушал мой рассказ про снятый в саду дерн и склонил голову набок.

– Повторите это в присутствии Андрея?

– Да, – храбро ответила я.

– Тогда пойдите к соседям, – приказал Джо.

– Я с вами, – заявила Наташка, – ну, Дашута, не успела приехать, как вляпалась в историю!

Не скажу, что мне было приятно озвучивать свое наблюдение в присутствии Андрея, но я в деталях описала увиденное.

– Как объясните ваше поведение? – резко спросил у него Джо.

Андрей замялся.

– Можно я не стану комментировать ситуацию? Она очень неприятная.

Толстяк расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки.

– Вам не кажется странным, – вкрадчиво сказал он, – ваша жена на рассвете идет купаться. Свидетелей этого нет. Может, она и не приближалась к воде!

– На берегу остались полотенце и тапки! – перебил его Лавров.

Джо кивнул.

– Верно. Но ведь их мог туда положить любой! Вы, например.

– Я? – подпрыгнул Андрей. – С ума сошли! Зачем мне это делать?

– Всякое случается, – обтекаемо ответил Джо, – лучше объясните, почему вы стояли с лопатой в саду.

Лавров повернулся к Наташе:

– Простите, я нечаянно! Вернее... о господи! Все так сложно!

– А вы объясните, – пропел полицейский.

– Хорошо, – с отчаянием в голосе заявил Лавров, – мы с Ольгой хотели детей! Вернее, если говорить честно, о ребенке мечтала она. Я развелся с первой женой, у меня в том браке погиб сын, и я не очень-то был настроен заводить второго. Но Ольга настаивала. М-да! Да только у супруги обнаружились некие отклонения, гинеколог выписал ей гормональные таблетки, и начался натуральный ад! Оля превратилась в фурию. Скандалы, упреки, капризы, скачки настроения: то кричит на меня, то обнимает и признается в любви.

Я молча слушала Лаврова. Гормоны многое объясняют, увы, женщины сильно зависят от количества эстрогенов, многие из нас раз в месяц начинают изводить окружающих. А кое-кто из моих знакомых бросил пить противозачаточные пилюли, потому что они здорово изменили характер, причем не в лучшую сторону.

Андрей понимающий человек, поэтому он толерантно относился к выходкам жены, но в конце концов и у святого иногда заканчивается запас терпения. Лавров заявил супруге:

– Мы поедem на лето в Грецию, и если в Москву ты не вернешься беременной, прекратишь гормональное лечение. Я более не способен жить с Бабой-ягой.

Ольга обиделась, но обещание дала. Едва Андрей ступил на греческую землю, как ему стало понятно: супруга намерена использовать его по полной программе. Оля не хотела выходить в город, она желала оставаться в кровати. В конце концов, Андрей заявил:

– У меня ощущение, что я нужен тебе не как муж, а как спермодонор! Лично мне хочется поездить на экскурсии и просто поваляться на пляже...

Договорить супруг не успел, жена схватила с тумбочки здоровенный бронзовый подсвечник и метнула в него. Андрей в юности занимался баскетболом, да и сейчас иногда в свободное время играет с друзьями, поэтому у Лаврова сработал рефлекс, он поймал подсвечник и, потеряв самообладание, швырнул его в жену. Ольга завизжала, присела, канделябр просвистел над скандалисткой, вылетел в открытое окно... Из сада раздался вопль. Андрей, мигом придя в себя, кинулся во двор и нашел на дорожке мертвую кошку, рядом валялся злополучный подсвечник, убивший животное.

Андрей на секунду замолчал, потом посмотрел на Наташу.

– Простите, бога ради! Это несчастный случай! Я люблю кошек! Никогда бы не смог намеренно причинить вред ни одной! Сразу понял – это ваша питомица, на ней был ошейник с брелоком: «Марта. Вилла „Афина“».

– Господи! – подскочила Наташка. – Ты убил Марту!

– Случайно, – с самым несчастным видом подтвердил сосед.

– И похоронил ее у изгороди? – уточнил Джо.

– Нельзя же бросить ее просто так... на дороге, – промямлил Лавров.

– Значит, если мы вскроем могилу, найдем там кошку? – не успокаивался полицейский.

Сосед закивал, а Джо вышел из гостиной.

– Мерзавец! – накинулась на Андрея Наташка.

– Это несчастный случай, – шархнул в дальний угол дивана Лавров.

– Почему ты не принес мне останки Марты? – затопала ногами подруга. – Я бы ее искать стала!

– Испугался, – признался Андрей.

Баронесса Макмайер набрала полную грудь воздуха, открыла рот...

Не дожидаясь всплеска справедливого гнева подруги, я пошла за Джо и нашла его на террасе.

– Сейчас мои парни вскроют захоронение, – сказал полицейский.

– Позвоните в Москву полковнику Дегтяреву, я дам номер. Пусть Александр Михайлович уточнит биографию Лаврова: почему он развелся с первой женой и по какой причине погиб его сын? – предложила я.

– Да, верно, – кивнул Джо, – интересно, был ли у его жены страховой полис?

– Вас волнует, сумеет ли Лавров найти деньги для отправки тела в Москву? – нахмурилась я. – Но Ольгу пока не нашли. Может, она жива-здоровая?

– Наш бюджет очень маленький, – со вздохом констатировал Джо, – но я сейчас о другом. Понимаете, люди примитивны, я служу в полиции двадцать лет и за эти годы стал свидетелем большого количества однотипных преступлений. Приезжает на отдых пара, муж или жена тонет в море, а потом выясняется, что погибший удачно застраховал свою жизнь в пользу другого супруга этак на миллион долларов.

– Круто, – вздохнула я.

– Печально, – вздохнул Джо, – но, что еще печальнее, это часто сходит с рук убийце. Я понимаю, что жертву утопили, но доказать ничего не могу, в особенности если тела нет.

Примерно через два часа Джо пришел к нам на виллу и мрачно сел у стола на веранде. Мы с Наташкой, пившие кофе, замерли.

– Там кошка? – с надеждой спросила я.

Полицейский вытащил сигареты.

– М-да, – крикнул он, – в красной юбке и...

– ...розовом топике со стразами, – прошептала я, – он ее убил.

Джо почесал лысину.

– Ну на что он рассчитывал, а? Яма неглубокая, труп чуть-чуть присыпан. То ли сил не хватило, то ли он испугался! Дождь пойдет, покойница наружу вылезет! Дожди у нас не редкость, они короткие, минут на пять, но проливные.

– Откуда бы москвичу знать такие детали про местную погоду, – справедливо заметила Наташка, – у людей Греция ассоциируется с жарой. Это точно Ольга?

Джо нахмурился:

– А кто еще? Напрасно он ей голову и руки с ногами кислотой облил!

– Чем? – в ужасе спросила я.

Полицейский чихнул.

– У нас тут народ живет по старинке, хоть и имеют компьютеры, мобильные телефоны и спутниковое телевидение, хозяйство женщины ведут, как их бабки. Главное – чистота. Поэтому в туалетах у всех стоят бутылки с очень едким средством. На жаре любая неполадка с канализацией сулит кучу неприятностей, трубы в городке старые. Короче, попользовался унитазом, смыл, налил кислоту, опять промыл.

– Знаю, – кивнула я, – у Наташи такая же система.

– Местная администрация давно просит жителей пользоваться не дедовским, «убойным» средством, а приобретать современные, более мягкие составы, – продолжал Джо, – но разве нашим объяснишь! Да и дорогие они, всякие там «утенки», вот народ и покупает дрянь, которая... В общем, ваш сосед не хотел, чтобы жену узнали, и облил ей голову, руки и ноги едкой жидкостью. Думал, таким образом уничтожит все, что поможет идентификации трупа.

– Одежду и торт он оставил нетронутым? Ну не идиот ли! – воскликнула я. – Анализ ДНК легко произвести.

– Наверное, он про него не знал, – скривился Джо. – Кстати, мы тут такое исследование не делаем. В Афинах есть криминалистическая лаборатория, но результата надо ждать не один месяц, там очередь, и опять же бюджет не позволяет.

– Хоть бы юбку с приметным топиком снял, – продолжала удивляться я.

Джо развел руками, а потом добавил:

– Ваш Дегтярев хороший профессионал, тут же откликнулся, и выяснились интересные детали. Первая жена Андрея, Катерина, погибла во время совместного отдыха в Египте. Семья взяла простую лодку, весельную, и отправилась покататься. Катер береговой охраны обнаружил Андрея в воде. Он объяснил, что посудина дала течь, Лавров растерялся и не сумел спасти ни жену, ни сына. Тело мальчика и Катерины обнаружили водолазы. Никаких прижизненных травм утопленники не имели, а лодчонка оказалась очень ветхой. Андрей, простите за глупый каламбур, вышел сухим из воды.

– Жесть! – вытаращила глаза Наташка. – У него подобное, оказывается, поставлено на поток.

– Катерина была обеспеченной женщиной, – продолжал Джо, – она практически содержала Андрея.

После кончины жены ему досталось огромное наследство: квартира, дача, машины, счет в банке, драгоценности, ну и так далее.

– Он убил своего ребенка, – поежилась я.

– О насильственной смерти речи не было, – напомнил Джо, – всего лишь несчастный случай. Кстати, сын не Андрея. Мальчик был рожден Катериной в первом браке.

– Но какого черта эта Синяя Борода сказал нам, что развелся с первой супругой? – удивилась Наташка.
– Зачем врал?

– Вот уж глупость! – подхватила я. – Проверить-то это очень легко! Один звонок в архив! Вы спросили Лаврова, чем он мотивирует свою ложь?

– Ответил, что испугался, – пояснил Джо, – некрасиво получается: первая супруга утонула в море, вторая тоже...

– Обескураживающая периодичность, – фыркнула Наташка, – прямо как в анекдоте: «Вы будете смеяться, но моя седьмая жена тоже повесилась сама, как и шесть предыдущих, наказала себя за подгоревший пирог».

– Лавров утверждает, что он не виноват. Катерину любил, мальчика воспитывал с пеленок, считал его родным ребенком, очень переживал его гибель, даже попал в больницу с нервным срывом.

– Ой, бедняжка! – издевательски воскликнула Наташка. – Хочется плакать от жалости к нему.

– А еще жизнь Ольги Лавровой была застрахована на крупную сумму, – завершил рассказ Джо.

– Какую? – поинтересовалась Наташка.

– В пользу кого? – одновременно спросила я.

Джо положил ногу на ногу.

– Представитель страховой компании не ответил на эти вопросы. Им нужен официальный запрос, но клерк подчеркнул: сумма очень велика. А еще ваш Дегтярев прислал справку на Ольгу Лаврову. У нее нет никаких родственников, кроме Андрея. Отец и мать умерли, братьев-сестер нет, замуж вышла первый раз. На работе Лаврова служила аудитором, она характеризуется начальством положительно: знающая, аккуратная, неподкупная. Коллеги имеют другое мнение: жесткая, крайне принципиальная. Но не из тех, кто любит говорить правду в лицо, улыбнется, а потом пойдет к начальству и сдаст с потрохами. Друзей на службе она не имела, ее сторонились, знали, что она способна настучать, и поэтому ее избегали. Правда, отмечают, что Лаврова очень любит мужа и ревнует его чуть ли не к фонарному столбу. Ольга не из тех женщин, кто постоянно заводит романы, до знакомства с Лавровым она жила одиноко. И вот пикантный момент, она весьма обеспечена. Отец Ольги известный московский нумизмат, он оставил дочери свое собрание монет. А кто наследник Ольги? Правильно, ее муж Андрей.

Над садом повисла тишина.

– Однако Лавров – молодец, – нарушила ее Наташка, – везет ему с бабами. Первая умерла – он получил хороший куш, вторая погибла – заимеет немалые денежки.

– Думаю, наследства от Ольги ему не видать, – подытожил Джо. – Андрея обвинят в убийстве. Есть свидетели его постоянных скандалов с женой, Даша видела, как Лавров стоял у могилы с лопатой, а потом вытирал черенок носовым платком. И эта глупая ложь про ее купание!

– А где кошка? – спохватилась Наташка.

– Там же, – мрачно ответил Джо, – лежала под трупом Ольги.

Моя подруга ойкнула и ушла с террасы.

– Тело Ольги лежало поверх убитого животного? – уточнила я.

– Да, – кивнул Джо.

– Значит, сначала в землю закопали Марту?

– Верно.

– А потом труп Ольги?

– Именно так.

– Почему не наоборот? – поразила я. – Логичнее маленькое уместить на большом!

Джо отвернулся и ничего не сказал.

– Могилка была очень неглубокой, – не останавливалась я. – Неужели Лавров не мог ее выкопать поглубже? И почему, старательно уродуя голову, руки и ноги несчастной, он не снял весьма приметную одежду?

– Если бы преступники не совершали ошибок... – махнул рукой Джо. – Андрей не профессионал, так сказать, любитель... И еще...

Полицейский стал сосредоточенно раскуривать сигарету.

– Ну, дальше, – поторопила его я.

Джо откинулся на спинку стула.

– Отчего-то туристы считают местных полицейских идиотами. Думают: они тут толстые кабаны, способные только гоняться за воришками, тырящими полотенца с пляжа. Это расслабляет преступника, он заведомо ощущает себя неуловимым и совершает оплошности. Думаю, в голове у Лаврова имелся более простой расчет. Они с женой россияне, ну какой смысл греческой полиции тщательно копаться в деле? Погибла не гречанка, следовательно, можно замять происшествие, выдать справку о несчастном случае – и ку-ку. Один раз ему такое уже сошло с рук!

– Ну почему он не снял с нее одежду? – тупо повторяла я. – И зарыл тело в своем саду?

– А куда ему было идти? – усмехнулся Джо. – Залезть на вашу территорию?

– Мог утопить его в море!

– Я уже объяснил ход мыслей преступника, – остановил меня толстяк, – кстати, он оставил приметную улику: на одном из кустов у могилы висит шарф Ольги. Как он его не заметил?!

Вечером я полезла в свою сумку за кошельком и обнаружила там конверт, адресованный Юлии Никоновой. Настроение у меня было невеселым, сидеть на террасе и смотреть на сад, где до сих пор бродили полицейские, не хотелось. Я взяла письмо и пошла в гостиницу. Отдам Никоновой послание, а заодно и развезусь.

– Юлия Никонова? – переспросил портье. – Мадам, она уехала.

– Уже? – поразила я. – Так быстро?

Администратор развел руками:

– Не всем по карману долгий отдых. Госпожа Никонова могла позволить себе всего несколько дней. У вас в России, говорят, тяжелые времена, население вынуждено работать с утра до ночи. Никонова приехала в шубтур.

– Куда? – не поняла я.

Мужчина заулыбался:

– В нашем городе расположена меховая фабрика, небольшое, но хорошее предприятие. Русские женщины покупают путевку и приезжают сюда, чтобы приобрести манто. Даже с учетом перелета и проживания получается намного дешевле, чем покупать норку в Москве. Кстати, если вы возьмете три меховых изделия, фабрика оплатит вам отель, купите десять – слетаете туда-сюда бесплатно. Очень выгодно и вам, и нам. Сходите в демонстрационный зал, от души советую.

– Спасибо, – кивнула я и показала на полочку с книгами, висевшую у ресепшен, – похоже, у вас много русских постояльцев! Вон сколько томов на моем родном языке.

Портье потер руки:

– Верно. Дамы оставляют прочитанную литературу, вот и получилась неплохая библиотека.

– Вон ту Смолякову бросила Никонова? Можно мне посмотреть детектив?

– О! Пожалуйста, – любезно ответил администратор и протянул мне томик в бумажной обложке.

Я увидела загнутый уголок и открыла детектив. Страница 282, до окончания романа осталось всего несколько страниц, и они склеены. Милада Смолякова мастер, она всегда до последней фразы водит читателя за нос. Я сама недавно нервничала вот над этим ее романом и знаю: фамилия убийцы раскрывается буквально в последнем предложении. Естественно, можно пролистать детектив вперед, но ни один из любителей криминального чтения так не поступит, пропадет весь интерес к роману.

– Если хотите, забирайте! – предложил портье. – Прочитаете и вернете. Не отдадите – беды нет, библиотека постоянно ротируется. Дамы берут из Москвы книжку, прочитают, оставят здесь, а на обратную дорогу возьмут из нашего собрания.

– Никонова тоже взяла томик? – спросила я.

– Нет, я предложил, а она отказалась, сказала: «Мне это не интересно», – ответил портье.

Я вышла на улицу, дошла до ближайшего кафе и позвонила Дегтяреву.

– Да! – гаркнул полковник.

– Милый, ты же любишь меня, – проворковала я.

– Говори, – вздохнул Александр Михайлович, – что на этот раз?

Полковник зануда и любит пофилософствовать на пустом месте, он обожает всех поучать и давать глупые указания, типа: «На улице мороз, надень пальто». Но на профессиональной ниве Дегтяреву нету равных, мышь едва высунет из норки кончик носа, как полковник схватит ее, куда только деваются его медлительность и лень! Через пару часов я получила ответы на все свои вопросы и пошла в полицию к Джо.

– Интересно. – Грек побарабанил пальцами по столешнице.

– Дайте мне поговорить с Лавровым, – попросила я, – со мной он будет откровенным. Я не испорчу дела!

– Хорошо, – согласился Джо, – сейчас его приведут в комнату для допросов. Но я буду за зеркалом!

– Естественно, никто в этом не сомневался, – кивнула я.

За время, проведенное под замком, Лавров похудел, а его щеки покрыла щетина.

– Вы? – изумился он, сев за длинный стол. – Зачем пришли?

– Хочу помочь, – ответила я, – знаю, что вы не убивали Ольгу. История про кошку чистая правда.

– Господи! – воскликнул Андрей. – Да, конечно! С какой стати мне убивать родную жену? А?

– Ну мотив-то был, – нежно улыбнулась я, – Ольга застрахована на огромную сумму, и коллекция ее отца должна была достаться вам, так? Интересно, почему молодая женщина вдруг решила составить завещание? Российские граждане не приучены к таким поступкам.

– Олюшка легла на операцию, – пояснил Андрей, – гинекологическую. Я уже говорил о ее маниакальном желании иметь детей. Она боялась наркоза, смерти на столе, вот и пошла к нотариусу.

– Представляю, как вы испугались, узнав, что в саду закопано тело!

Андрей кивнул:

– Это было ужасно. Кто мог так поступить с Оленькой!

– Действительно, кто? – нахмурилась я. – Вы ведь договаривались с Юлей по-другому.

– С кем? – икнул Лавров.

Я оперлась локтями о стол.

– Могу рассказать, как было дело. Вам нравятся обеспеченные женщины, вот только они капризны и требуют внимания. После гибели Катерины вы женились на Ольге, а та неожиданно захотела иметь детей. Вам младенцы не нужны, им ведь положена часть имущества после смерти мамы.

– Боже, что вы несете! – прошептал Андрей.

Я пожалала плечами.

– Просто рассказываю не очень оригинальную историю. Ольга надоела вам, и вы решили повторить трюк с утоплением. Преступники частенько идут по проторенной дорожке. Одна жена погибла в море, и вторая может захлебнуться в воде. Местная полиция расследует подобные дела спустя рукава. Поэтому вы сняли дом в Греции, в маленьком городке, не в Афинах. Знаете, я всю дорогу слушала скандалы Ольги и поражалась: ну почему вы так терпеливы? Теперь стало понятно: вы сохраняли имидж любящего мужа, который потворствует капризам супруги. Весь автобус и пассажиры самолета могут это подтвердить. Но на самом деле вы придумали хитрый план. В Грецию полетела и ваша любовница, Юлия Никонова.

– Глупости! – подскочил Андрей. – Я не знаю эту женщину.

– Не надо, – погрозила я пальцем Лаврову, – уже есть показания по этому поводу. Вы должны были поехать на такси в Афины, Ольга отказалась бы от экскурсии, серпантин не для нее. Вернувшись назад, вы бы узнали, что жена пошла купаться и утонула. У вас стопроцентное алиби. Черная работа по убийству Лавровой должна была лечь на плечи Никоновой. Я сейчас не хочу вдаваться в детали. Просто учтите – правда известна.

Андрей посерел.

– Я ее не убивал!

– Нет, – согласилась я, – и есть одна неизвестная вам деталь! Ольга переписала завещание и переделала страховку. Совершила она это за день до отлета в Грецию. Знаете, кто наследник?

– Ольга сирота, – прошептал Лавров, – ни родственников, ни подруг из-за своего противного характера она не имеет...

– Верно, – кивнула я, – но порой женщины способны на невероятные поступки. Скажите, сколько у вашей жены сумок?

– В смысле? – растерялся Лавров. – Вы о чем?

– О ридикюлях. У Ольги их было много с собой?

– Ну... не знаю, – ответил Андрей, – я не обращаю на это внимания.

– Плохо, – констатировала я, – впрочем, ваша жена на это и рассчитывала. Помните, она устроила скандал в автобусе, хотела в туалет?

– Может быть, – пожал плечами Андрей, – истерика – это ее любимое занятие!

– Ольга зашла туда, имея при себе сумку бежевого цвета, – сказала я, – а назад, к автобусу, она вернулась с мороженым, но без сумки. Мне еще тогда нечто показалось странным, но я не стала обдумывать происходящее, Ольга скандалила...

– Я не помню, – совершенно искренне ответил Андрей. – Ну какая разница, что у нее было в руках?

– На то и был расчет! Ваша жена постоянно орала, и это отвлекало внимание от всего, кроме ее визга. Но полиция съездила на заправку и поговорила с хозяином, и тот рассказал такую историю. Одна туристка попросила его припрятать сумку, обещала забрать ее через несколько дней. Дама хорошо заплатила и

показала, что в торбе лишь одежда и кое-какие документы. Хозяин не стал спрашивать, зачем женщине понадобилось прятать вещи, он решил заработать, главное, что там нет наркотиков и оружия, остальное ерунда. Так знаете, кто наследник Ольги? Юлия Никонова! И страховку, и коллекцию получит она.

– Вы врете! – заорал Андрей, вскакивая со стула.

– Садитесь, – попросила я, – ваши жена и любовница сговорились между собой и решили от вас избавиться. Обе очень обижены на вас, вы обманывали и ту, и другую. Вот дамы и захотели отомстить. План был прост. Ольга подбрасывает вам снотворное в вино, вы мирно засыпаете. Ваша жена режет себе руку, пачкает своей кровью нож, бросает его возле вас, расшвыривает вещи и... убегает. А через час поступает звонок в полицию от Юлии Никоновой. Она гуляла по пляжу вечером и видела, как мужчина выбрасывает с лодки труп. Кстати, лодку тоже собирались замазать кровью Ольги! Вас арестовывают за убийство, через положенный срок Юлия Никонова получает страховку и коллекцию, отдает половину Ольге – и все путем.

– Бред, бред, бред, – твердил Андрей.

– И вновь я согласна с вами, – кивнула я, – но Юлия-то поверила Ольге. Никоновой мысль о получении кучи денег показалась привлекательной. Кстати, вы тоже обещали поделиться с любовницей, но деньги-то и коллекция доставались только вам! А Оля предложила Юлии переделать свое завещание и переформила его! Почувствуйте разницу. Формально Лаврова мертва, весь трофей Юлин, и только от нее зависит, отдаст ли она Ольге его часть.

Андрей обхватил голову руками.

– Но ваша жена вовсе не наивна, – безжалостно продолжала я, – дело было так. Вы поскандалили и случайно убили кошку Марту. Пока вы зарывали несчастное животное, Ольга позвонила Юле и сказала:

– Планы меняются. Убиваем меня сегодня. Приходи на виллу через час. Вы пришли в дом и, думаю, выпили вина.

– Да, – кивнул Андрей, – Оля налила.

– А потом заснули?

– Верно. Я встал около полудня, жены нет, нашел на берегу вещи... Поймите, я подумал: «Вот повезло, она сама утонула». – Андрей умоляюще протянул ко мне руки. – Я очень обрадовался, что не надо... ну... в общем, это же тяжело... мне было жаль Юлю... э... как она утопит... А потом пришла полиция.

Я встала и начала ходить по небольшой комнате для допросов.

– Ольга убила Юлию, передела ее в свою одежду, сама нацепила сарафан Никоновой, облила голову, руки и ноги вашей любовницы кислотой, слегка припорошила труп землей, повесила на ветку свой шарф и ушла в гостиницу. Она знала, что вы заявите в полицию о пропаже супруги. А местные Шерлоки Холмсы живо найдут труп, тот практически на виду. Или ближайший ливень откроет тело. Полиция выдаст справку о смерти, вас засунут в каталажку. Через положенный срок Юля-Ольга получит деньги, а коллекцию она уже успела перетащить в ячейку банка. Ольга-то сейчас в Москве, улетела туда по билету Никоновой. Самое интересное, что никто не заподозрил плохого – ни портье в гостинице, ни пограничники. Лаврова и Никонова слегка похожи, остальное сделал грим. И потом, тех, кто катается за шубами, особо не проверяют. Единственная неувязочка – Никонова должна была прожить в отеле еще сутки, но портье не удивился скоропалительному отъезду, всякое случается, может, дама решила побегать по Афинам. Кстати, Ольга-Юлия так и поступила.

– Но... но... как она собиралась появиться на работе? – прошептал Андрей.

– Никак. Никонова уволилась перед отъездом в Грецию, Ольга сказала ей, что надо сменить место службы. Кстати, знаете, что было в той, спрятанной на заправке сумке? Российский паспорт на имя Елены Петровой с фотографией вашей жены, ключи от квартиры, которую она предусмотрительно сняла в спальном районе Москвы, и неприметная одежда, не яркая, как носили Ольга и Юля, а серое скромное платье и парик. Ольга тщательно подготовилась, не хотела рисковать, вдруг муж случайно найдет эту сумку. Вам нравятся одинокие бабы, у Никоновой, как, впрочем, и у Катерины, и у Ольги, нет родных, ее бы не стали искать.

– Но я бы узнал о завещании и начал охоту на Юлю! – взвыл Андрей.

– Маловероятно, – возразила я, – вам предназначалось сидеть в греческой тюрьме. Господина Лаврова осудили бы по местным законам, до Москвы он добрался бы лет этак через десять.

– Сука! – стукнул кулаком по столу Андрей. – Она хотела меня посадить! Все подстроила! Спала со мной в одной кровати и... нет, какова мерзавка!

– А вы спали с ней в одной кровати и задумали утопить, – напомнила я. – Юлия рассказала всю правду Ольге. Кстати, зачем вы вытерли черенок лопаты носовым платком? Мне это показалось очень подозрительным.

– На деревяшку что-то налипло, – растерянно пояснил Лавров. – Я не хотел испачкаться.

– Надо же! А я решила, что вы уничтожаете отпечатки пальцев!

Андрей побагровел.

– Ольга дура! Ну как бы она заявила в страховую компанию за деньгами! Ее же узнают как Лаврову.

– Ваша супруга планировала сделать пластическую операцию, – пояснила я, – изменить форму носа, вкачать гель в губы и подкорректировать овал лица. Затем осветлить волосы, вставить в глаза цветные линзы... Ее бы и родная мать не узнала. Ладно, это все! Вы не убийца. Правда, не знаю, считается ли неосуществленное намерение утопить жену преступлением. Думаю, вас отпустят. Страховка, правда, теперь пропадет. А где, в каком банке находится коллекция монет, Ольга вам не расскажет, и она имеет на это право, спрятала личную собственность, полученную до брака. Лаврову будут судить, но мне это неинтересно. Да. Юлия обронила в автобусе конверт. Я хотела вернуть ей письмо и понесла в гостиницу. В конечном итоге из-за оплошности Никоновой дело и раскрылось.

– Что за письмо? – спросил Андрей.

– Полная ерунда, – улыбнулась я, – в конверте лежал рекламный проспект. Наверное, Никонова получила его перед отъездом от турфирмы, хотела вскрыть в самолете и забыла. Прощайте.

Я вышла из комнаты и налетела на Джо.

– Как ты догадалась, что Никонова – это не Никонова? – спросил полицейский.

– Вам это покажется глупым, – улыбнулась я, – но мне помогла книга Милады Смоляковой. Помню, в автобусе на моих глазах Юля загнула уголок страницы. Она сказала, что обожает этого автора. Но почему тогда она оставила в гостинице недочитанный роман? Последние листки были склеены, их не открывали. Ладно, Юлия занималась покупкой шубы и временно отложила книгу, но, улетаая, она непременно должна была прихватить ее, чтобы узнать развязку. Ни один любитель детективов не бросит чтение на самом интересном месте. А еще она отказалась от предложения портье взять новый криминальный роман, сказала: «Мне это неинтересно». И я подумала: вот странность! Человеку несвойственно столь резко менять свои привычки.

– А мне показались странными браки Андрея, – признался Джо, – все жены всегда богаче мужа. Нехорошо!

Я посмотрела на толстяка, но ничего не сказала. Джо полагает, что неравенство в супружестве зависит от денег. Думаю, он не совсем прав. Что такое неравный брак? Это когда жена ненавидит мужа больше, чем муж жену.

Дарья Калинина «Горный шиповник»

День обещал быть весьма насыщенным и ярким. Выйти в поход предполагалось еще на рассвете. Так было запланировано за много дней, когда еще только обсуждался план очередного пикника у водопада. На дорогу туда, обратно и на отдых у водопада отводился один день.

– Вернемся еще засветло! – оптимистично заявляли друг другу члены небольшой группы, отправляющейся к водопаду. – Теплую одежду можно с собой не брать, погода стоит отличная. Ягоды и орехи соберем в лесу. Так что возьмем только хлеб, овощи для салата и мясо для гриля. Ну и, конечно, выпить.

Именно выпить, а не попить. Пить можно и из горных речек, ручейков и многочисленных родников. Вода, берущая начало в подземных родниках, такая сладкая и ледяная, что вкус ее лучше всякого лимонада.

Сам водопад находился высоко в горах, поэтому сразу же было заявлено: детей моложе двенадцати лет с собой не берут. Да и из числа желающих пойти в поход подростков выбрали только самых хорошо подготовленных физически и не склонных к нытью. Взрослые участники экспедиции вовсе не горели желанием всю дорогу слушать капризные речи, вместо того чтобы наслаждаться красотами окружающей их природы.

– Нет, ты не пойдешь!

Асе казалось, что эту фразу за последнюю неделю ей пришлось повторить не меньше ста раз. Младший братец буквально не давал ей проходить. В отсутствие родителей, уехавших в гости к родным, за старшую в доме осталась двадцатилетняя Ася. А ее младший братец Давид буквально изводил сестру, приставая к ней и умоляя взять его с собой.

– Ну и что с того, что тебе уже скоро тринадцать? Сомневаюсь, чтобы даже к тридцати ты набрался достаточно ума, чтобы можно было без ольпски отправиться с тобой в горы.

Ася качала головой в ответ на его мольбы. Не нужна ей эта головная боль! Она хочет хотя бы один день провести спокойно и в свое удовольствие.

– А с тобой я все время словно на пороховой бочке! – возмущенно прибавила она. – Кто вчера натер соседскому ослику задницу острым перцем? Бедное животное полдня носилось по деревне с задраным хвостом!

Осел сломал изгородь, повредил курятник, распугал овец и довел до сердечного припадка свою хозяйку. Ведь она весь день носилась за ним, пытаясь эту скотину уговорить!

Да, сестра была права. Осел повел себя слишком активно. Но ведь сам Давид этого не хотел!

– Твоя главная беда в том, что ты сначала делаешь, а потом уже думаешь.

– Но я же думаю! Просто потом получается не совсем так, как я думал.

– Плохо получается! Дай мне отдохнуть от тебя хотя бы один денек!

Давид, набычившись, посмотрел на сестру. Это был красивый, очень рослый и сильный для своих лет мальчик. Он не был злым, он просто был страшным озорником. И в чем-то сестра права: ему нужно лучше планировать свои шалости. Но у Давида имелся против сестры один козырь, который он не хотел пускать в ход до последнего момента. Но, похоже, теперь этот момент наступил. Поход назначен на завтра, а ему так и не удалось уговорить сестру по-хорошему.

Поэтому он скорбно вздохнул и выпалил:

– Знаю я, почему ты хочешь от меня избавиться! Все дело в Дидо.

– Что?!

– Он в тебя влюблен. Ты просто хочешь остаться с ним наедине, без свидетелей!

– Как это без свидетелей? С нами идет еще двенадцать человек!

– Им будет не до вас. Только я мог бы присмотреть за вами!

У Аси от возмущения перехватило дыхание, а Давид спокойно продолжал:

– А ведь Дидо очень не нравится нашему отцу. Он говорит, что с таким парнем жди беды. И он будет очень недоволен, узнав, что ты кокетничаешь с Дидо.

– И не думала я вовсе! Ты ничего не скажешь отцу!

– Не скажу, если пообещаешь взять меня в горы!

– Шантажист!

– Я все равно пойду, с тобой или без тебя!

Ася взглянула на брата и поняла, что тот не шутит. И что за мальчишка такой растет?! Вроде бы и славный, и милый, и добрый. Никогда не обидит маленького, всегда заступает за слабых детей, чтобы их не обижали те, кто сильнее и злее. Но справиться с ним просто невозможно. Что решил, то и сделает.

– Ладно! – вздохнула девушка. – Если уж тебе так приспичило, пойдешь с нами. И учти: не ты за мной, а я за тобой буду приглядывать! Я – старшая!

– А я – мужчина! Значит, главный – я!

Ася не выдержала и прыснула. Мужчина нашелся! Сопляк! А ведь еще недавно он сучил ножками в своих пеленках, а потом не мог привыкнуть к горшку, все надевал его на голову и бегал по дому, словно рыцарь в шлеме и без штанов.

Конечно, у Аси давно накопились претензии к братцу. Она вполне могла заставить парня подчиниться ей. Но, будучи женщиной, она знала, когда не стоит перегибать палку. В конце концов, Давид – сильный мальчик. И если он пообещает, что будет вести себя хорошо, слово он сдержит.

Счастливый, Давид ушел, а Ася накинула на плечи теплую, связанную еще бабушкой шаль и выскользнула из дома. Перепрыгнула через соседский заборчик и оказалась у дома своей лучшей подруги – Светы.

В следующем месяце у Светы намечалась свадьба с Василием. Подружка могла говорить только об этом. Лично Асе этот Василий не очень нравился. Конечно, он был парнем хозяйственным. Только дойных коров у него было пять штук. Но ведь пять коров, каждая из которых дает по двадцать литров молока в день, – это же свихнуться можно! Все это молоко надо надоить, поставить на сливки или сыр, переработать, потом свезти на базар и продать.

Неудивительно, что Василий надумал жениться. Чтобы женщина вела его хозяйство, доила коров, пахала на огороде и в виноградниках. Ася все это прекрасно понимала. Но глупенькая Светка не шла мыслями дальше дверей ЗАГСа. И все намеки подруги, что ее ждет далеко не сладкая жизнь, либо пропускала мимо ушей, либо отмахивалась от них.

Вот и сейчас Света была занята тем, что примеряла свое свадебное платье. Увидев Асю, она закружилась перед зеркалом.

– Как я тебе? Правда, прекрасное платье?

– Замечательное!

– Не слишком свободно?

– Тютелька в тютельку! На тебя ведь шили.

– Ну да, – призналась Света. – Отец отдал за него лучшего барашка и ярочку. Но ты ведь знаешь, мы, женщины, то худеем, то полнеем. Вдруг за месяц я поправлюсь? Или, наоборот, похудею?

– Поэтому ты и меряешь его каждый вечер? Беспokoишься, как бы не выйти из формы? Говорят, это дурная примета, – заметила Ася.

– Дурная примета, когда платье видит жених. А Васяка его не видел и не увидит до свадьбы!

«И хорошо, – подумала Ася. – Скуповатого Василия удар хватит, когда он увидит свою невесту в невообразимо дорогом, по меркам их села, платье». Ася подозревала, что отец Светки отдал за него не только двух овец. Это он Светкиной матери, плохо разбирающейся в моде, мог такое втереть. Ася отлично видела, что платье пошито настоящей мастерицей. И ткань очень дорогая. Не говоря уж о кружеве, вышивке, ручном шитье и стразах, которыми оно было щедро украшено.

Оставалось надеяться, что и в браке на долю Светки выпадет хотя бы десятая часть тех подарков, которые делал ей отец.

Ася снова нахмурилась. Нет, не раскошелится Василий на подарки! Разве что это будет нечто полезное для дома или хозяйства. Машина цемента, например. Или ручной культиватор.

– Идешь завтра? – спросила Света у подруги.

Она уже сняла платье и, аккуратно накрыв его прозрачным чехлом от пыли, повесила в шкаф.

– Да, – кивнула Ася.

– Вася с отцом тоже идут.

– В самом деле? Но поведет нас всех Дидо.

Помимо воли в голосе Аси проскользнули восторженные нотки. Света недовольно сморщила нос.

– Что ты нашла в этом парне? – проворчала она.

– Тебе он так не нравится?

– Он какой-то странный. Да у них все в семье такие. Взять хотя бы отца Дидо! За что он пострадал? За какие-то дурацкие принципы!

– Отец Дидо ловил браконьеров в нашем лесу.

– Мой отец тоже ходил в лес стрелять зайцев или птицу без всякой лицензии. И твой папа горных

козлов приносил несколько раз.

– Но это же был какой-то один маленький козлик или пара перепелок! Отец Дидо был против, когда зверей расстреливали с вертолетов, для забавы.

– Ну, а я о чем! – воскликнула Света. – Ясно же, что у простых людей вертолетов для охоты быть не может. Значит, большие шишки прилетали. А он с ними связался, правду искал. А что в результате? Поймал пулю – и ничего больше!

– На следствии четко сказали: убийца – кто-то из своих! Тот человек ушел в горы, найти его не удалось. А кто может знать наши горы – только местные мужчины!

Света пожала плечами. На нее все разговоры, кроме темы ее свадьбы, наводили скуку. Поэтому она подвела итог беседе:

– В семье Дидо все немножко с приветом. И он сам такой же. А уж когда убили его отца, он и вовсе сдвинулся на этой почве.

– Легко ли ему жить, зная, что убийца на свободе?

– Ох, уж эти горцы с их понятиями, – вздохнула Света. – Смотри, выйдешь за такого замуж, он тебя к столбу приревнует и прирежет.

Ася промолчала.

В путь вышли на рассвете. Было темно. Солнце еще не позолотило своими лучами вершушки гор. Оно только окрасило небо в чуть более светлый оттенок, намекая, что скоро утро. И если кто-то хочет увидеть рассвет в горах, пора двигаться.

– Нам обеспечена хорошая погода! – бодро заявил Дидо, приветствуя девушек.

Все согласились с ним. И только старый пастух дядя Дима, проходивший мимо (его рабочий день начинался еще затемно), недовольно покачал головой.

– Эх, молодо-зелено! – пробормотал он. – Гроза к ночи будет.

Но никто не стал его слушать. Все знали, что дядя Дима обладает сквернейшим характером на свете. Обожает предсказывать всевозможные ужасы, беды и катастрофы. На свадьбах он предрекал скорую гибель невесты или жениха. На крестинах пророчествовал, что вырастет из этого младенца в лучшем случае вор, а то и убийца. А уж во время пахоты и года не проходило, чтобы дядя Дима не предрек великую сушь, гибель всех посевов, голод и смерть.

Толпа дружно двинулась в путь, стремясь побыстрее выбраться из деревни.

Собственно говоря, Буденовка была даже не деревней, а довольно большим селом. Почему ее называли деревней, никто не знал. Соседний райцентр мог бы целиком уместиться на половине территории Буденовки. Но тем не менее райцентром был именно он, а не Буденовка.

Деревня раскинулась под самым Кавказским хребтом. Население было смешанное. Русские, грузины, аварцы, армяне, евреи мирно соседствовали друг другом, а затем тихо покоились на одном кладбище, не разделенном на три части, – хоронили всех вперемешку. Некоторые надгробия были простыми плитами, какие-то украшала шестиконечная звезда, кое-где стояли кресты.

Национальные розни не раздирали деревню. Смешанные браки были делом обычным. Никто и внимания не обращал, если русская девушка выходила замуж за мусульманина. Нравы были простые. Нередко многие пары так и жили всю свою жизнь, официально не оформив отношения. К чему лишние бумаги? Все и так знают, что они – муж и жена. И их дети – это именно их дети.

Ближе к концу лета, когда работы на виноградниках, полях и огородах становилось меньше, местные жители могли подумать и о развлечениях. Одним из них были прогулки в горы. На охоту, за грибами или кизилом, за орехами или дикими каштанами и мелким золотисто-шоколадным корольком.

Климат у подножия гор был теплым и благоприятным не только для людей, но и для животных. Горные леса были богаты своими дарами. Дичи было много и у самой деревни. А уж выше, в горах, водилась и вовсе знатная добыча – дикие козы, волки и даже медведи. Почти в каждом доме в Буденовке было охотничье ружье, с которым мужчины отправлялись в горы.

Разрешением на его ношение и хранение местные жители редко озабочивались. Точно так же, как и лицензией на отстрел дичи. Какие лицензии? Их отцы, деды и прадеды жили и охотились в этих горах. О чем речь-то?

Так что не проходило и года, чтобы кого-нибудь из жителей деревни не оштрафовали или не отправили за решетку за браконьерство. Конечно, лесники попадались разные. Некоторые смотрели сквозь пальцы на происходящее. Другие разрешали охотиться в «своих» угодьях лишь друзьям и близким. А третьи были неподкупны.

Именно к таким принципиальным относился, по мнению односельчан, отец Дидо. Ходили упорные

слухи, что убил его кто-то из браконьеров. Поймать преступника не удалось. Он словно сквозь землю провалился. Ушел туда, где не было не только дороги, но даже и мало-мальски подходящей тропки. Погоня вынуждена была повернуть назад, наткнувшись на неприступную горную расселину.

Дидо было в ту пору пятнадцать лет. Нынче он отпраздновал двадцать пятый день рождения. Дидо превратился в красивого парня. И не у одной только Аси замирало сердце, когда он смотрел на девушку своими выразительными темными глазами, на самом дне которых притаилась горькая печаль.

Отец его был грузином, мать – русской. Он унаследовал от них обоих самые лучшие качества. От отца – отвагу, принципиальность и чувство чести. А от матери – красоту и желание много и с пользой трудиться. За такого жениха многие отцы без колебания отдали бы своих дочерей. Только Асин отец почему-то хмурился и ворчал, что этот парень еще покажет себя. Весь в отца пошел, такой же сумасшедший и непреклонный.

– Как хорошо! – догнала Света свою подругу.

– Очень! – искренне выдохнула Ася.

Солнце встало, но еще не пекло. К моменту наступления сильной жары Дидо планировал изрядно углубиться в лес.

– Посмотри на дядю Гоги, – хихикнула Светка. – Не отпустил своих дочек одних!

Ася покосилась на маленького пузатого мужчину, который ковылял, изо всех сил стараясь не отстать от основной группы. У дяди Гоги в жизни имелось всего две проблемы. Точнее, две его обожаемые дочки, старшая и младшая. Красавицами они отнюдь не были, труженицами или мастерицами – тоже. Честно говоря, это были самые уродливые, кривоногие и, несмотря на относительную молодость, уже усатые каракатицы, каких только можно представить. Вряд ли какой-нибудь мужчина заинтересовался ими.

Но у дяди Гоги на этот счет было собственное мнение. Он считал, что его дочки – два самых лакомых в мире кусочка. И женихи только и выжидают удобный момент, чтобы похитить этих красавиц, обесчестить и опозорить бедняжек. Поэтому дядя Гоги никогда никуда не отпускал своих дочек одних. В поход поплелся за ними следом, несмотря на свою тучную комплекцию и короткие ножки.

Кроме дяди Гоги и его дочек, отправились в путь Вася со своим отцом, Дидо, Света с Асей, Давид, еще шесть молодых людей и юношей из деревни.

А вокруг была такая красота! Дорога шла через прозрачные лиственные леса, так мало похожие на густые заросли в северных таежных местах. Тут было совсем не страшно, светло, просторно и легко.

Девушки нарвали цветов, сплели венки и чувствовали себя прекрасно. Молодые люди, успевшие распить пару кувшинов домашнего вина, захваченного с собой, принялись распевать песни. Девушки присоединились к ним. Двигаясь в такой приятной атмосфере, все дошли до переправы через неглубокую, но очень быструю и холодную речку.

– Мост какой-то хлипкий, – с сомнением покачала головой Света. – Дидо, ты не мог выбрать другой путь?

– Другого пути нет, – хрипловато отозвался молодой человек.

– Была же дорога через Красную рощу!

– Там случился камнепад, тропу засыпало. На прошлой неделе. – И видя, что Света собирается еще о чем-то спросить, Дидо быстро произнес: – Если не хочешь идти, возвращайся в деревню.

Света насупилась. Они три часа идут, и теперь – назад? Вот еще придумал!

– Света права, – заступилась за подругу Ася. – Мостик в самом деле выглядит не слишком надежно.

Мост представлял собой две веревки, на них лежали доски. Две другие веревки заменяли собой перила.

– Выдержит, если будем переправляться по одному, – сказал Дидо.

– Ты тут сам-то ходил?

– Много раз!

Голос Дидо потеплел, как бывало всякий раз, когда он разговаривал с девушкой.

– Не беспокойся, Асенька. Я же буду рядом.

Ася взглянула на Дидо со сдержанным восторгом.

– Пойдем, я научу тебя, как нужно держаться, – предложил он.

– Хорошо.

Дидо пошел первым, показывая Асе и другим, что путь безопасен. Оказалось, что все очень просто. Нужно сохранять равновесие и двигаться, осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Хлипкий мостик раскачивался в такт шагам, но не слишком сильно, если не спешить. Ася благополучно перешла через мост.

Следом за ней переправились Давид, Вася с отцом и еще несколько молодых людей. Дидо командовал, кому за кем идти. Наконец на том берегу остались только дядя Гоги с дочками и два брата – Ваня и Рустам. Рустам и Ваня были братьями по матери, отцы у них были разные. Но парни уродились одинаково крупными.

Каждый из них весил как полтора, а то и как два обычных, среднего роста, мужчины. Их смущение было хорошо понятным.

– Идите же! Кто первый? Рустам? Давай!

Рустам набрал в могучую грудь побольше воздуха и шагнул на мост. Первые же шаги показали, что парень был прав в своих опасениях. Мост дрожал. А веревки натянулись так туго, что, казалось, того и гляди они лопнут.

– Рус-там! Рус-там! – скандировали на другом берегу реки. – Да-вай!

Сначала все шло сносно. Рустаму, казалось, удастся одолеть переправу. Но, когда до противоположного берега было уже рукой подать, мост надрывно закрипел. Дидо подскочил к мосту, словно мог что-то изменить, и тут одна из веревок лопнула!

– Рустам!

Парень уцепился за кусок веревки, покачался над бегущей водой. До нее был от силы метр. И Рустам решился, отпустил веревку и плюхнулся в воду.

– Утонет!

– Погибнет!

Рустам вынырнул. Около берега, где он свалился, воды ему было по шею. Но быстрое течение могло сбить парня с ног и уволочь за собой. Один раз так и случилось, когда Рустам поскользнулся у самого берега. Тут же он выровнялся, выбрался на сушу и начал сдирать с себя мокрую одежду.

Пока Рустам обсыхал и грелся, перед прочими встал вопрос: как быть с оставшимися на том берегу людьми? Их было четверо.

– Переправиться вброд – нечего и думать! – подал голос Рустам. – Я пробовал, гиблое дело!

– Может быть, обвязать их веревками и тянуть?

Но ни у кого не оказалось подходящей длинной и крепкой веревки. Рустам заявил:

– Они замерзнут и заболеют! Я пробыл в воде совсем недолго, но мне хватило.

Дядя Гоги и его девочки лезть в воду вовсе не хотели.

– Мы пойдем домой, – решил дядя Гоги, но его дочери энергично запротестовали.

В кои-то веки им предстояло интересное приключение! Провести с целой кучей молодых людей весь день. Да еще в необычной обстановке, где общение куда свободнее, чем в деревне. Ася догадывалась, что они сказали отцу. Обе хотели замуж. Раз уж он пошел с ними, то должен что-нибудь придумать.

Дядя Гоги почесал в затылке и заявил, что он знает другую дорогу. Идти по ней несколько дольше, есть там пара таких местечек, где он и сам с трудом пройдет, но это приятнее, чем схлопотать воспаление легких.

Дидо повел группу дальше, дядя Гоги двинулся в обход. Местом встречи назвали Старый Дуб. Это было странное место. Голая поляна и посредине нее – могучее дерево, которому сравнялось не меньше нескольких сотен лет. Когда-то в него попала молния, но дождь успел погасить огонь прежде, чем он уничтожил дерево. Верхушка дерева с тех пор оказалась расщепленной почти надвое.

В округе не было человека, который бы не слышал про это дерево. Слухи ходили самые разные. Якобы тут обитает дух леса. Тех людей и охотников, которые ему не нравятся или, наоборот, слишком нравятся, он приманивает к дереву, не давая им выйти из леса. Некоторые несчастные блуждали вокруг дуба много дней и даже недель, потеряв ориентацию и не в силах противостоять странному, путающему мысли туману.

Местечко было не из самых приятных. Но никто не боялся: был день, их было много, с ними – Дидо, который хорошо знал эти места.

– От Старого Дуба к водопаду идти всего около часа. Правда, по скалам. Но мы справимся.

Вся компания расположилась возле дерева, люди немного перекусили. Дядя Гоги появился через полчаса. Выглядел он красным, злым и потным.

– Ну, Дидо! – ворчал он на главного. – Как только тебя ребята вожаком выбрали! Ты же гор совсем не знаешь!

Дидо проглотил этот укор, предложив всем следовать дальше:

– До водопада уже рукой подать.

Дидо первым направился к скалам, за которыми, как он уверял, находился водопад.

– Куда? – растерялась Света. – Дидо, тут же почти отвесный подъем!

– Я покажу тропку. Проберемся.

Тропинка эта больше бы подошла суслику, кролику или другому столь же маленькому и прыгучему созданию. Чтобы не сорваться, люди обвязались веревками, с большими предосторожностями стали карабкаться вверх.

– Не думала я, что Дидо потащит нас в такой поход! – ворчала Света.

Ася не могла придумать, что ей возразить. Дорога в самом деле была ужасной. А уж этот последний ее

отрезок и вовсе был сущим кошмаром!

– А-а-а! – вскрикнула Света, оступившись на камне и едва не полетев вниз.

Ей удалось сохранить равновесие благодаря тому, что Василий вовремя схватил Светлану за шкирку. Держал он ее крепко и уверенно. А что невеста в этот момент больше походила на нашкодившего котенка, его ничуть не волновало.

Василий набросился на Дидо:

– Дурак! Что за дорогу ты выбрал?! Ты же нас всех погубишь!

Дидо не успел ничего сказать в свое оправдание. Наверху послышался какой-то шум.

– Что это?

– Похоже на обвал. Скорее!

После этих слов Дидо все заторопились. Об осторожности никто уже не думал. Люди быстренько забрались в расщелину, и вдруг сверху упал первый камень. За ним еще и еще, а потом они понеслись целой лавиной. Сбившись в тесную кучку, люди смотрели на камнепад.

– Осторожней! Берегите головы!

Люди послушно закрыли головы, избежав серьезных травм и увечий. Но синяки и шишки появились почти у всех. Однако не это было самое худшее. Дальнейший путь стал опасным.

– Я не могу повести вас туда без разведки, – развел руками Дидо.

– Так иди и разведай!

– Тогда мы не успеем к водопаду. – Дидо помрачнел. – Мне очень жаль.

Дядя Гоги вспыхнул:

– Жаль ему! Да твой отец со стыда бы сгорел, будь он сейчас с нами!

– Что вы имеете в виду?

– Ты берешься за дело, которого не знаешь! – запальчиво бросил ему дядя Гоги. – Ты в горах – словно младенец в супермаркете!

– Я не виноват, что старая дорога разрушена!

– В горах полно дорог и троп! – продолжал сердиться дядя Гоги. – Просто нужно их знать!

– А вы знаете?

Некоторое время дядя Гоги сердито сопел. Внезапно он решительно произнес:

– Идите за мной. Так и быть, выведу вашу компанию к водопаду. Угораздило же меня связаться с толпой сопляков!

Дядя Гоги бодро заковылял вперед. Следом за ним поспешили дочери. А потом все остальные. И он не соврал! Не прошло и четверти часа, как все оказались на чудесной поляне на берегу реки. На противоположной стороне реки, среди скал, искрился водопад, ради которого и было затеяно это нелегкое путешествие.

– Мы пришли! Ура!

Молодые люди кинулись к водопаду купаться. Они прыгали под его сверкающими струями, словно малые дети. Затем приступили к приготовлению мяса. Собрали дров, развели костер, нанизали аппетитные розовые куски свинины на длинные крепкие прутья, которые Дидо выточил из орешника.

Мясо быстро поспело, и все накинулись на него с таким аппетитом, что через несколько минут от него не осталось и следа.

Люди развалились на траве, наслаждаясь сытостью и этим чудесным днем. Одна только Ася выглядела озабоченной.

– Что с тобой? – спросила Света.

– Похоже, дед Дима не ошибся со своим прогнозом. Смотри!

Ася протянула руку в сторону горного хребта. Из-за него, закрывая собой голубое небо, быстро надвигалась черная туча.

– Гроза идет!

Как тут все засуетились! Все знали, настолько это опасно. Крохотные ручейки в один миг превращаются в бушующие потоки. Реки выходят из берегов и, ревя, поглощают все на своем пути. Гроза в горах – это потоп, кошмар, конец света!

– Надо скорее уходить!

Но куда уйти они не успели. Гроза надвигалась стремительно. Они лишь успели выбрать местечко повыше и посуше, вбить колья и растянуть на них пленку, кем-то предусмотрительно захваченную с собой. Только что она заменяла собой скатерть.

Первые капли дождя ударили о землю, и все полезли под пленку. В следующий миг дождь хлынул сплошной стеной. Асе со Светой только и оставалось, что вместе со всеми беспомощно наблюдать, как вода

смывает в реку остатки их пикника. Одноразовую посуду, хлеб и оставшуюся случайно недоеденной колбаску. С собой молодые люди успели захватить только вино и водку и тут же принялись деловито их распивать.

– Налейте и нам с Асей, – подала голос Света. В ответ на укоризненный взгляд жениха она развела руками: – Холодно же!

В самом деле холодало стремительно. Только что светило солнце, стояла сильная жара, было душно. А теперь сырость охватила всех.

Выпив водки, Света немного согрелась и утихла. Она села под самым краем пленки и уныло наблюдала за струями дождя. В середине полиэтилена была прожженная кем-то во время пикника дырка, сквозь нее протекала струйка воды. Тоненькая струйка, но за несколько часов она успела основательно подмыть землю, где устроились люди. Так что они оказались в какой-то каше из жидкой грязи, камней, травы и песка.

Отовсюду капало, подтекало. Было ненамного лучше, чем под самим дождем.

Младшая дочка дяди Гоги не выдержала первой. Промокшая до нитки, она страшно замерзла.

– Папа! – взвизгнула она. – Я так больше не могу! Мне холодно. Водка кончилась. Мы с Тамарой заболеем и умрем!

– Но что я могу?

– Найди выход!

И две великовозрастные девушки залились горячими слезами. Неизвестно, как бы себя повел другой отец на его месте. Все принялись утешать его дочек, и никто не заметил, как дядя Гоги исчез. Заметили это лишь спустя полчаса.

Тамара, старшая, перестала рыдать и, обведя затуманенным взглядом своих спутников, растерянно произнесла:

– А где же папа?

Дочки вновь залились горячими слезами, беспокоясь за отца. Остальные растерянно переводили взгляд друг на друга, не зная, что предпринять.

– И куда понесло этого старого дурака?

– Может быть, отлучился по нужде?

Прошла еще четверть часа, а дядя Гоги так и не появился. Люди встревожились.

– А если ему стало плохо? – Это предположил один из парней, но остальные подняли его на смех.

– Ты не знаешь дядю Гоги! Он в этих горах родился и вырос.

Тамара всхлипнула и подтвердила:

– У дедушки, папиного папы, высоко в горах был маленький домик – сакля. Там они с бабушкой и жили до самой смерти. А папа переехал вниз, женившись на маме.

Все замолчали. Куда пошел дядя Гоги – никто не понимал. От этого им стало еще тревожнее.

– Надо идти, – наконец сказал кто-то из ребят. – Поискать его. Пусть он и хорошо знает горы, но, может быть, он упал? И теперь лежит и не может встать.

Все мужчины, кроме Давида, засобирались. Никаких накидок не было, но зачем они нужны, если все и так уже промокли до нитки? Сначала Давид обиделся, что его не берут с собой. Но Дидо серьезно, как равному, положил руку на плечо мальчика и сказал:

– Кто-то должен остаться с женщинами, чтобы охранять их.

Сказал – как отрезал.

Пришлось Давиду довольствоваться этим объяснением. Ася удивилась, что ее строптивый братишка послушался. Ей самой пришлось бы потратить много сил и, возможно, так и не добиться от Давида послушания.

– Спасибо тебе, – прошептала Ася, обращаясь к Дидо.

Тот в ответ мимолетно улыбнулся и, уходя, приобнял девушку. Асю словно окатило горячей волной. Удивительно: только что у нее буквально все поджилки тряслись от холода – и вдруг в один момент ей стало тепло!

Мужчины ушли, а женщины и Давид в тревоге строили различные предположения, одно другого страшнее.

Примерно через полчаса, когда дождь ослабел, они услышали приближающиеся голоса и различили под дождем темные силуэты.

– Несут!

Тамара выскочила из укрытия и бросилась к отцу, которого несли четверо парней:

– Ему плохо?

Она могла бы и не спрашивать. Голова дяди Гоги была откинута назад. С его безучастного лица

струйками стекала вода вперемешку с кровью, сочившейся из-под волос.

– Он ранен?

Никто не произнес ни звука. У Аси тоскливо заныло сердце от этого недоброго молчания.

– Что? – спросила она у Дидо, когда тот вошел. – Что с дядей Гоги?

– Он мертв.

Ася едва удержалась от крика, прижала ко рту руку, расширившимися от охватившего ее ужаса глазами уставилась на труп.

– Что с ним случилось?

– Не знаем. Мы с Костасом нашли его в таком состоянии на берегу реки.

Костас, высокий черноволосый парень с внешностью типичного грека с древних мозаик, кивнул головой:

– Да, он лежал среди камней. Наверное, поскользнулся. Упал, ударился головой и...

Он не договорил: до Тамары дошла наконец страшная правда. Упав на колени прямо в жидкую грязь, она страшно завывала.

– Тамара! Перестань!

Но девушка и не думала униматься. Страшно причитая, она принялась рвать на себе волосы и царапать лицо ногтями.

– Это я! – рыдала она. – Я одна виновата! Это я уговорила папу пойти с нами в горы! Он бы никогда не оставил нас одних! Мы обе виноваты! – И ударив себя кулаками в грудь, Тамара закричала: – Будь проклят тот час, когда я заикнулась папе про этот поход!

Убедившись, что успокоить Тамару не удастся, ребята отошли немного в сторону, оставив сестер возле тела. Предстояло принять нелегкое решение: что же теперь делать?

– Путь домой отрезан, – сказал Дидо. – Там, где мы прошли, сплошной поток из грязи и камней.

– Надо позвонить! – выкрикнул кто-то.

Предложение это вызвало только усмешки.

Высоко в горах можно было связаться только с помощью рации, а ее никто с собой не захватил.

– Придется ждать, пока стихнет дождь.

Ася непроизвольно ахнула:

– Как ждать? Рядом с трупом?! Может быть, послать гонца в деревню?

– Я же тебе объясняю – в горах не пройти, – вздохнул Дидо.

Ася задумалась. Был уже поздний вечер. Ясно, что ночью они ничего предпринять не смогут. Но когда рассветет и дождь, надо надеяться, стихнет, может быть, за ними вышлют спасательную экспедицию?

– Если они утром пройдут, мы тоже к тому времени сумеем, – возразил ей Василий. – Так что нечего на кого-то надеяться. Справимся сами.

Он подошел к безутешно рыдавшей Тамаре. Но вовсе не девушка его интересовала. Василий долго разглядывал труп ее отца, на его лице отражалось все большее смятение. Наконец он поднялся с колен, потрепал Тамару по плечу:

– Держись!

Вернулся к остальным.

– У меня есть для вас очень скверное известие, – озабоченным голосом произнес он.

– Дядя Гоги мертв, мы знаем, – отозвался кто-то.

– Мертв, да. Но дело в том... дело в том, что дядя Гоги погиб не из-за несчастного случая. Его убили!

Под пологом стало очень тихо. Тамара перестала рыдать и прислушалась.

– Убили? – прошептала Света. – Как это?..

– Очень просто. Ударили по голове.

– Кто мог его убить? Тут на много километров вокруг нет ни единой живой души, кроме нашей компании!

Василий хмуро кивнул:

– Вот именно!

Света помертвевшим голосом спросила:

– Ты хочешь сказать, что убил его кто-то из нас?!

Поднялся хор возмущенных голосов:

– Это невозможно!

– Мы все время были вместе!

Но громче всех прозвучал голос Дидо:

– С чего ты вообще решил, что его убили? Объясни!

– Удар был нанесен сверху. Чтобы разбить голову таким образом, дядя Гоги должен был падать отвесно вниз. А там, где его нашли, нет ни достаточно больших камней, ни скал, чтобы он мог с них свалиться, – сказал Василий.

Остальные не поверили Василию и пожелали убедиться в его словах сами. Голову дяди Гоги осмотрели, ощупали. Действительно, удариться таким образом сам он вряд ли мог.

– Убил его кто-то из нас, выходит, так? – пробормотал Давид.

Все молчали, растерянно глядя друг на друга. Признать, что в их тесном кругу появился убийца? В это невозможно было поверить! У Тамары начался очередной приступ истерики, она заверещала:

– Убийца среди нас! Рядом! Он не успокоится, пока не убьет нас всех! Мы обречены!

Дидо влепил ей пощечину. Тамара ненавидящим взглядом уставилась на него:

– Это ты виноват! Ты привел нас сюда!

Дидо пожал плечами, мол, с дурами не разговариваю. Света всхлипывала. Мужчины громко заспорили. Ася молчала. Что толку кричать, размахивать руками, рыдать? Нужно собраться с мыслями и понять, кто и почему убил дядю Гоги. Насколько Ася знала, он жил очень тихо. После смерти жены остался с двумя дочерьми, все свое свободное время посвящал им.

Хотя, возможно, он излишне в этом усердствовал. Никуда не отпускал их одних. Даже в магазин сопровождал дочерей, ревниво, как цербер, поглядывая по сторонам и отпугивая всех молодых людей, встречавшихся им на пути. Парни оставили все попытки познакомиться с его дочками, завидев эту тройцу, они поспешно шарахались на другую сторону улицы, уступая дорогу сердитому мужику.

В деревне такая сильная отцовская любовь была предметом постоянных шуток и анекдотов. Ася задумалась: каково же было сестрам? Не сводила ли их с ума постоянная жесткая опека отца? Может быть, в их душах зрел бунт? И – назрел? Старшей дочери уже сравнялось двадцать семь. Младшей скоро двадцать четыре. В Буденовке этот возраст считался для девушек даже не критическим, а катастрофическим. Если девушка не выходила замуж до двадцати двух – двадцати трех лет, рассчитывать ей было уже особо не на что.

Да, сестры вполне могли взбеситься. Отец своим поведением отпугивал от них всех, кто рискнул бы посвататься.

– Опять же деньги, – пробормотала Ася, не обращая внимания на брата, который устроился рядом с ней и внимательно слушал. – С деньгами даже таких дур и уродин кто-нибудь взял бы за себя. А у дяди Гоги, говорят, еще с девяностых годов припрятана тугая кубышка. Жил он скромно... Дочкам могло показаться, что так дальше не пойдет.

Да, девицы оказывались наиболее заинтересованными в смерти своего отца. Звучало это, конечно, чудовищно. Ася никогда бы не решилась озвучить эту мысль, но это сделал за нее простодушный Давид.

– Зря ты ревешь, тетя Тамара, – спокойно заявил он, глядя на старшую дочь дяди Гоги. – Все равно никто не поверит, что ты и правда горюешь. Ведь это же ты убила своего папу! Ты или твоя сестра!

И он спокойным тоном изложил Асины соображения.

Девушка замерла в ужасе. Болтливый глупый мальчишка!

Тамара попыталась накинуться на Давида с кулаками. Ее удержали. Она проклинала длинный язык Давида и всех врагов своего отца.

– Да будут прокляты эти злые люди, которые не давали ему спокойно жить! – выкрикивала она. – Что им было от него нужно?

Это всех заинтересовало. Кто не давал дяде Гоге жить спокойно?

– Ты что-то знаешь? – потряс Тамару за плечо Василий.

– Отцепитесь от меня! Я отца обожала! Он был самый лучший! Он бы никогда не оставил нас с сестрой!

– В покое, ты имеешь в виду?

– Да он, если хотите знать, очень хотел, чтобы мы с сестрой вышли замуж! Сам нам женихов привозил!

– Откуда?

– Из города!

Женихи из города? Выходит, местные парни были просто недостаточно хороши для дочерей дяди Гоги?

– И что за женихи? – подколола сестер Света. – Что-то о вашей свадьбе никто ничего не слышал! Кто вас возьмет-то? – небрежно кинула она.

– Может быть, мы с сестрой и не красавицы! – огрызнулась Тамара. – Зато не чета всякой там гольтьбе, у которых только пять коров да десяток свиней!

Это был камень в Светин огород. Та насупилась:

– Тоже мне богачки! Да у вас у самих всего корова да телка!

– Нам больше и не надо. Молоком обеспечены, а на базар каждую неделю с сыром и сметаной мотаться нам нужды нет. Мы и так все себе купить можем!

Верно, дядя Гоги покупал очень многое из того, без чего местные жители предпочитали обходиться. Что давало лишний повод для сплетен о его богатстве. Тамара заявила, что отец имел весьма порядочную сумму денег, раз местные женихи им не рассматривались. Искал своим уродинам женихов со средствами и с положением?

– Да, папа не хотел, чтобы мы всю жизнь в земле и со скотиной проковырялись! – подтвердила Тамара. – И женихи у нас в городе имеются. Не чета местным!

– Что же ваш отец так долго тянул? – злобно поинтересовалась Света. – Вас того и гляди в бабки запишут, а вы только замуж собрались!

Тамара фыркнула:

– Дура ты! Это в деревне мы считаемся старухами. А в городе мы в самый раз ко двору придемся! Да еще с деньгами!

– И женихи у нас в навозе не ковыряются. Они – интеллигентные люди! – подтвердила ее сестра.

Все недоумевающе переглядывались. Ася припоминала: дядя Гоги недавно хвастался, что скоро он пристроит своих девочек в очень хорошие семьи. В город он своих «красавиц» возил регулярно. Для встреч с женихами?

– Не верю! – буркнула Света. – Вы обе такие страшные, что на вас ни городской, ни деревенский ни в жизнь не позарится!

В ответ сестры возмущенно заголосили на два голоса:

– Это будь мы нищими, вроде некоторых!

– Папа нас обеспечил!

– На всю жизнь хватит!

– И нам, и мужьям, и нашим детям еще останется!

Значит, дядя Гоги был богат? Но откуда большие деньги возьмутся у человека, который всю свою жизнь проработал лесником? Овдовев, он осел дома, но крепкого хозяйства не держал. Не было у дяди Гоги ни кроликов на продажу, ни овец, ни орехов или хурмы. Только себе и дочкам на потребу.

– У папы были огромные деньги! – выдала Тамара.

Вряд ли, будучи в нормальном состоянии, сестры стали бы говорить такое о своем отце. Потому что большие деньги в их поселке можно было заработать только одним способом: контрабандой наркотиков или оружия. Для горцев, знающих потайные тропы в своих горах, этот бизнес стал в беспокойные времена золотой жилой.

Через перевалы Кавказского хребта проводники водили караваны с оружием, медикаментами и деньгами в воевавшую в те годы Чечню. Наркодельцы перевозили свой товар с Ближнего Востока в центральную часть России.

Разумеется, правоохранные органы имели на всех дорогах свои посты. По мере возможности отслеживались и перехватывались караваны дельцов. Но каким-то образом и оружие, и наркотики все равно просачивались мимо стражей. Им помогали местные проводники, знающие все посты наперечет, умеющие их обходить.

А дядя Гоги по долгу службы подолгу находился в горах, знал все тропы. Просто идеальный человек для контрабандистов! Наверняка они ценили его на вес золота. И тем же золотом щедро оплачивали его услуги.

Еще недавно в этих горах было очень беспокойно. При воспоминании о тех страшных годах все почувствовали себя неуютно вдвойне. Дядя Гоги был связан с «черными» торговцами! И теперь его убили, именно тут, в горах!

При этой мысли всем стало откровенно жутко. Дядю Гоги могли убить и его бывшие сообщники – Тамара упомянула каких-то страшных людей, одолевавших в последнее время дядю Гоги своими угрозами.

– Тамара! – затеребил девушку Василий. – Чего хотели те люди? Денег?

– Не знаю! – помотала головой Тамара. – Отец в последнее время стал очень нервным. Твердил, что нам надо уезжать отсюда. Нас с сестрой он хотел выдать замуж. А сам собирался уехать куда-то.

– У преступников должен быть сообщник! – немного подумав, заявил Василий.

– Они могли просто следить за дядей Гоги, – возразила Ася. – И уловив удобный момент, убить его.

– Мы тут все словно в ловушке! – встревожился Рустам.

– А ты-то чего боишься?! – фыркнул Дидо. – Ты в горы раз в год ходишь. Или ты видел, кто убил дядю Гоги?

– Нет, нет! – запротестовал окончательно перепугавшийся Рустам. – Я просто так сказал!

Все ощущали, как томительно бегут минуты. Где-то неподалеку затаились неведомые враги. Кто знает, что еще на уме у этих страшных людей?

– Если они убили дядю Гоги, желая добраться до его денег, то они здорово ошиблись. Все достанется дочкам.

Сестры сжались в комочки и тряслись – то ли от страха, то ли от холода. Дождь закончился. Но двигаться в путь было еще слишком рано. Надо было дожидаться рассвета, земля хоть немного должна была подсохнуть. До тех пор за жизнь и безопасность сестер отвечали их спутники.

– Значит, – пробормотал Рустам, – эти люди могут теперь попытаться их убить? Или похитить их и пытаться, чтобы узнать, где спрятаны деньги?

Пожалуй, он сказал это слишком громко. Тамара взвизгнула и упала в обморок. Ее сестра была бледнее самой белой простыни, она мелко мелко дрожала.

Вмешался Дидо.

– Что ты их пугаешь? – свирепо глянул он на Рустама. – Никого больше не убьют! Прекрати трястись!

Тамару привели в чувство. Она открыла глаза и внезапно произнесла:

– Они хотели от папы вовсе не денег. Они хотели, чтобы он снова начал помогать им. Я не знаю имен, но папа сказал, что это очень серьезные люди. А он... больше не хотел этим заниматься. Слишком я уже стар, сказал он. Желая скончаться в своей постели, в окружении внуков, а не от пули где-нибудь на очередном перевале. Поэтому он и хотел уехать отсюда.

Кое-что прояснилось. Дядю Гоги убили из мести. И еще потому, что он захотел окончательно выйти из опасного бизнеса. Как известно, бандиты никогда не отпускают своих бывших соратников.

– Но как они нашли его?

– Выследили. Бедный дядя Гоги сам пришел к ним в руки!

Света пробормотала:

– То-то мне весь день казалось, что за нами кто-то следит.

– Б-р-р! – Ася передернулась. – Какой ужас!

– Нам повезло, что мы остались живы.

Других вариантов смерти дяди Гоги не находилось. Всех потянуло домой. Скорей бы выбраться из этих мест, где происходят такие жуткие вещи!

– Может, попробуем? – робко предложила Ася. – Кажется, земля немного подсохла.

Дидо выглянул наружу и кивнул:

– Пожалуй!

Нужно было нарубить веток и соорудить для тела дяди Гоги нечто вроде носилок.

– Дорога, которую показал нам дядя Гоги, вполне проходима.

Сменяя друг друга, мужчины донесли тело бедного дяди Гоги почти до самой деревни. Остановились, чтобы немного передохнуть. Впереди, под горкой, уже виднелись первые дома Буденовки. Пробившееся сквозь тучи солнце осушило землю. Страшное путешествие заканчивалось. Но мытарства самих путешественников еще только начинались.

В связи с убийством местным отделением милиции было начато расследование. Длилось оно почти две недели. Молодых людей и девушек допрашивали бесчисленное количество раз. Все повторяли одно и то же. В конце концов менты были вынуждены закрыть дело.

Дочери дяди Гоги, похоронив отца, перебрались в город. Они не соврали: женихи, узнав о смерти отца своих невест, поспешили с женитьбой на богатых наследниках.

Так бы и закончилась эта история, но накануне Светиной свадьбы к ней заглянула Ася.

– Готовишься?

Выглядела Ася очень печальной. Она явно пришла не просто так. Света не стала лезть к ней с расспросами. Немного помолчав, Ася наконец сказала:

– Я хотела тебя предупредить, что Дидо не сможет быть на твоей свадьбе.

– Как? – встревожилась Света. – Почему?

– Он уехал.

– Куда?

– Далеко.

– Но завтра утром вернется?

Ася покачала головой и отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы. Поняв, что дело серьезное, Света прекратила терзать свою фату, которую она пыталась самостоятельно украсить белыми веточками с кружевными цветочками и почти невесомыми белоснежными перышками, и под села к подруге.

– Что случилось? Вы поссорились?

– Нет.

– Почему же он уехал? Я думала, что следующая свадьба будет ваша!

– Вряд ли. – Ася решила: – Ты помнишь смерть дяди Гоги?

Свету передернуло:

– Зачем ты об этом вспомнила? Расстраиваешь меня накануне свадьбы!

– Просто... в общем, темные делишки дяди Гоги тут ни при чем. Его убили вовсе не его бывшие сообщники, – сказал Ася.

– Что ты такое говоришь? – изумилась Света.

– Дядю Гоги убил Дидо, – прошептала Ася.

У Светы перед глазами все поплыло и закружилось. Дидо – убийца?! И обвиняет его Ася? Всем ведь известно, что она его обожает!

– Что ты выдумываешь?! – сердито набросилась Света на свою подругу. – Дидо не мог его убить! Он не способен на такое!

– Это и не было убийством.

– Не понимаю, – покачала головой Света.

– Дидо мстил дяде Гоги.

– За что?

– За смерть своего отца.

Света замолчала. И чем дольше она молчала, тем больше прозревала. Внимательно взглянув на подругу, она потребовала:

– Выкладывай все!

Ася рассказала то, о чем поведал ей Дидо перед долгой разлукой:

– Отец Дидо тоже был лесником. Ты еще говорила, что в их семье все с прибабахом. Слишком бескомпромиссные, слишком честные.

– Ну да. Горцы, одним словом.

– Горцы тоже бывают разные, – покачала головой Ася. – Дядя Гоги хоть и вырос высоко в горах, но не побрезговал вступить в сговор с контрабандистами, долгие годы верой и правдой служил им, получая за свою службу более чем приличное вознаграждение. А отец Дидо был не таким.

– Да, он вечно гонялся за правдой.

– Вот именно. И он видел, что происходит.

Зная горы немногим хуже дяди Гоги, он вызнал, какими именно тропами пользуются контрабандисты. Его ошибка была в том, что он вышел на бандитов в одиночку. И тот человек... Он убил отца Дидо.

– Дядя Гоги убил отца Дидо?!

– Застрелил и ушел одному ему известными потайными тропами. Поэтому его и не поймали. Никто бы не смог пройти там, где прошел дядя Гоги.

– Но... Может быть, Дидо ошибался?

– Он все проверил, – потрясла головой Ася. – Он и этот поход затеял с одной-единственной целью: чтобы выманить дядю Гоги в горы и проверить, тот это человек или нет. Он не знал наверняка. Ясно тебе?

– Нет.

– Дидо подозревал дядю Гоги в убийстве своего отца. Он подстроил так, чтобы наш маршрут прошел по тем местам, где был убит его отец. И дядя Гоги попался в ловушку. Он уже и думать забыл о том, что когда-то убил здесь человека. Когда возникла необходимость, он провел дочек по тропе, по которой ушел после убийства отца Дидо.

– Это могла быть просто случайность!

Но Ася снова покачала головой.

– Он вышел к Старому Дубу тем путем, о котором знали только контрабандисты. Отец рассказывал Дидо об этой потайной дороге.

– Тоже совпадение!

Ася глубоко вздохнула и наконец призналась:

– Дидо говорил с дядей Гоги. И понял все!

Когда начался ливень, Дидо не спускал глаз с человека, которого подозревал в убийстве своего отца. С тех пор прошло уже больше десяти лет, но Дидо снесла жажда мести. Кровь отца взывала к нему. Он не мог нормально жить, не мог жениться. Больше всего Дидо боялся ошибиться и наказать невиновного.

Когда дядя Гоги выскользнул под дождь, Дидо пошел за ним. О чем они говорили, осталось между ними. Но разговор, судя по всему, был тяжелый. В результате дядя Гоги остался лежать под струями дождя с проломленной головой. Дидо вернулся к остальным.

- И он не побоялся, что его отлучку заметят? – удивилась Света.
- Никто не обратил на это внимания, – возразила Ася.
- А когда он вернулся мокрый? Это могло его выдать!
- Мы все к тому времени промокли насквозь.

Света припомнила ту страшную ночь и кивнула. Да, Ася права. Дидо не выделялся на общем фоне. Было темно, и его короткой отлучки просто не заметили.

– Он мог скрыться уже тогда, – сказала Ася. – Хотел просто довести нас до дома, чтобы с нами не случилось ничего плохого.

Доставив своих друзей до Буденовки, Дидо вскоре понял, что ему пора исчезнуть. Да, милиция не докопалась до истины. Но сам-то он знал, что больше не сможет жить в родных местах. Он отомстил за смерть своего отца, самостоятельно исполнив своей приговор над негодяем. Но роль судьи и палача оказалась для него слишком тяжелой.

- И вот он уехал! – зарыдала Ася.
- Он вернется...
- Он сказал – навсегда!

Света не знала, чем утешить свою подругу. Она молча погладила Асю по растрепанным волосам. На сердце у нее было тяжело. Дидо наказал своего врага, отомстил за гибель отца. Но разве сам он стал счастливее от этого хоть на грамм? Или, может быть, он сделал счастливой Асю? Нет...

В назначенный день состоялась свадьба Светланы и Василия, гуляла на ней вся деревня. Подружкой невесты была Ася. Она изо всех сил изображала радость. Непосвященному человеку могло показаться, что веселость ее искренняя. Только Света знала, что творится на душе у ее подруги.

Свадьба получилась пышной. Отец Светы затеял настоящий пир. Приехало много народу из других деревень. Многих ни Света, ни жених и в глаза никогда прежде не видели. Но на свадьбе принимали всех с равным радушием.

Света с удовольствием увидела, что Ася нашла себе интересного кавалера. Это был видный парень, он ухаживал за Асей весь день. Гости гуляли, пели и плясали до утра. Потом завалились спать кто где. А наутро принялись гулять по новой. Приличная свадьба по местным меркам никак не могла длиться меньше двух-трех дней.

К закату второго дня счастливая в замужестве Света, купающаяся во всеобщем внимании, ощутила смутную тревогу. Что-то было не так. Кого-то не хватало.

- Ася! – осенило ее. – Где же Ася?

Аси нигде не было. Поиски ничего не дали, девушка исчезла. Как и парень, что ухаживал за ней. Дома Света обнаружила короткую записку, написанную рукой ее подруги.

«Прости, – писала Ася, явно второпях выводя неровные строчки. – Не уверена, что ты меня поймешь. Но я просто не могу поступить иначе. Без Дидо мне жизнь не мила! Мы еще накануне его отъезда договорились обо всем. Я не могла уехать тогда, не побывав на твоей свадьбе. Дидо послал за мной своего друга. Я уезжаю к своему любимому. Родителям я потом все объясню. Прощай, прощай навсегда, Светочка! Твоя подруга Ася».

Света долго перечитывала записку, то сердясь на подругу, то желая ей счастья. Услышав голос мужа, она убрала листок подальше. Не нужно, чтобы Василий или кто другой узнал правду. Пусть для односельчан дядя Гоги останется жертвой неведомых бандитов. Так будет лучше и для него, и для Аси, и для всех остальных.

Света поспешила на зов мужа. Она-то нашла свое счастье! Так пусть и Ася найдет свое. Света искренне желала этого своей подруге и была твердо уверена, что ее надежды сбудутся. Ведь когда люди искренне любят друг друга, никакие былые грехи не могут помешать им быть счастливыми...

Анна и Сергей Литвиновы «Гран-при»

Пролетай концертный рояль «bekker» в окно – давно бы оказался внизу, на асфальте. Сладостная картинка: как разлетаются по консерваторскому двору белые зубы клавиш и золотые волосы струн. А поверх рояльных обломков – уж кровожадничать так кровожадничать! – можно представить бездыханное тело очередного ученичка, ох, как же тупоголовые надоели!

Лена Сальникова жила об руку с музыкой не первый десяток лет – и давно была сыта ею по горло. А тот день, когда папа впервые привел ее в музыкалку, и вовсе вспоминался, как первый в жизни фильм ужасов: страшные черные рояли, а подле них – строгие училки, все, как одна, с пучками... Будь ее воля – сбежала бы миглом, да отец удержал. Схватил за руку. И сказал: «Глупышка, доченька, чего ты боишься?! Наоборот – цени! Вот пройдет пятнадцать лет, ты окончишь музыкальную школу, потом училище, консерваторию – и какая замечательная у тебя пойдет жизнь! Только представь: все кругом работают, а ты – играешь!»

И семилетней Леночке эта папина мысль очень понравилась – ведь тогда, пятнадцать лет назад, в самом начале девяностых, *игры* в их жизни было до обидного мало. В детали, по дремучему малолетству, девочка не вдавалась, но видела: живут они плохо. У мамы вечно хмурое лицо, особенно когда она вечерами из пустых магазинов возвращается. И папа тоже печальный, а ведь совсем недавно (Леночка тогда ходила в детский садик, а в стране торжествовала сказка по имени Социализм) у него все было так замечательно! Отец, как все говорили, находился на своем месте – работал в кукольном театре, умел говорить за Петрушку, Кота Котофеича и даже за Мальвина, а крошечная Леночка страшно гордилась, что ей поручают важнейшее дело: стирать в маленьком тазике кукольные костюмы... Но теперь в здании, где раньше располагался театр, открыли мебельный салон, папу уволили, Петрушку с друзьями отправили пылиться на антресоли, ну а Лену заставляли играть не с куклами, а на «инструменте» (так в их музыкалке полагалось именовать пианино).

Заниматься музыкой в принципе было прикольно – Леночке особенно нравился момент, когда подходишь к молчаливому, мертвому пианино, касаешься клавиш... а дальше творишь что хочешь. И под твоими руками оно и плачет, и веселится, и впадает в гнев... Хотя можно и просто, к ужасу папы и педагогов по специальности, «Собачий вальс» сбацать.

Одна беда – окружение в ее музыкалке, «для особо одаренных», оказалось слишком уж элитным: сплошь детишки из «хороших семей». И если наивный Леночкин папа под «хорошей семьей» понимал огромную библиотеку да литературные чтения под зеленой лампой на прохладной дачной террасе, то сама Леночка очень быстро поняла: у кого из одноклассников денег и блага больше, тот и фаворит. Ну а ее и еще нескольких скромников в классе презрительно именуют «интеллигенцией». И постоянно насмеваются. Из-за того, что джинсы «неописуемые» (куплены в «Детском мире», а лейбл «Райфл» со старых папиных перешили). И на занятия она ездит, как последняя лохушка, на метро, в то время как одноклассники сначала на черных «Волгах» рассекали, а со временем, как капитализм окончательно восторжествовал, – и вовсе на «Мерседесах»...

В принципе, от насмешек можно было бы и отбиться, будь у нее к музыке явный, вызывающий талант, как, скажем, у одноклассника Женьки Котикова. Вон, тот вообще из Саратова и одевается в мешковину, а живет и вовсе в интернате – но как с ним все носятся! Потому что божий дар, перспективы, под его пальцами даже этюды Черни слаще «Волшебной флейты» звучат. А у нее, Лены, не талант, а *потенциал*. И то «до конца еще не раскрыт», как говорят педагоги. Нужно трудиться – и ждать.

Вот Лена и трудится – долбит гаммы с таким фанатизмом, что соседи уже три раза жалобы в ЖЭК писали. Только толку пока не больше, чем от папиных попыток на денежную работу устроиться. Сколько раз уже было – отец заявляет: «К однокласснику, Толяну, коммерческим директором иду. Полномочия – широчайшие, зарплата – запредельная!»

Только начнешь мечтать о финском пуховичке или заграничной поездке, хотя бы в Болгарию, как вдруг оказывается: одноклассник, поманивший папу блестящими перспективами, исчез без следа. И хорошо еще, если не вытянул, как уже бывало, все скромные семейные сбережения – «под грядущее развитие бизнеса...».

Так и у Лены во всех ее музыкальных делах – начинается вроде неплохо, а концовка выходит ерундовой, фамильная черта у них с папой, что ли, такая?

Скажем, отбирают ее на конкурс в основной состав исполнителей, и программу они с

преподавательницей готовят классную, и явные фавориты, тот же Женька Котиков, в соревновании не участвуют... Только и остается – поехать и возвратиться с «Гран-при» и восторженными рецензиями в околмузыкальных газетах, а то и в самой «Вечерке». Но как ни старается Леночка, как ни молится всем Музам, Лирам и прочим музыкальным богам, а ни одного главного приза еще ни разу не выиграла. В копилке – сплошные вторые, третьи, а то и вовсе обидные поощрительные... Невезуха. То, будто черт под руку говорит, она вдруг в самом кульминационном месте сбивается, а в жюри, как назло, сплошь поборники «строгой техники и безупречной формы» сидят. То, еще хуже, накануне финала ее грипп подкашивает, а играть, если ты при смерти, только гении типа Моцарта с Бетховеном умеют. Или и вовсе без объяснений – вроде числилась в фаворитках, выступила классно, с огоньком, а «Гран-при» все равно другому дают. «Кто еще талантливее», – провозглашает жюри. «Кто куда блажнее», – просвещают Лену мудрые одноклассники. Вроде бы, говорят циничные школьные друзья, в музыкальных конкурсах отнюдь не юные гении побеждают. А те, чьи родители жюри подмажут. И специальная такса даже есть – за «Гран-при» нужно председателю комиссии ключи от машины вручить. Или, если конкурс попроще, не международный, а всесоюзный, – то путевку на два лица в любую страну, кроме непрестижной Албании.

Папа, правда, убеждает, что подобные разговоры – полная чушь. И в пример Женьку Котикова приводит, который, несмотря на ветхие штаны, этих «Гран-при» уже целую коллекцию собрал. Но ведь Жеке, когда он играет, – будто бог в уши поет. Он и сам признается: «Словно кто-то другой моими руками водит независимо от меня...» Эх, ей бы, Лене, такого «водильщика»! Так нет же, не повезло. Не снизошла божественная благодать. Ни талантом ее высшие силы не наградили, ни полезными в жизни родителями – папа-то только и умеет повторять: «Ты, Леночка, благодаря музыкальной школе на две головы выше других детей». Нет бы, чем зря болтать, фирменными джинсами помочь. Или хотя бы в Большой театр дочку сводить – не на голимого «Моцарта и Сальери» в последний ряд четвертого яруса, а в партер на «Лебединое озеро» с Плисецкой...

Впрочем, мама все равно полагает, что отец ее, Лену, балует (будто дефицитные «Мишки» на завтрак и йогурты из только что открывшегося дорогущего «Данона» на Тверской такое уж баловство). И мрачно пророчит: «Вот погоди: исполнится ей пятнадцать, переходный возраст начнется – она нам такое устроит!» И тон-то зловещий, и лицо не хуже, чем у Кассандры. Так и хочется показать родакам «бэмс» досрочно. По предварительному, так сказать, заказу, не дожидаясь зловещих пятнадцати. Травки, что ли, купить – у них в школе, говорят, старшекласники продают? Или водки напиться?..

Но только наслаждаться привилегиями переходного возраста – это лишь по зову души интересно. А только для того, чтобы родителям досадить, – как-то вроде и глупо, особенно для девочки, которая «других на две головы выше»... Вот и тянется скучная, предсказуемая тягомотина – специальность с неизбежными гаммами, сольфеджио с надоевшими диктантами, музлитература с бесконечными партиями из опер... Тоска!

А за вечно не мытыми окнами музыкалки – совсем другая, яркая и опасная жизнь. То танки ползут чуть ли не по соседней улице – это путч 1993 года. То Белый дом обстреливают, это уже в 1996-м, – и тоже все рядом, в школе оконные стекла дрожат... И одеваться народ стал ярче, и симпатичные кооперативные кафешки одна за одной появляются. Все заманчивее витрины, все более интригующие вывески...

Подле одной такой, свежепоявившейся, «Ресторан семейной кухни „Аист“, Леночкина жизнь и изменилась. Всего-то и стоило – в нужный момент притормозить возле таблички с меню.

Ее, по новой моде, выставили прямо на улицу – видно, для того, чтобы народ с ходу врубался, что «пицца „Ла Гротта“ со свежей рукколой в шапке из пармезана» за целых пятнадцать американских долларов ему не по зубам, и пушистых ковров на входе почем зря не топтал.

«Руккола... Что это, интересно, такое? – гадала голодная Леночка. – Хоть бы одним глазком взглянуть!»

Как не мечтать о диковинной пицце, если сегодняшний обед в столовке оказался особенно тощим, а у нее еще специальность и свидание с Витькой из параллельного класса, а Витька хоть и прикольный, но, как и сама Лена, «из интеллигентной семьи». То есть даже булочками не накормит.

«Вот так и умирают с голоду!» – стоя перед аппетитным меню, страдала Леночка. И вдруг услышала:
– Любишь рукколу?

Голос – мужской, взрослый, бархатный... Лена обернулась – и тут же поняла, что ее жизнь кончена. Бесповоротно и безвозвратно. Потому что никого, даже отдаленно похожего на обратившегося к ней парня, она не встречала еще никогда...

Как так получается? Вроде бы один из миллиардов проживающих на планете существ мужского пола. Кожаная куртка, кроссовки, джинсы, в меру щетинистый, глаза голубые, волосы светлые... Типовой персонаж. Но только вдруг понимаешь: он и есть та самая вторая половинка, которая так долго искала тебя по всей бесконечной планете...

– Я Вадим. – Он протянул ей сильную и прохладную руку.

А Леночка вдруг вспомнила папины наставления: «Доченька, я тебя заклинаю: пожалуйста, никогда не знакомься на улице! Сейчас такое опасное время!»

И аккуратно вложила свою ладошку в руку Вадима:

– Лена.

...А дальше все полетело стремительно и лихо, вполне в духе сумасшедшей, непредсказуемой эпохи. Тем же вечером они с Вадимом впервые поцеловались. Через неделю последовала корзина роз и объяснение в любви. А через месяц покончили и с самым сокровенным, тем, что папа именовал «девичьей честью». Только вот пиццу с рукколой она так и не попробовала...

Родители – мама и папа чуть не впервые в жизни выступали в едином порыве – были от ее любви в шоке.

– Как ты не видишь! – восклицала мама. – Этот Вадим – он же порочный до мозга костей! У него даже в глазах – сплошное блядство!

– А тебе – только шестнадцать! – вторил папа. – Ты еще и в людях-то не разбираешься!

Но Лена не сомневалась: родители просто зlobствуют. Или по меньшей мере не понимают. Да разве сравнится ее Вадим со школьным приятелем Витькой или даже с гением Женькой Котиковым?! Те – дети, прыщавые, примитивные, скучные. А Вадим – взрослый, независимый, он пишет для нее стихи, посвящает баллады и называет юную подружку не иначе как своей музой. И, главное, он ее любит!!!

Так что теперь уж точно стало не до «Гран-при». Да и школа с ее примитивом вдруг показалась такой скучицей! Готовить Вадиму завтраки и то интересней. А уж когда он ее на взрослые тусовки берет и представляет своей невестой – так вообще полный кайф!

Ну а в выпускном классе с Леной случилось то, что частенько бывало с невестами. Особенно во времена, когда презики продавались только в аптеках, да и то кондовые, производства Баковской фабрики – такая уж гадость! Вот Лена и надеялась, что все меры примет Вадим. А он – на то, что у подруги «безопасные дни». Так что очень скоро пойти в аптеку все же пришлось, но теперь уже в дорогу, валютную. Потому что модная диковинка под названием «тест на беременность» продавалась только там.

Лена с помощью англо-русского словаря перевела инструкцию и уже через десять минут триумфально предъявила Вадиму две «положительные» полосочки.

– И что это значит? – подозрительно спросил жених.

– Как что? – развеселилась невеста. – Что и следовало ожидать: залетели!

– Да ладно... – обалдело пробормотал Вадим. – Эта штука, наверно, брешет...

– Посмела б она за такие-то деньги брехать! – хмыкнула Лена.

Ей в отличие от Вадима было спокойно и даже весело: у них появится сынок! С такими же, как у любимого, голубыми глазами и милой складочкой вокруг пухлых губ!

– Черт, вот некстати, – продолжал хмуриться Вадим. – И с баблом, как назло, сейчас беда.

– А зачем бабло? – не поняла Лена. – На апельсины? Так их мне и предки купят, а рожать вроде пока бесплатно можно.

– Ты что, совсем дура? – ошетинился Вадим, причем зашипел так яростно, что подруга аж отступила: – Ты чего мне навязать хочешь?!

– Навязать? Я?!

– Собралась, что ли, выродка оставлять?!

– Как ты сказал? – опешила Леночка.

– Выродка! Отродье! – заорал Вадим – изо рта противно брызгала слюна. – Так оставляй, если хочешь! Только учти: я здесь ни при чем. Твой ребенок – твои и проблемы.

А Лена слушала – и никак не могла поверить. Ей, наверно, кажется. Не может Вадим – такой умный, такой любящий, такой тонкий – назвать их ребенка выродком! И тем более отродьем.

– Ты что, разве не видишь, какая фигня вокруг творится? – слегка сбавил тон любимый. – Работы нет, денег ноль, президент – пьянь. И у нас с тобой – ни кола ни двора, тебе вон только шестнадцать! А ты хоть представляешь, что такое грудной ребенок?!

– Не представляю, – вздохнула Леночка. – Но, мне кажется, это очень прикольно. Детишки – они такие забавные...

– Вот бред, – зажал уши Вадим, – даже слушать не хочу! – И сурово прибавил: – В общем, так, детка. На аборт я тебе бабок наскребу, выдам, а дальше действуй как знаешь. А оставишь ублюдка – так пеняй на себя.

– Сам ты ублюдок, – тихо, но твердо проговорила Леночка.

– Какого дьявола я только с тобой связался... – простонал Вадим.

И ушел. Даже не взглянул, что подруга в слезах захлебывается. А она плакала еще долго. Оплакивала и свою первую любовь, и все те красивые стихи, что когда-то посвящал ей Вадим, и своего нерожденного голубоглазого сыночка, которого родной папа не захотел с первых дней его жизни...

А когда слезы кончились, она решила, твердо и навсегда: Вадима, предателя, больше не существует. И никаких денег на аборт она с него не возьмет. Сама справится. Не маленькая. А поликлиник кругом полно.

И справилась бы, не попадись на ее пути вьедливой гинекологички. Докторша, видите ли, решила заботу проявить – позвонила родителям по телефону из медкарты и сдала свою пациентку со всеми потрохами: «Беременность шесть недель, и если аборт, то на других внуков не рассчитывайте – резус-фактор у вашей дочери отрицательный, рожать больше не сможет».

Скандал дома поднялся ужасный. Мама в гневе швырнула о стену свою любимую вазу, папа впервые в жизни залепил дочке пощечину, а соседи стучали в стену куда настырнее, чем когда Лена мучила их бесконечными гаммами.

А когда еще одна изрядная порция слез (и откуда в организме столько воды берется?) была израсходована, предки вынесли вердикт: «Что ж. Раз так вышло, будешь рожать. Сама виновата. А с Вадима твоего мы алименты требуем». Но тут уж уперлась дочка: с подлецом Вадиком у нее все кончено. Она больше не хочет его видеть. Никогда.

Вот так и получилось: Лене едва исполнилось семнадцать, а на руках уже крошечный ребенок. Одна радость – школу все-таки окончить успела, хотя за аттестатом, под косыми взглядами бывших одноклассников, пришлось идти уже с ощутимым пузом.

– Что ж, Сальникова, ты меня разочаровала, – вздохнула на прощание педагог по специальности. – А ведь такие надежды подавала. Могла бы «Гран-при» получить...

– Получу еще, – заверила Лена.

– Смешно, – пожалала плечами учительница. И равнодушно отвернулась от бывшей ученицы.

...И мудрая учительница, конечно, оказалась права. Разве до конкурсов теперь, когда у малыша вечно то грипп, то ветрянка? Разве до музыки, до *игры*, когда своего молока у Лены нет, а на дорогушие смеси постоянно не хватает денег?..

Инструмент в первый год новой жизни Лена даже не открывала: рев малыша да бесконечные родительские претензии – вот и вся музыка... И время пролетело мигом – лихорадочно, взбалмошно, бесполезно. А на второй год, когда сынуля немного подрос, Лена рискнула подать документы в музучилище – конечно, уже не в престижную Гнесинку, а в обычное, попроще. И, только на старых знаниях, неожиданно поступила – не зря же когда-то педагоги хвалили «потенциал». Но мелькнувшая было мечта, что «Гран-при» от нее все-таки не уйдет, быстро покрылась прахом. Сынок по-прежнему бесконечно болел, по разу в неделю в клочья изрывал одежды и постоянно требовал то бананов, то новых игрушек. А родители с неустанным занудством пеняли, что в стране дефолт на дефолте, они уже не юны, а на их руках – безработная дочь с ребенком. В такой обстановке, ясное дело, не до конкурсных программ – пришлось учеников брать и за гроши мучить слух их жалкими гаммами и арпеджио. А еще подрабатывать в родном училище концертмейстером. И даже переписывать ноты, по десять центов за страничку...

Вот и вышло: ей целых двадцать два, а в активе лишь шестилетний сынок, диплом непрестижного музучилища да десятиметровая комната в родительской квартире. А бывшие одноклассники – кто в оркестре Большого театра, кто у Спивакова, а то и вовсе в Ла Скала. Не говоря уж об отдельных везунчиках, кто сольную карьеру сделал, вроде Женьки Котикова – у того вообще полный шоколад, сплошь гастроли по престижным площадкам, и, как пишет бульварная пресса, он только за один концерт в Доме музыки сто тысяч долларов заработал. А она, Лена, тоже подававшая немало надежд, – в итоге одна, без мужа, без денег, в позорной должности концертмейстера.

...Работать концертмейстером, особенно в учебных заведениях, на самом деле даже хуже, чем нянечкой в районной больнице. Постоянно приходится затыкать все дырки и за всеми *подтирать*. И если больничная нянька хотя бы на своих бестолковых пациентов рывкнуть может и таким образом сбросить стресс, то ей, Лене, даже этот простейший способ заказан. В музыкальных училищах ведь все такие ранимые, творческие, тонко организованные – на них прикрикнешь, так они в депрессии из окна выкинутся, а ты потом отвечаешь. Вот и приходится молча терпеть, покуда студент-скрипач Иванов с тридцать восьмой попытки освоит Первый концерт Чайковского. Или на семинарах по дирижированию по сотне раз в день играть адажио Альбинони и беситься, что молодые дарования никак не могут попасть в такт... А в переменки хватать мобильник, мчаться в курилку и выслушивать недовольные донесения от мамы: что внук (увы, не особо любимый) опять набедокурил и разбил последнюю во всей квартире вазу (можно подумать, у них в семье кто-то кому-то цветы дарит). Или что из детского сада опять звонили – просят сдать очередные сто долларов «на благоустройство территории», и где их брать – решительно непонятно... А студентки, юные, модные,

беззаботные (сама-то Лена уже давно чувствовала себя усталой и старой), покуривают рядышком, подслушивают ее телефонные разговоры и насмешливо переглядываются. Им и в голову не может прийти, что когда-то, совсем еще недавно, их незадачливая концертмейстерша сама постоянно моталась по музыкальным конкурсам и едва не выиграла «Гран-при»...

...А в день рождения, когда Лене исполнилось двадцать три, получилось особенно тяжело. С утра – пять семинаров в музыкальном училище, потом – короткий обед в столовке (позволить себе *кафе* она не могла), а потом еще бесконечная, на четыре часа, репетиция с бестолковым студенческим оркестром в Малом зале консерватории. И ни одна ведь сволочь даже цветочка не подарила! И никто, кроме сыночка, даже не поздравил!.. Так что, когда бесконечный рабочий день наконец иссяк, Лена не выдержала. Хоть и освободилась уже, могла бы домой позвонить, а не стала. И в общую курилку, снимать стресс, не пошла. А вместо этого забилась в закуток под одной из черных лестниц (они его, еще пока школьницами в консерваторию на концерты по абонементам бегали, приметили) и горько разрыдалась. Все никак поверить не могла: неужели это и есть ее предел? Неужели такой незадачливой и выйдет вся оставшаяся жизнь?!

А когда отплакалась, крыша и вовсе поехала: Лена упала на колени, уткнулась головой в грязный пол и взмолилась: «Господи! Да за что же мне все это?! Если бы только можно было начать все сначала!.. С нового листа! Без этой дурацкой музыки. Без Вадима. Без фантазий о „Гран-при“. Без всех тех глупостей, что я сотворила!.. Боже, ну, пожалуйста, помоги!»

Ее рыдания гулко аукались по старинному зданию консерватории, сердце от бесконечных слез кололо и трепыхалось – но высшие силы, ясное дело, молчали. Не нарушали ее уединения и люди – поздними вечерами коридоры консерватории пусты, только где-то вдалеке сонатину Клементи наигрывают... В общем, плохо все. Беспросветно и грустно.

«Ладно, – наконец устало велела себе Елена. – Хватит выть. Толку-то с моего рева... А ну-ка, взять себя в руки. И немедленно позвонить домой. Узнать, как там сынуля. Маман, наверно, уже из себя выпрыгивает».

Она сунула руку в сумку, зашарила в ней – и вот вам очередная задача: мобильника нет. Потеряла? Или в репетиционном зале оставила? Так тогда тоже, считай, пропал – консерватория хоть и рассадник культуры, а ноги забытым вещам тут мгновенно приделывают... Лена резво вскочила на ноги, едва не упала – и тут обнаружила еще одну странность: вместо удобных туфель на плоском ходу она вдруг оказалась обута в смешные лаковые босоножки. Детские. Да и сами ноги в смешных белых колготках стали худыми и совсем детскими, размерчик, наверно, тридцать третий, не больше.

«Все. Я спятила», – в ужасе поняла Елена.

И вдруг услышала детский голосок – очень испуганный и смутно знакомый:

– Ленка! Сальникова! Ты где?

«Ниночка?» – мелькнуло у Елены.

Так звали ее школьную однопартницу и подружку. Но только откуда ей здесь, в консерватории, взяться? Уже ведь пять лет, как она с предками в Штаты эмигрировала.

– Ленка! Выходи! Я боюсь! – продолжал между тем надрываться Ниночкин голосок.

А Елена тем временем с изумлением разглядывала собственные руки: они тоже стали совсем маленькими, с обгрызенными ноготками, на безымянном пальце дешевенькое пластмассовое колечко. И платье на ней оказалось темно-синее, школьное, ровно по острье, детские колени...

«Врача! Психиатра! Нужно в дурдом звонить! Пусть приезжают», – подумала Лена.

Вышла из закутка – и обалдело замерла: перед ней действительно стоит школьная подружка Ниночка. И выглядит ровно так, какой она была в начальных классах. И ругается таким же тонким, капризным голоском:

– Редиска ты, Сальникова! Фиг ли прячешься? Сама умная, что ли?!

– Я... я... – совсем растерялась Лена. И совсем невпопад спросила: – Слушай, Нин, а какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот девяностый, – машинально откликнулась одноклассница. И тут же подозрительно уставилась на подругу: – Ты чего дуркуешь?

– И мы с тобой... сейчас учимся в школе? – продолжала Лена. – А в каком классе?

– Точно: крыша поехала, – констатировала Нинка.

– Пожалуйста, – кротко попросила Леночка.

– Ну, во втором «А», – хмыкнула подружка.

– Just incredible... {Просто невероятно... (англ.)} – пробормотала Сальникова.

– Чего-чего?! – изумилась Нина. А Лена вспомнила, что английский во втором классе они еще не проходили.

Прошла всего неделя, и Лена Сальникова полностью освоилась в собственном прошлом. За своей покорябанной партой в классе (их только в 1998 году на новые заменят). В изученном до последней трещинки кабинете, где училка терзала ее специальностью – и пока что щеголяла роскошным пучком, еще не знала, бедняга, что через пять лет полностью облысеет. В родительской квартире. В метро, где вместо магнитных карточек в автоматах пока что грохотали пятикопеечные монеты... И только к магазинам с пустыми полками и вареной колбасой, которую заворачивали в жесткую серую бумагу, привыкнуть было сложнее. Очень хотелось то йогурта, то киви со взбитыми сливками, то мюсли на завтрак, а мама вместо этого все готовила и готовила отвратительную геркулесовую кашу. А папа, тайком от жены (та настаивала, что питание у Лены, то есть у ребенка, должно быть исключительно «детским»), подсовывал дочке тонко нарезанную сырокопченую колбаску... И даже не верилось, что эти милые, заботливые, любящие родители всего через восемь лет назовут ее «шлюхой, притащившей в подоле», и «нахлебницей, севшей с ребенком на их шею».

Учиться в школе оказалось несложно – подумаешь, арифметика, сказки Пушкина, приставки «при» да «пре». В музыкалке – а играть там в силу юного возраста надо было лишь простецкие польки и, как верх мастерства, бетховенскую «К Элизе» – шло еще легче. И, вот уж, блин, дежавю, учителя опять заговорили о том, что ей, Лене, очень скоро светит «Гран-при»... Немного сложнее было общаться с одноклассниками – чтоб не сплгнуть их каким-нибудь взрослым словечком вроде корреляции или стагнации. И тем более – с учителями, особенно с классной, которая на полном серьезе уверяла своих подопечных, что через пятнадцать лет, в 2005 году, в Советском Союзе не останется ни единого человека, живущего в коммунальной квартире, а все, как одна, машины на дорогах оснастятся безопасными для экологии электродвигателями... Ну и еще постоянно свои мысли приходилось скрывать. А то мама уже как-то спросила дочку: почему, мол, у тебя лицо вечно озабоченное, будто у старушки? Не объяснишь ведь, что она, Лена, старушка и есть. И вообще – насколько непривычно жить, когда знаешь и про грядущие путчи, и про инфляцию, и про частую смену президентов... И, конечно, о том, что ты никогда не получишь «Гран-при».

Лена почему-то в этом не сомневалась. Пусть и явилась она в прошлое с солидным, как говорится, багажом, пусть и может прямо сейчас, во втором классе, сыграть сложнейшую колыбельную Дворжака, а все равно: не видать ей главных призов, на роду не написано. Потому что вон Женька Котиков, даже без всяких бонусов типа пятнадцати лишних лет, а уже играет душевнее, чем она. Азартней. Ярче. Талантливей. Так и зачем спорить с природой? Нет у нее таланта к музыке – и нет. Не лучше ли попробовать эту природу как-нибудь по-другому обыграть?

И однажды вечером, когда дома присутствовали и, как всегда, грустный папа, и усталая мама, Лена им заявила:

– Я больше не хочу заниматься музыкой.

– Что с тобой, доченька? – перепугался отец. – Ты не заболела?

– Ну и чем же ты хотела бы заниматься вместо фортепиано? – сухо поинтересовалась мама. – В швейное ПТУ готовиться будешь?

– Нет, папочка, не волнуйся: я не болею, – ответила Лена отцу. А маме заявила: – Ну почему же сразу в ПТУ? У меня, вообще-то, другие планы.

– Какие же? – скептически прищурилась родительница.

– Во-первых, я хочу заниматься большим теннисом. Серьезно. Профессионально. И на случай, если в спорте карьера не сложится, буду готовиться в институт. В престижный. Типа Плехановского или Финансового.

– Ты сказала – теннис?! – в ужасе переспросил отец. – И Плехановский институт?! Но зачем?!

– Кто тебя этому научил? – потребовала ответа пронизательная мама.

– Никто не учил, – пожал плечами Лена. – Я сама так решила.

– Но теннис – это же так скучно! И совсем непрестижно! И вообще: спорт – это для тупых! – взмолился отец.

– И зарабатывают эти спортсмены жалкие копейки, – припечатала мама. – А бухгалтеры – еще меньше.

«Ага, – вздохнула про себя Лена, – рассказать бы тебе про Машу Шарапову с ее двадцатью миллионами долларов в год... Или про зарплату главного бухгалтера, скажем, в банке».

Но рассказывать, конечно, не стала. Вместо этого заявила:

– Вообще-то, воспитывать меня поздно. Я уже все решила и прошла отбор в «Спартаке». Одна молодая

тренерша меня к себе в группу взяла. Рауза Исланова зовут.

«Если уж таких детей, Марата и Динару Сафиных, вырастила, значит, и меня чему-то научит».

– И еще: переведите меня из музыкалки в английскую спецшколу, – пользуясь тем, что родители ошарашены, попросила Елена, – а то без иностранного языка скоро будет совсем никак. А я хочу быть во всеоружии.

– В чем ты хочешь быть? – изумленно переспросила мама.

– Во всеоружии, – повторила девочка. – А что, красивое слово. Я его вчера по телевизору слышала в программе «Время».

– Но как же, Леночка, музыка? Тебе не жаль ее бросать? – тихо спросил папа. – Я так хотел, чтобы ты всю жизнь играла...

«Знал бы ты, во что эти игрушки в итоге выльются», – Лена вспомнила постылую концертмейстерскую работу, и ее передернуло. А отца она заверила:

– Я все равно, пап, буду играть. Но только не для «Гран-при». А для себя. И еще – на великосветских приемах.

– Где? – опешила мама.

«На балах. В Дворянском собрании. Их через десять лет восстановят», – быстро подумала Лена. А вслух устало сказала:

– Да ладно, мам... Это я просто так ляпнула. Не бери в голову.

* * *

...И опять миновало пятнадцать лет.

Но, боже, как они отличались от ее прежней жизни – с ее бесплодными метаниями за «Гран-при», несчастной любовью, разочарованиями, бедностью и тоской... Нет, новая Лена жила совсем по-другому.

Теннисной звезды из нее, правда, не получилось. Тренерша, умница, иллюзиями и «завтраками» свою ученицу не кормила, сказала уже через пару лет занятий: попасть в мировую элиту теннисистке Сальниковой, похоже, не светит. Да Лена и сама, как ни напрягала память, никак не могла вспомнить, чтоб в рейтингах или газетах «из будущего» фигурировала девушка с ее фамилией. Ну и зачем тогда против судьбы переть? Так что школу высшего спортивного мастерства, с изнурительными тренировками до рвоты и обмороков, она покинула, но теннис бросать не стала. Перешла на необременительные занятия два раза в неделю – пригодится, когда она в элиту бизнеса выберется. В бизнесе-то все, и президент, и мэр, по корту бегают, ну а она, Лена, составит им достойную компанию. И на корте, и на поле, так сказать, олигархических действий.

Ну и помимо тенниса Лена, с «недетским упорством», как говорила мама (эх, если бы она знала, насколько не детское!), взялась готовиться в бизнесменши мирового уровня. Иностранные языки. Математика. «Оттудошняя» литература по экономике – как же сложно было ее доставать, но дело того стоило. Нужные знакомства – ведь очень полезно, если подружиться с будущим олигархом еще в детстве!

Но только Лена в отличие от прочих девушек, погрязших в мечтах о миллионере, в яблочко стреляла с гарантией. Пошевелила мозгой, вспомнила несколько громких (для 2005 года) фамилий из числа владельцев банков и фирм-корпораций-холдингов – и взялась их искать (служба «09» в девяностые годы работала исправно).

С кем-то не повезло: олигарх Б., как оказалось, в это время сидел в тюрьме, а олигарх У. возглавлял преступную группировку, и с ним хрупкая школьница Сальникова решила не связываться. А вот с будущими воротилами бизнеса П. (десятый класс обычной московской школы) и Х. (первый курс мехмата МГУ) хорошенькой Леночке удалось познакомиться без труда. Да какой там без труда – потенциальные олигархи (оба какие-то неприкаянные, с непромытыми волосами и дичинкой во взорах) просто счастливы были, что красивая, стильная, образованная и веселая девушка обратила на них свое внимание.

«И обоих можно абсолютно без проблем совсем молодыми женить, – поняла Леночка. – Как бы только не просчитаться. Как бы вспомнить, кто из них в 2005 году будет побогаче и повлиятельней?!»

А вот еще одного потенциального жениха, звезду классической музыки и бывшего одноклассника Женьку Котикова, Лена забраквала. Он, конечно, жутко талантливый. И в свое время весь мир покорит, но оно ей нужно? Терпеть бесконечные «гениальные» заморочки... Терзать уши его бесконечными домашними репетициями. А зарабатывать он станет – не больше миллиона в год. Разве ж для нее, человека, который знает, что будет, это деньги?

Лена уже сейчас, в школе, проворачивала неплохие сделки.

Когда знаешь обо всех грядущих дефолтах и перипетиях банковских курсов, крутануться в нужном направлении – раз плюнуть. А оборотные средства Лена сначала из родительской заначки стибрила да у богатых одноклассников заняла, ну а очень скоро начала играть на свои. И соответственно, одевалась по последней европейской моде, а вовсе не так, как ее совсем обедневшие родители в старших классах школы уродовали...

Папа, видя свою дочь такой меркантильной и вечно погруженной в скучные расчеты экономических схем, откровенно страдал. Упрекал, что она совсем забросила музыку. Не бывает на классических концертах. И измеряет добро деньгами. Зато мама финансовыми и прочими успехами дочери откровенно гордилась. И повторяла: «Да уж, рожала я тебя не такой. Пока маленькая, была лопушок лопушком, а потом вдруг как подменили!»

Ну а Лена в благодарность наставляла родительницу, что корректировать близорукость в клинике Федорова и улучшать грудь с помощью силикона – это полная глупость: «Увидишь, как через десять лет тебе это аукнется. Для здоровья куда полезней ходить в фитнес-клуб (в Москве пока что имелся один-единственный) и сидеть на „кремлевской“ безуглеводной диете...»

Лена и сама, что называется, с молодых ногтей теперь питалась и вкусно, и современно. Одной из первых в Москве начала посещать ресторанчик японской кухни. И всем пропагандировала суши-сасими. Ходила в тоже совсем тогда непопулярное вегетерианское кафе. И, конечно, однажды заглянула в ресторан семейной кухни «Аист». В тот самый, где она когда-то, в прошлой жизни, познакомилась с подлецом Вадимом.

И именно в тот день, когда Вадим подошел к ней с дурацким вопросом: «Любишь рукколу?» – она действительно встретила его снова, уже второй раз в жизни. И ужаснулась: от этого человека, плохо пробритого, с похотливым взглядом, слюнявыми губами, она когда-то была без ума?! Подарила ему себя, мечтала о семье, родила сына?!

«Только подойди ко мне со своим идиотским вопросом про рукколу – я тебя так отбрею!»

Но Вадим лишь тоскливо и завистливо посмотрел на счастливую, самоуверенную, хорошо одетую девчонку и обратиться к ней так и не решился. Понял, видно, что ничего не светит. А изрыгать проклятия ему в спину Лена сочла ниже своего достоинства. Только грустно подумала: «Как жаль тех, других девчонок, которые не знают о том, что будет. И которых обманет этот подонок Вадим... И насколько все-таки легче, когда в новой жизни можно исправить ошибки из жизни прошлой...»

...Лена Сальникова с честью использовала подаренные ей судьбой пятнадцать лишних лет. И в «новое» двадцатитрехлетие, в тот самый день, когда «старая» Леночка, утомленная скучной концертмейстерской работой и тяжелой жизнью одинокой матери, рыдала под консерваторской лестницей, вошла одной из первых московских светских дам. Владелицей входящего в топ-сто банка. Женой преуспевающего бизнесмена. И просто красивой, ухоженной, с тонким вкусом и острым умом женщиной.

* * *

Отмечать ее двадцать третий день рождения они с мужем решили так. Сначала – визит в Большой, где у них своя ложа. После спектакля – небольшой, на сорок человек, банкет в «Метрополе». А на два часа ночи муж велел заказать «коридор» для своего самолета, чтобы к полудню следующего уже оказаться на Мальдивах.

Так что Лена готовилась к празднику особенно тщательно – нужно к этому дню и выглядеть ухоженной, в меру пустоголовой, как полагается при олигархах, красоткой. И на работе, в банке, все «хвосты» подчистить, чтоб бестолковые замы ее во время праздника по мобильнику не дергали в тот момент, когда она со столичным мэром (тоже обещал присутствовать на банкете) будет на брудершафт пить.

...В плане подарков муж (а что еще взять с мальчика из недавно совсем бедной семьи?) оказался неоригинальным – бриллиантовое кольцо, «как у Анны Австрийской, помнишь, в детстве такая книжка про мушкетеров была?». И в тон серьги с длинными грушевидными подвесками. Такими огромными, что, не будь супруг несомненным, безбашенно богатым олигархом, их бы все за наглую бижутерию принимали. В общем, несомненно дорого, но очень безвкусно. Хорошо хоть Лена, предвидя мужнины дары, запланировала на этот вечер очень скромное черное платье (разумеется, «Нина Риччи») и высокую, под девятнадцатый век, прическу с собранными на затылке локонами (Саша Тодчук обещал приехать прямо домой). Под такую «обложку» и наглые бриллианты сели неплохо, так что смотрелась Лена, после всех предварительных СПА, массажей и тщательного мэйк-апа, без ложной скромности, ослепительно. Муж, как увидел ее при полном параде, аж жмуриться начал. Будто помоечный кот на корма премиум-класса. И губы облизывал – будь она

безголосой и бесправной моделькой, точно бы, наплевав на всю тщательно налаженную красоту, завалил бы на первом попавшемся диване. Но Лена, законная жена, предупредила: «Платье, извини, – шелк. Очень мнучий. Так что терпи до Мальдив».

– До самолета, – поправил муж.

– Ах, ну да, – скривилась Леночка. Ох уж ей этот секс в мужнином самолете! С любопытными стюардессами, притаившимися под дверью хозяйской спальни.

– А бриллианты тебе идут, – похвалил супруг.

– Я стараюсь, – скромно потупилась Леночка. И небрежно чмокнула мужа в щеку: – Спасибо тебе. Ты у меня самый лучший!

Ожидала, что тот просияет – обычно-то старалась, чтобы не избаловался, особо не перехваливать, – однако глаза у супруга остались грустными. Он буркнул:

– Всегда пожалуйста. – И сообщил: – Лимузин уже у подъезда. Пошли?

Будь Лена глупой, традиционной для олигархов спутницей, идти бы не поспешила. Подождала бы, пока все соседи налюбуются перегородившей двор безразмерно длинной машиной, взятой в аренду у самого Филиппа Киркорова. Но только в ее-то «реальные тридцать восемь» (двадцать три официальных плюс пятнадцать подаренных судьбой) лет так дешево понтоваться уже несолидно. И она подала мужу руку:

– Конечно, пошли.

А пока спускались по мраморным ступеням в холл, спросила:

– Ты сегодня грустный. У тебя неприятности?

– Типа того, – скривился муж. – Да ладно, у тебя ж праздник. Не бери в голову. Прорвемся.

– Что на этот раз? – вздохнула Лена.

Вот, блин, еще не хватало! В прошлом году, когда супруг схлестнулся с каким-то чиновником из-за нефтеперерабатывающей компании и собственной сети заправок, ей пришлось в целях безопасности аж три месяца в Швейцарии проторчать. Умирая со скуки в мужнином укрепленном, будто Ла-Рошель, особняке и звоня на работу, в банк, только по особому телефону – с абсолютной невозможностью определения номера.

– Да все, Ленка, будет тип-топчик. Очередной наезд. Не бзди. На крайняк «маски-шоу» опять устроят, – поморщился супруг.

Лена нахмурилась – как бы его отучить от идиотских, собранных в голодном детстве словечек?

Но продумать воспитательную стратегию не успела.

Они уже спустились во двор, и Лена, хоть уже и искушенная богатством, замерла от восторга, увидев огромный розовый лимузин, а на заднем сиденье – россыпь роскошных кремowych роз.

Леночка благодарно обернулась к супругу – и вдруг увидела, как его лицо меняется, стремительно сереет, в глазах полыхает безнадежность. Он резко подтягивает ее к себе, хочет, кажется, что-то сказать, и в этот миг тихий вечер в старом московском центре разрывает безжалостный стрекот выстрелов.

Алая кровь на парадном «Бриони»... Прощальная поволока во взгляде... И только в этот момент Лена успевает увидеть не убегающую спину очередного мужниного врага, а направленный прямо ей в лицо пистолетный ствол.

– Нет! – кричит она.

И, будто замедленная съемка в слезливом кино, из пистолетного дула вырывается снопик пламени... И что-то черное, стремительное, страшное летит ей в грудь.

– Пожалуйста, нет! – одними губами повторяет она.

Неужели все было зря? И ее новая, так тщательно выстроенная жизнь оборвется в день рождения, одним мигом, нелепо, навсегда, из-за очередных мужниных бензозаправок?!

В этот момент пуля, в первую долю секунду совсем небольшая, прошила ей грудь. Лена задохнулась, упала на колени, в последний раз взглянула на уже бездыханное тело мужа и такой теперь бесполезный розовый лимузин... А потом перед глазами завертелась пестрая кинолента почему-то из прежней, давно похороненной жизни: занятия по специальности в музыкалке... требовательные поцелуи Вадима... жалобный крик новорожденного сына... постылая концертмейстерская служба за жалкую зарплату... И все померкло. Свет перед глазами погас. И даже яростные блики чистых, словно ее последние слезы, бриллиантов не могли пробиться сквозь непроглядную тьму.

* * *

Первым сквозь вату небытия пробрался запах. Пыль, изъеденные сыростью полы, мышинный помет. «Значит, так, совсем по-земному, и пахнет в аду?»

Потом в черную пелену вокруг ворвались звуки. Отдаленное поскрипывание половиц. Шорох шин по мокрому асфальту. И совсем уж непонятно откуда взявшиеся аккорды плохо настроенного пианино. «Бах. Фантазия до минор», – мелькнуло смутное, очень давнее воспоминание.

А затем дальние, смикшированные расстоянием звуки пререзал телефонный звонок. Наглый, требовательный и тоже очень знакомый. И Лена вдруг поняла – она вполне может открыть глаза. И дотянуться до сумки. И достать из нее мобильник. И нажать на кнопку приема...

– Мамочка! – Раздался в трубке такой знакомый и испуганный голосок.

– Ми-ша!.. – Одними губами выговорила Лена.

Сын. Забытый в прошлой жизни семилетний Мишенька. Одинокий. Несчастный. Робкий.

– Мамочка! – повторил в трубке детский голос. – Когда ты придешь домой? Я так по тебе скучаю!

Ленино горло стиснуло спазмом. Глаза застлали слезы. А вместо Мишенького в трубке уже звучал недовольный мамин голос:

– Сколько можно где-то шляться? Девять часов! Хлеба в доме ни крошки. А твой сын опять все обои в коридоре изрисовал. Буквы он, видите ли, изучает!

– Ты имеешь в виду – обои изрисовал твой внук? – вырвалось у Елены.

– Что-о? – опешила мама.

– Твой внук испортил обои? – отрезала дочь. – Так и что же? Он ребенок, ему положено. А за хлебом можешь и сама выйти. Заодно и с ребенком прогуляешься... В общем, жди. Буду через час. И не забудь, кстати, меня с днем рождения поздравить.

Она выключила телефон. Еще раз удивленно огляделась по сторонам. Нет. Никакой ошибки. Все тот же подлестничный закуток. Вечерняя консерваторская почти тишина. И она, Лена, – опять двадцатитрехлетняя, бедная, одинокая, задерганная концертмейстерша... С незадавшейся жизнью и малолетним ребенком на руках.

Так что же – ей опять браться рыдать? Проклинать судьбу? Опять рваться в блестящую жизнь? Но ведь она уже была богатой и беспроблемной – и как все кончилось? Пулей в сердце...

Лена легко вскочила на ноги. Одинокая? Бедная? Всеми презираемая? Ничего подобного! У нее есть замечательный сын. И родители – пусть придиры, но все равно такие родные! И профессия. И внешность. И ум.

А бриллианты? Да, бриллиантов нет. Они остались в прошлой жизни. Ну и пусть – зато как вспоминать-то приятно!

«Правда, „Гран-при“ ни в этой жизни, ни в той я так и не взяла, – усмешливо подумала Лена, выбираясь из своего закутка. – Но в конце концов и что? Мне ведь всего двадцать три. Еще успею».

Елена Логунова Гений мужской красоты

– Это что за красная бурда? – мимоходом заглянув в мою плоску, с подозрением спросил Денис.

Не хотелось признавать, но с определением цвета он не промахнулся – краска, призванная придать моим волосам стойкий цвет «сияющего золотого апельсина», была именно красно-бурой. Меня это беспокоило. Я никогда не видела в природе сияющих золотых апельсинов, но подозревала, что такой неаппетитный колер они могут иметь лишь на стадии глубокого гниения. Очень хотелось надеяться, что мои волосы после окрашивания будут выглядеть как-то иначе, однако переживать по этому поводу было уже поздно: я успела намазать красной бурдой половину головы.

– Пока, Инночка! Увидимся вечером! – Пошевелив носом, любимый раздумал одаривать меня прощальным поцелуем и поспешно открыл дверь.

Я не стала заранее терзать себя вопросом, узнает ли он меня, когда увидит в следующий раз, и ответила коротко:

– До свидания!

– Здра-австуйте! – словно в насмешку, в один голос пропели мужчина и женщина, притаившиеся за дверью на лестничной площадке.

– Инночка, к тебе пришли! – даже не притормозив, крикнул Денис, по пути к лифту успевший заметить в руках незваных гостей журналы и книжки.

Точно, периодическая печать во всех ее проявлениях – это по моей части. В нашем рекламном агентстве я отвечаю как раз за работу со СМИ. Однако по субботам я не работаю!

– Что вам нужно? – неприятно спросила я парочку с журналами.

– Мы пришли поведать вам о том, какой мэр угоден господу нашему! – елейным голосом сказала невзрачная, как застиранный мешок, тетка в убогом наряде смиренной странницы по святым местам.

Это было весьма неожиданное заявление. Не скажу, что я совсем уж не думала о господе нашем и о нашем же мэре, однако я никогда не объединяла их в комплект.

– Оригинальный ход предвыборной кампании! – заметила я, покачав наполовину покрашенной головой.

Тут капля красной бурды звучно ляпнулась на линолеум, и я вспомнила, что нахожусь в процессе, который не стоит прерывать даже ради душеспасительной беседы. Надо было продолжать золотить и апельсинить свой волосяной покров.

– Извините, мне некогда! – сказала я и решительно закрыла дверь.

– Нехристи! – негодуяще выкрикнула невзрачная тетка, вмиг утратив кротость и благостное смирение.

– Барклай, голос! – позвала я.

Бассет, дрыхнувший в теплом углу под батареей, поднял башку и с готовностью разразился оглушительным басовитым лаем. За дверью послышались испуганные возгласы, drobный топот, шлепки и шорохи разлетевшихся печатных изданий.

– Спасибо, милый! – с признательностью сказала я собаке. – С меня мороженое!

Барклай обожает мороженое, и непременно двадцатипроцентной жирности. За пломбир в вафельном стаканчике он спляшет на брюхе, а за шоколадное эскимо еще и споет.

– М-м-м, м-м-м! – просительно заскулил бассет, тщетно пытаясь выговорить сладкое слово «мороженое».

– Через час, ладно? – попросила я, взглянув на часы, чтобы заметить время начала фиксации краски.

Барклай, добрая собачья душа, терпеливо дождался, пока я закончу с парикмахерскими процедурами, и в начале десятого мы вышли на прогулку. Пес с ускорением рванул по своим собачьим делам на пустырь, и на этот раз уже я без возражений уступила ему. Очень хотелось посмотреть, как развивается дуэль кандидатов в наши мэры.

Длинный глухой забор, огораживающий вырытый на пустыре котлован, с началом предвыборной кампании превратился в эффектную выставку черных пиар-технологий. Началось все вполне традиционно: в ночь с воскресенья на понедельник группа поддержки кандидата В.В. Голикова заклеила забор красочными плакатами с изображением своего кумира и надписью: «Уважаешь себя? Голосуй за Голикова!» На следующий день голиковские портреты оказались залепленными афишами с парадным фото кандидата А. С. Казанского. Еще днем позже на обгороженных профессиональной ретушью ликах Альберта Семеновича Казанского появились гитлеровские чубчики и усики. После этого противники Казанского стали называть

его не Альбертом, а Адольфом Семеновичем. В среду ночью все плакатные наслоения были соскоблены, и вплоть до пятницы стена сияла девственной чистотой. Избиратели заинтересованно ожидали продолжения и дождались: в пятницу утром с забора им улыбнулся Василий Витальевич Голиков в новом для себя образе маргинального забуддыги. В руке, заскорузлые цыпки на которой были нарисованы с рембрандтовским мастерством, господин Голиков держал щербатую рюмку, подчеркнутую издевательски переименованным слоганом: «Ты м-меня ув-важаешь?» Это был серьезный удар по репутации Василия Витальевича, и его команда затруднилась с ходу отразить нападение. Ночью стена снова очистилась, и в позиционном бою кандидатов наступило затишье.

Зато зашумел мой мобильник.

– Ты где? – напористо спросила Трошкина.

– Мы гуляем, – расслабленно ответила я, нюхая цветочек.

– До сих пор?! – праведница-подружка искренне возмутилась. – Десятый час утра, а ты до сих пор в загуле?! Опять застряла в ночном клубе?! И с кем на этот раз?

– С кобелем, – хихикая, ответила я. – Успокойся, мать-настоятельница, я не в ночном клубе, я на утреннем пустыре гуляю, с собакой. А ты почему такая взвинченная, случилось чего?

– Случилось, – Алка вздохнула. – С пустыря беги прямо ко мне, есть разговор.

Я поняла, что разговор будет неприятный, поэтому по пути к Алке забежала в булочную за свежими кексиками – они неплохо помогают при душевных расстройствах.

– Это ты? – подружка недоверчиво прищурилась на мой золотой апельсиновый скальп. – Если бы не Барклай, я бы тебя не узнала!

С кексиками я не промахнулась, только нужно было взять их побольше: у Трошкиной уже сидела одна гостя. Прилично одетая пожилая дама, вопреки общей ухоженности организма, имела такое кислое выражение лица, что я подумала: Неприятный Разговор – это ее второе имя. Первое мне сообщила Алка:

– Это Маргарита Андреевна, любимая тетя Руперта.

Я кивнула и приветливо улыбнулась. Роберт Руперт по кличке Крошка Ру – один из бывших Алкиных бойфрендов, добродушный гигант, помешанный на компьютерных играх. А его тетя, как вскоре выяснилось, фанатеет от телевизора и обожает интерактивные ток-шоу с письмами в редакцию и звонками в студию. Она пристрастилась к ним после смерти мужа, когда осталась в трехкомнатной квартире тет-а-тет с попугайчиком и ощутила удушающую нехватку простого человеческого общения. Из его телевизионных заменителей Маргарите Андреевне особенно полюбилась программа «Суровая правда» с Максимом Смеловским, однако именно эта любовь разбила ей сердце.

– Вы не представляете, Инночка, какой кошмар со мной приключился! – нервно кроша пухлыми пальчиками в искристых кольцах ни в чем не повинный кексик, захохла милая дама, когда Трошкина дала ей слово. – Вчера утром я поехала в центр, чтобы присмотреть себе новые ботильоны... Вы же знаете, что сейчас повсюду распродажи? Так вот, шла я по Зеленой, разглядывала витрины, и вдруг меня словно током ударило!

– Ботильоны увидели? – с пониманием спросила я.

– Да какие ботильоны! – Маргарита Андреевна в сердцах шмякнула на пол половину кекса, которую тут же подобрал санитар поля Барклай. – Я увидела Его! Самого Максима Смеловского!

Я усмехнулась, отнюдь не разделяя восторга милой дамы. Макс Смеловский – мой бывший однокурсник и вечный поклонник. Он удивительным образом сочетает в себе потрясающую креативность с поразительным занудством и потому не относится к числу субъектов, которыми лично я могу любоваться долго и с наслаждением. Но Маргарита Андреевна рассказала о Максе совершенно невероятную историю!

По ее словам, импозантный и безусловно узнаваемый Смеловский возник перед ней на оживленной улице, как гений чистой мужской красоты и отнюдь не мимолетное виденье. Знаменитый ведущий сам остановил Маргариту Андреевну, сердечно ее поприветствовал и пригласил принять участие в уникальной рекламной акции телеканала. Маргарита Андреевна согласилась и охотно приняла из рук своего кумира несколько красивых фирменных коробок. В них, по словам Великолепного Макса, находились маникюрный набор, инкрустированный янтарем, прибор для ионизации воздуха, мельхиоровая давилка для лимона и эксклюзивный набор прессованных полотенец для СПА-процедур. В обмен на все это замечательное разнообразное добро Смеловский предложил Маргарите Андреевне разместить на телеканале небольшую рекламку – например, поздравительное объявление для приятного ей человека. Сумма, по меркам зажиточной старушки, была названа вполне приемлемая – всего полторы тысячи рублей, и Маргарита Андреевна долго не колебалась. Денегки у нее при себе были, и Макс без промедления получил полторы тысячи. Правда, покупку ботильонов пришлось отложить, но возрастную фанатку Великолепного Макса это не огорчило.

Огорчилась она позже, уже дома, выяснив, что среди подарков от щедрой телезвезды нет никаких наборов, кроме вороха старых газет, а единственным прибором, помещающимся в самой большой и самой тяжелой коробке, оказался силикатный кирпич.

– Короче, Маргариту Андреевну бессовестно обманули! – подытожила Трошкина и посмотрела на меня так строго, словно это я впарила простодушной бабушке рекламу с кирпично-бумажным бонусом.

– Это не Макс! – возразила я, спешно вынимая мобильник, чтобы вызвать Смеловского. – Я его знаю, он не мог!

– Это был Максим Смеловский, уверяю вас, я не могла ошибиться! Его лицо, его голос, его манеры – это был он! – облапошенная бабушка запоздало проявила твердость характера.

– Да, любовь моя, слушаю тебя! – бархатным голосом, который и впрямь трудно было не узнать, замурчала трубка.

– Привет, Макс! – Я не растрогалась и заговорила жестко: – Живо признавайся, где ты был вчера утром?

– В десятом часу! – подсказала Трошкина, сложив руки у рта рупором.

– Вчера утром я был в студии, а что? – мурлыканье Смеловского сделалось настороженным.

– А то, что тут одна ба... большая твоя поклонница утверждает, что вчера в десять утра ты мошенически пиарил родной телеканал на центральной улице нашего города!

– Мошенический? Это как? – чувствовалось, что Макс заинтересовался.

Я вкратце пересказала ему суть аферы, жертвой которой пала доверчивая Маргарита Андреевна, и Смеловский непочтительно заржал:

– Шикарная история! Можно, я приглашу эту почтенную простушку на съемку очередной программы «Суровая правда»? Она на личном примере призовет телезрителей к бдительности и осторожности.

– Макс, мы тут не шутим! – я заговорила строже. – Маргарита Андреевна к тебе в большой претензии! Ты разрушил ее святую веру в благородство прекрасного телевизионного принца, да еще взял за это полторы тысячи рублей!

– Ты с ума сошла? – До Макса, видимо, дошло, что я его не разыгрываю, и он рассердился. – Не знаю, что там померещилось твоей чокнутой старухе, но я вчера весь день провел на работе! Как пришел к девяти, так до шести и носу из студии не высунул!

– Это ложь! – услышав его громкий голос в трубке, гневно вскричала Маргарита Андреевна, страшно оскорбленная тем, что ее назвали старухой, да еще и чокнутой.

Она смяла в комочек остаток кекса, швырнула его на пол (Барклай проявил проворство и поймал лакомство на лету), встала и засобирилась «куда надо».

– Макс, Маргарита Андреевна грозит заявить на тебя в милицию! – предупредила я друга.

– Пусть заявляет! Дура старая! – Смеловский окончательно осатанел и вырубил телефон.

У меня было ощущение, что он прав в оценке умственных способностей Алкиной гостьи, но я тактично оставила свои соображения при себе. Дождавшись ухода разгневанной тети Руперта, я простилась с Трошкиной, отвела Барклая домой, переоделась и поехала в центр. Болтовня Маргариты Андреевны о распродажах на Зеленой разбередила мне душу.

В двенадцатом часу – я как раз примеряла ботильоны – мне позвонила Клавдия Рьжикова, ассистент режиссера Дудкина, с которым работает и одновременно враждует Максим Смеловский.

– Здравствуйте, Индия! – церемонно молвила Клава. – Простите мне нескромный вопрос, но вы случайно не знаете, куда запропастился Максим Леонидович?

Похоже, Клава надеялась на нескромный ответ: «Ах, конечно, знаю, тут он, рядом со мной посапывает!» – но я вынуждена была ее разочаровать.

– Понятия не имею! А почему вы меня спрашиваете?

– А кого же еще? – искренне удивилась Клава. – Всем известно, что Максим Леонидович в вас влюблен, как мальчик! С кем же он мог загулять, как не с вами?

– Может, с собакой? – досадливо съязвила я. – Где-нибудь на пустыре...

– С собаками, точно! – льстивое сопрано Клавдии неожиданно превратилось в басовитый рык Дудкина.

– С собаками я его искать буду, с овчарками! Пущу по следу гончих, и пусть они найдут этого безответственного зазнайку, и затравят его, и разорвут его в клочья, и развеют по ветру саму память о нем!

– Аминь, – хладнокровно ответила я и выключила трубку.

Бесноватый Дудкин меня не волновал, а вот сообщение о том, что верный рыцарь Смеловский загулял на стороне, разбередило душу. Я никогда не воспринимала ухаживания Макса всерьез, не собиралась за него замуж и даже не планировала переводить наши платонические отношения в горизонтальную плоскость, но... лишаться своего печального Пьеро было жаль. И еще захотелось узнать, на кого это он меня променял.

«Макс, конечно, волен гулять, с кем хочет, но ты должна убедиться, что он попал в хорошие руки», – внутренний голос подсказал достойный аргумент в пользу поисков пропавшего кавалера, и я немедленно приступила к активным действиям.

Злосчастные ботильоны опять остались некупленными! Вернув их на полку, я прошла мимо кассы, на улице остановила такси и поехала на телевидение, где трудится Смеловский. Я там частенько бываю – Макс постоянно приглашает на запись программ, так что вахтерам я примелькалась, и на входе, где вообще-то положено предъявлять документы, меня давно уже никто не останавливает.

Миновав сторожевой пост с бритоголовым индивидуумом, который натужно окаменел над газеткой с кроссвордом, я прошла по длинному коридору и постучалась в дверь монтажной:

– Тук-тук, кто в теремочке живет, можно вломиться?

– Заходи, не бойся! Выходи, не плачь! – веселой скороговоркой отозвались изнутри.

Я потянула дверь и заглянула в полутемную каморку. В теремочке сидели перед мониторами монтажеры Коля и Петя. Один экран светился синим, второй – зеленым, и лица у ребят были подсвечены в тон.

– Здравствуйте, Мышка-норушка и Лягушка-квакушка! – сказала я серо-голубому Коле и бледно-зеленому Пете.

– Здравствуй, Зайка-побегайка! – не заржавели с ответом фольклорно-грамотные парни.

– Вы Смеловского не видели? – спросила я.

Мальчики дружно обернулись, укоризненно посмотрели на меня, синхронно вздохнули, и Коля потянулся за блокнотом.

– Так видели или не видели? – не дождавшись ответа, повторила я.

Коля с треском выдрал из блокнота исписанный лист, выбрался из кресла, подвинул меня и прилепил на дверь рукотворное объявление: «Смеловского не видели!!!» Количество восклицательных знаков позволяло предположить, что этот вопрос ребятам задавался неоднократно.

– Вот наш ответ Чемберлену! – сказал Коля, надежно прикрепляя их с Петей ответ английскому лорду липкой лентой.

Тут в коридоре за углом послышались нервные голоса и множественный шум шагов.

– Идут? – встревоженно спросил Петя из монтажки.

– Идут, басурмане! – подтвердил Коля и втолкнул меня в комнату. – Посиди тут, переждешь татарское нашествие. Наши уже все в укрытиях. Этому народу лишний раз лучше на глаза не попадаться.

– Это кто у вас там? – Я оглянулась на закрытую дверь, за которой как будто и впрямь боевые монгольские кони протопали.

– Это у нас там господин Казанский Адольф... Тьфу, господи, прости! Альберт Семенович с боевыми товарищами по партии, – ответил Петя. – На запись предвыборного выступления пожаловали.

Я спросила, почему почтенный господин, имеющий большую команду верных соратников и желающий распространить владычество на все городское народонаселение, вызывает у студийного народа желание убежать и спрятаться. Коля сказал:

– О! – И приставил ладони к голове, имитируя большие оттопыренные уши.

А Петя сказал:

– У! – И приложил палец к губам. – Тс-с-с-с!

Я вняла предупреждению и сменила тему:

– Ребята, а вчера вы Максима не видели?

– Боже, сколько можно! – Петя вздохнул. – Ну, не видели мы Максима! Ни вчера, ни сегодня! Я вообще его уже неделю не видел – в отпуске был, сегодня первый день вышел.

– Нет, вчера Максим в студии был, – вмешался Коля. – Четко с девяти до шести, как порядочный.

Из дальнейшего повествования выяснилось, что этой четкостью вся Максова порядочность и ограничилась, ибо явился он на работу в состоянии, которое никак не соответствовало устоявшимся требованиям к трудовой дисциплине.

– Голос сиплый, морда опухшая, серая, как у покойника, под глазами мешки, – часто хмыкая, рассказал Коля. – И амбре такое, словно он «Баллантайн» не внутренне принимал, а наружно – в виде утреннего душа!

Я удивленно покрутила головой. Мне, как и всем другим знакомым Смеловского, было известно, что он не употребляет никакого спиртного, кроме виски марки «Баллантайн», но обычно Макс выпивает весьма умеренно.

– Приплелся он, шатаясь, как зомби, точнехонько к девяти, но ничегошеньки за весь день не сделал, – продолжал Коля, откровенно потешаясь. – Завалился на диване в редакторской, укрылся своим любимым немецким пиджаком и подрых до самого вечера.

Глубоко похмельный интеллигент и пижон Смеловский, спящий под вельветовым пиджаком с замшевыми накладками, точно полумертвая лошадь под маломерной попонкой, – это было весьма необычное зрелище, и весь студийный народ не преминул им насладиться. Для репутации Макса это было плохо, а вот для алиби – очень хорошо. Если Маргарита Андреевна заявит в милицию, у Максима будет куча свидетелей, готовых присягнуть, что мошенническую раздачу слонов и подарков на Зеленой производил не он. Хотя я лично в этом и так не сомневалась – в смысле денежных расчетов Максим Смеловский честнейший человек.

«Извини, дорогая, но ты и в его светлой любви не сомневалась, – справедливо уязвил меня внутренний голос. – А Макс, похоже, пошло кутил с кем-то ночь напролет!»

Настроение у меня испортилось, болтать с ребятами расхотелось. Дождавшись, пока Казанский с его штабс-бандой угнездятся в студии, я выскользнула из телекомпании. И только села в троллейбус, как зазвонил мой мобильный.

– Ин, привет! – затарахтела трубка голосом Дашки Крякиной, бывшей нашей институтской старосты. – Ты не знаешь, как найти Максима Смеловского?

Я подавила рычание, но не смогла скрыть раздражения:

– Ну, тебе-то он на кой черт сдался?! Восемь лет спустя после выпуска!

– То-то и оно, что это касается всего нашего курса! – не дрогнула бронебойная Дашка. – Я всех обзваниваю, только вам с Максом еще не сообщила. Жуткая новость! Ты Витьку Гасовского помнишь?

– Гасовский, Гасовский... – забубнила я. – Нет, не помню! А что?

– А то, что его ночью машина задавила, насмерть! Ты на похороны пойдешь? Я так думаю, мы все должны скинуться на венки. На ленте напишем: «Вите от однокурсников. Мы тебя никогда не забудем!» Правильно?

С учетом того, что лично я однокурсника Витю уже давно и прочно забыла, идти на похороны не имело особого смысла, но от финансового участия в траурном мероприятии я, конечно, не отказалась. Крякина, как всегда осведомленная лучше всех, запоздало поведала о послеинститутской жизни Гасовского:

– Жил бестолково, выпивал, с женой развелся. По специальности ни дня не работал, вел в какой-то артели инвалидов кружок художественной самодеятельности – ну, ты помнишь, он и в институте больше в КВН играл, чем учился.

Я вспомнила, что какой-то Витька в нашей институтской команде действительно был, но не смогла конкретизировать его смутный образ, в чем напористой Дашке не призналась, пообещав непременно передать печальную весть Максиму, как только он объявится. Едва закончив разговор, я вырубил телефон: вдруг еще кого-нибудь из однокурсников посетит оригинальная мысль попытаться разыскать Макса через меня. А я чувствовала, что просто озвереву, если еще хоть раз услышу: «Ты не знаешь, где Максим Смеловский?»

За неработающий телефон я получила нагоняй от Дениса. Мой милый сидел у нас на кухне и в темпе «аллегро модерато» поглощал горячий борщ. Перед ним стояла также тарелка с дымящимся вторым, справа сидел, утвердив подбородки на ладошке и умиленно глядя на едока, мой папуля, а слева громоздились судочки с горячим питанием на вынос. Я поняла, что капитан Кулебякин собирается в ночное, и с досадой спросила:

– У родной милиции опять аврал?

– Угу, – заглатывая еду, кивнул Денис. – Казанский потерял жену. Бессонная ночь гарантирована всему личному составу УВД.

– Который Казанский? – заинтересовалась я. – Который у нас на заборе висел?

– А прямо сейчас он висит у нас в телевизоре, – кивнул папуля. – Пойди послушай!

Я прошла в гостиную, где у новой плазмы, прикупленной нашей маменькой-писательницей с очередного гонорара, устроились с обедом мой братец Зяма и бабуля. Они ели кролика в сырном соусе и внимали телевизионному оратору. Бледный, как смерть, и злой, как пытка, мордатый дядька в глубоком трауре клеймил позором родное ведомство капитана Кулебякина и мамой клялся в случае своего прихода к власти полностью искоренить преступность заодно с бездействием ее штатных искоренителей.

– Серьезный мужчина! – обсасывая косточку, одобрительно сказала бабуля. – Вижу, у него харизма!

– Да, харизма у Казанского – будь здоров! – крикнул из кухни обиженный Денис. – В три дня не обгадишь! Вы его больше слушайте – как же, преступность он искоренит! Сам бандит первостатейный, а еще в мэры лезет!

– Побольше уважения к несчастному вдовцу! – ответил ему Зяма. – Ну, чушь порет мужик, так он же не в себе, что вполне можно понять: каково это – найти любимую женщину в мусорном баке?!

– Погодите, я запуталась, – попросила я. – Так он потерял жену или нашел?

– Ах, Дюша, это кошмарная история! – с завыванием провозгласила из своей комнаты мамуля.

Я пошла на голос: рассказывать кошмарные истории, безусловно, мамулина привилегия – ее ужастиками полстраны зачитывается.

– Жена Казанского вчера после обеда поехала побродить по магазинам, – начала она.

– Ах, ботильоны! – со значением прошептала я.

– Где он там бродила, история умалчивает, но домой дамочка так и не вернулась. Машину нашли в овраге, а ее саму – в мусорном баке, – мамуля сделала огромные глаза. – Голую, мертвую и со следами насилия!

Я содрогнулась.

– По рабочей версии, гражданка Казанская была ограблена, изнасилована и задушена около полуночи, когда возвращалась домой после марафонского шопинга. – Из кухни, вытирая руки полотенчиком, пришел Денис. – Хотя насчет изнасилования есть сомнения. Судмедэксперт полагает, что сексуальный контакт случился существенно раньше, чем убийство.

– То есть Лолочка не только по магазинам ходила? – смекнул Зяма. – Да, есть занятия более увлекательные, чем шопинг. Как говорится, некоторые любят погорячее.

– Ботильоны просят огня, – сострила я.

А мама и бабушка дружно спросили:

– Лолочка?!

– Спокойно, это был не я! – Зяма поспешно открестился кроличьей ножкой. – Я лично с Лолой Казанской знакомство не водил, хотя и видел ее пару раз на богемных тусовках. Роскошная была мадам – супермодельная блондинка, таких поискать!

– Ну, нам за этим далеко ходить не надо! – сказал Кулебякин, по-хозяйски обняв и чмокнув меня в щеку.

Я не стала благодарить его за добрые слова: это был не комплимент, а простая констатация факта. Я действительно высока, стройна и бела, в смысле белокура (то есть была белокурой до утреннего контакта с красной бурдой). Меня взволновали другие слова Дениса.

– А он правда бандит? – спросила я, кивнув на злую морду в телевизоре.

– Еще какой! Настоящий мафиози, – подтвердил Кулебякин. – И вообще бешеный тип.

– Какой ужас! – всплеснула руками бабуля. – Надеюсь, на выборах победит другой кандидат! Как его? Виталий Голиков?

– Василий Витальевич Голиков, – поправил папуля – бывший полковник, уважающий во всем военную точность.

– Василий Витальевич Голиков, он же Голыш, он же Голый Вассер, – речитативом затянул Денис. – В прошлом бандитский генерал, ныне крупный бизнесмен, владелец сети автосалонов, ремонтных мастерских, заправочных станций, платных стоянок и предприятия по утилизации устаревшего колесного транспорта. Кандидат в мэры. Заклятый враг Альберта Семеновича Казанского, тоже бандита и кандидата.

– То есть, кого бы мы ни выбрали, нашим новым мэром станет бандит?! – искренне огорчилась бабуля.

– Да вы не расстраивайтесь так, Катерина Максимовна! – утешил ее Кулебякин. – Тут есть один большой плюс: после выборов у нас в городе будет на пару топ-бандитов меньше! Тот, который победит, станет законопослушным, а второй трудами первого быстренько сыграет в ящик!

– Интересный хеппи-энд, – задумалась мамуля.

– Я оптимист и верю в наше светлое будущее, – похвалился Денис.

А потом нелогично отругал меня за то, что я брожу по городу, где полным-полно бандитов, с выключенным мобильником, и во избежание повторения страшной судьбы Лолы Казанской строго-настрою запретил в одиночку ходить по магазинам, оврагам и мусоркам.

Потом милый, гремя судочками, убежал на работу, а я неторопливо пообедала и хотела завалиться поспать до ужина, но задержалась у зеркала. Крутилась так и сяк, пытаясь определить, пошло ли апельсиновое золочение на пользу моей неземной красоте, и вдруг замерла в полуобороте, как будто меня заклинило. Я наконец вспомнила Витьку Гасовского! Он блистал в нашем КВН с номером «Зеркало»: стоял в пустой раме и талантливо изображал отражение другого парня. Кстати, партнером Гасовского по этому номеру был мой неверный поклонник Максим Смеловский.

Я вспомнила, какие уморительные гримасы корчила эта парочка сценических идиотов, разулыбалась, а потом... Потом мне стало несмешно. Я отчетливо поняла, что обязательно должна разыскать Смеловского.

Было около пяти часов вечера, когда я приехала к нему домой. Дверь открыла Ольга Павловна, мама Макса.

– Ой, Инночка, доченька, это ты! Как я рада! – Несостоявшаяся свекровь всплеснула пухлыми ручками

и потянулась меня поцеловать, а потом выглянула на лестничную площадку. – А Максик где же?

– Не знаю, я его не видела, – в десятый раз за день повторила я.

– А я думала, он с тобой! – Ольга Павловна заметно расстроилась. – Вы позавчера разве не вместе катались?

– Где катались? – машинально спросила я.

Последний раз мы со Смеловским вместе катались в прицепе трактора на сборе картошки. Во взрослой жизни Максиму иногда случалось подвозить меня на своем автомобиле, но в последнее время и таких катаний у нас не случалось.

– Тут, – Ольга Павловна качнула шиньном в сторону кухонного окна. – Максик забежал домой переодеться и бутылочку взять, а в машине его девушка ждала, блондиночка кудрявая. Я думала, это ты...

– Нет, не я. А вы с позавчерашнего дня сына не видели?

– Так я, деточка, вчера на дачу уезжала, там и ночевала. Сегодня вот вернулась, борщик зеленый из свежего щавеля сварила, стала звонить Максимушке, а он трубку не берет.

Ольга Павловна пригорюнилась, а я призадумалась. Бутылочка и блондиночка в сумме давали однозначный результат: Максиму надоело дожидаться, когда я отвечу ему взаимностью, и он нашел более отзывчивую подружку. Вот только мне казалось, что одна бутылочка не должна была превратить здорового молодого мужчину в то жалкое создание, которым вчера злорадно любовался весь телевизионный люд.

– Ольга Павловна, а Максим по-прежнему только виски пьет? – спросила я.

– Только виски, и только «Баллантайн!» – убежденно кивнула мать привередливого выпивохи. – И покупает его по-прежнему только у Вольдемара.

– Что за Вольдемар? – я запоздало заинтересовалась личностью Максимкиного поставщика.

– Вообще-то он Вова, Вова Рыжков, это магазин так называется – «У Вольдемара», – объяснила она. – Вова торгует товарами из Франции, у него прямые поставки, все от производителя, качество гарантированное, подделок нет.

– Шотландский виски от французского производителя? – усомнилась я. – Ладно, не суть важно. Где магазин этого Вовы-Вольдемара, далеко отсюда?

– Совсем рядом! Два квартала вперед по улице, ты увидишь – там вывеска с Эйфелевой башней.

Эйфелева башня на вывеске магазина «У Вольдемара» покосилась и стала подозрительно похожа на Пизанскую, так что мои сомнения в аутентичности предлагаемых товаров вообще и виски в частности только усилились. Правда, сам Вова-Вольдемар произвел приятное впечатление – в первую очередь, своей общительностью. Достаточно было задать ему главный вопрос современности: «Вы не видели Максима Смеловского?» – чтобы получить в ответ море информации.

Максима Смеловского Вова видел, слышал, обонял и даже осязал в дружеском объятии не далее как позавчера вечером. Макс «заскочил на минуточку», из которой ни секунды не потратил впустую, успел не только побрататься с Вольдемаром, но и купить хлеба, сыра, колбасы, солений и две пол-литры виски в подарочной упаковке со стаканами.

«Итого три бутылки, – подсчитал мой внутренний голос. – Вот это уже больше похоже на правду!»

Разговорчивый Вольдемар стрекотал, пытаясь обратить мое покупательское внимание на непревзойденный ассортимент настоящей французской косметики, но меня в этот момент несколько не интересовали принадлежности для рисования на лице. На нем и так уже лежала тень глубокого безрадостного раздумья.

Легкой поступью лунатички пройдя между фанерных опор фальшивой башни, я выдвинулась на улицу и замороженным айсбергом поплыла в потоке людей, закончивших трудовой день и торопящихся по домам. Торопыги толкались, на что я никак не реагировала. Меня занимал вопрос: где именно Максим кутил со своей блондинкой?

Отсутствие в продовольственном наборе от Вольдемара сладостей и выбор в качестве напитка брутального виски однозначно выдавали в новой подружке Макса особу, свободную от милых дамских слабостей и предрассудков. Я ясно представила себе девицу из тех, о которых мужчины говорят: «Светка (Катя, Машка, Дашка) свой в доску парень!» С такой подружкой можно пировать и в гараже, и на травке под кустом, не смущаясь отсутствия крахмальной скатерти, столового серебра, хрустальных фужеров и шелкового постельного белья. Кстати, эту версию подтверждал тот факт, что Макс купил виски в комплекте со стаканами.

«Ну, под кустиком-то они вряд ли залегли, чай, не лето на дворе, март месяц, – рассудил мой внутренний голос. – А машину Макс на платной стоянке оставляет, гараж никак не купит, все ждет, пока закончится строительство его нового дома... Ага!»

– Недостроенный дом, точно! – я торжествующе улыбнулась и щелкнула пальцами, заодно остановив

такси.

Смеловский, местная телезвезда, личность известная, но он отнюдь не олигарх. Новый дом в экологически чистом медвежьем углу нашего родного города Макс строит уже лет пять, но процесс еще не дошел даже до стадии внутренних отделочных работ. Коробку строители подняли, крышу поставили, коммуникации подтянули, но высокое звание дома строение пока не заслуживает. Уж я-то знаю, Макс возил меня взглянуть на родовое гнездо будущих поколений Смеловских в надежде, что я оценю его основательный подход к вопросу обеспечения потомков комфортабельной жилплощадью и наконец соглашусь принять участие в обеспечении Макса этими самыми потомками.

– Знаете, где Царское Поле? – спросила я таксиста.

Он молча кивнул.

– Отлично. Едем туда, а потом я покажу, какой дом мне нужен.

Мы прибыли на место аккурат тогда, когда радионяня станции «Этрусский шансон» эротичным голосом сообщила, что московское время – девятнадцать часов. Уже темнело. Безлюдное Царское Поле, усеянное похожими на курганы и гробницы кучами песка и грудями блоков, неприятно походило на Бородинское, но окна родового замка господина Смеловского слабо светились желтым.

– Вот пятьсот рублей, как договаривались, – сказала я таксисту, извлекая из кошелька купюры. – Если подождете полчаса, заплачу еще семьсот за поездку обратно в город.

Водитель снова молча кивнул. Я вылезла из машины и, отступаясь на невидимых во тьме кочках и рытвинах, пошла на огонек.

Временная входная дверь существовала в качестве прилагательного. Я толкнула ее – она с грохотом упала, сквозняком задуло свечку, и стало темным-темно. В крошечном мраке послышался мужественный мат, а затем ожесточенное чирканье спички, которая загорелась с третьей попытки. Пляшущий огонек высветил согбенную фигуру, в которой я нипочем не признала бы нашего знаменитого телеведущего, если бы театр теней не озвучивал его незабываемый бархатный голос. Трясущимися руками под прочувствованную ругань Макс запалил свечку и поднял ее повыше, напряженно щурясь в мою сторону.

– Привет, пропащая душа! – сказала я, выходя на свет.

– Привет, – уныло ответил он. – Водку будешь?

– «Балантайну» ты тоже изменил? – ехидно спросила я, недвусмысленно обвиняя давнего поклонника в предательстве нашей чистой и светлой любви.

– Виски кончился, – угрюмо ответил Макс. – И стаканов тоже нет...

С этими словами сам он приложился к бутылке, а я пошарила глазами по столу и разглядела среди огрызков и объедков два низких, с толстым дном, стеклянных стакана для виски. Они были наполнены бесцветной жидкостью – явно не колодезной водицей – и накрыты подсохшими хлебными ломтями.

– Та-а-ак... – протянула я, обессиленно опускаясь на продавленный диван рядом со Смеловским. – Давай сюда свою водку!

Макс безропотно передал мне бутылку. Я вытерла горлышко рукавом, враз охрипшим голосом спросила:

– Как ее звали? Лола, да? – и, не дожидаясь ответа, пробормотала: – Господи, упокой души рабов твоих Виктора и Лолы!

– Аминь! – сказал Смеловский и тяжело вздохнул.

Я вернула ему бутылку, он хлебнул огненной водицы и покосился на меня:

– Ты не обижаешься?

– За что? За то, что ты закрутил роман с высокой фигуристой блондинкой, похожей на меня? – Я невесело хмыкнула. – Нет, я не обижаюсь. Наоборот, чувствую себя виноватой. Ведь если бы ты не выдумал себе идеальную женщину в моем лице, то не связался бы с Лолой, у которой при всех ее достоинствах был один большущий недостаток – ревнивый муж-бандит. Черт, Макс, разве ты не понимал, как опасно наставлять рога Казанскому?!

– Понимал, потому и старался держать все в тайне.

– Перестарался, – буркнула я.

Смеловский сосредоточенно побулькал водкой, а потом хмуро спросил:

– Ты одна такая умная? Или еще кто в курсе?

– Кажется, больше никто.

Мы еще немного помолчали, а потом Макс снова спросил:

– Как догадалась?

– Зеркало помогло, – призналась я. – Я вспомнила, как Витя Гасовский играл твое «отражение». Вы с ним были похожи!

– Одного роста, одинакового телосложения, оба светловолосые, голубоглазые и скуластые, – кивнул он.
– А если загримировать, так и вовсе братья-близнецы.

– Только лицо в гриме серое и на маску похоже, – добавила я.

– Ну, это еще с перепою, – объяснил Смеловский. – Сама подумай, мы же накануне три бутылки виски вылакали! Причем большую часть Витек принял, он по части выпивки был большой любитель.

– Вы тут пили? – Я огляделась и удовлетворенно кивнула: – Конечно, тут, это заметно. И кирпич для бедной Маргариты Андреевны ты отсюда прихватил, правильно? А бабуля-то твоей фанаткой была!

– Слушай, ты извини меня за эту твою бабу! Я обязательно придумаю, как вернуть старушке ее деньги и веру в меня, любимого. Честное слово, мне совсем не в радость было ее обманывать!

– Понимаю, ты это не корысти ради, – хмыкнула я. – Тебе просто очень нужно было алиби на время дневного загула с Лолочкой Казанской – красавицей с чудовищным мужем. Ты понимал, что Адольф... то есть Альберт Семенович не будет церемониться с тем, кто сделает его рогоносцем. Я только не понимаю, зачем надо было устраивать это уличное шоу с раздачей кирпичей? Почему нельзя было просто уложить в студии загримированного Витьку и этим ограничиться?

– Потому что Казанскому на свидетельские показания моих коллег с телевидения было бы начхать! – вскинулся Макс. – Что ему эти «смишники»? Несерьезный народ, пыль под ногами. А вот милиция – совсем другое дело, это уже авторитетно. Если бы мое алиби проверили и удостоверили менты, это было бы надежное прикрытие.

– Но ты понимал, что милиция не станет выяснять, где ты был и чем занимался просто так. Милицейское любопытство кто-то должен был пробудить! Кто-то вроде Маргариты Андреевны! – Дальше мне все было ясно.

Ну, почти все.

– Если я правильно понимаю, суровый муж Казанский все-таки узнал об измене жены. Наверное, кто-то вас увидел, – предположила я. – Не знаю, сам он убил Лолочку или это его бандиты сделали, но не сомневаюсь, что и Виктор погиб не случайно.

– Я тоже не сомневаюсь, – пробормотал Макс и выразительно посмотрел на стаканы под хлебными крышечками.

– А как случилось, что убили не тебя, а Гасовского? Понятно, что перепутали, но почему? Если кто-то следил за тобой, когда ты был с Лолой, то тебя и должны были пристукнуть!

– Уж так прямо и должны! – Смеловский пожегся. – Накаркаешь еще... Знаешь, где Витька эта чертова машина снесла? На проспекте напротив моего дома. Он из нашего подъезда вышел и побежал через дорогу, тут-то его и сбили.

– Так он вчера к тебе приходил, – поняла я. – А зачем?

– Зачем, зачем... Пиджак мой немецкий отдал! Еще вопросы есть?

– Еще вопросов нет.

Мы замолчали и в соответствующей случаю гробовой тишине допили оставшуюся водку.

– Все, – со стуком поставив пустую бутылку на стол и посмотрев на часы, решительно сказала я. – Скажи спасибо Гасовскому, царство ему небесное, от страшной мести Казанского он тебя спас. И от обвинения в мошенническом обмане старушки уберег: сто процентов, теперь все твои грехи повесят на бедного Витьку, благо, ему уже все равно. Хватит тут сидеть, поехали домой. Тебя мама ждет, а меня такси.

Я встала и потянула Макса. Он поднялся, но только для того, чтобы повиснуть у меня на шее и озвучить пламенную речь:

– Инка, ты вообще понимаешь, что случилось? Сволочь Казанский убил Лолу и Витьку, и я это знаю, но ничего не могу сделать! Я, конечно, могу пойти в милицию, но это же будет бессмысленное самоубийство! А так хочется наказать негодяя и отомстить за ребят!

– Ты можешь пойти со своим рассказом в милицию, но я сомневаюсь, что тебя там вообще станут слушать, – сказала я. – Альберт Казанский – не последний человек в нашем городе. А после выборов, возможно, он будет и вовсе первым!

– Что ты сказала? – Смеловский отцепился от моей шеи и закачался, как кобра на хвосте. – Инка, ты гений!

– Я это слышала много раз, – согласилась я, ожидая продолжения.

Макс достал из кармана мобильник, с третьего раза набрал нужный номер и приклеил трубку к уху.

– Кому звоним? – спросила я, немного беспокоясь.

– Тому, кто с моей неоценимой профессиональной помощью совершенно точно станет в нашем городе человеком номер один! – деловитой скороговоркой ответил Макс. – Алло, Василий Витальевич? Это Смеловский с телевидения. Я подумал и решил принять ваше предложение. Я согласен вас пиарить.

– Отлично! – довольно зарокотал в трубке густой бас. – Я очень рад, Максим! Вместе с вами мы победим!

– Давайте встретимся завтра и обсудим новую стратегию предвыборной кампании. Всего доброго! – сказал Макс.

Он выключил телефон, коварно улыбнулся и подмигнул мне припухшим от пьянства глазом:

– Ты поняла?

– Поняла, – я тоже хищно усмехнулась. – Ты сделаешь Голикова мэром...

– А он сделает Казанского трупом!

Макс подставил мне ладонь, мы звонко ударили по рукам и пошли к такси, которое уже призывало пассажиров нетерпеливыми гудками.

Гатьяна Луганцева

Новый год по заказу

Молодая и не сказать, что очень красивая, но слишком яркая женщина вошла в здание аптеки и сразу же направилась к окошку.

– Мне, пожалуйста, бинтов.

– Стерильных или нестерильных? – спросила девушка-продавец.

– Странно, что они бывают нестерильные... Еще бы спрашивали: «Вам чистый бинт или так, использованный?» Но мне-то поверх одежды надо наматывать, так что можно любых... нестерильных, – пояснила покупательница после небольшой заминки.

Молоденькая аптекарша, не скрывая интереса, окинула очень высокую и едва ли не костлявую фигуру клиентки любопытным взглядом. На вид женщине можно было дать лет двадцать семь – тридцать. А ее внешность... Длинные, прямые, белые волосы, большие, голубые глаза; короткая юбка и, напротив, высокие каблуки; яркие краски в одежде, кричащий макияж и целая ювелирная лавка украшений на шее, в ушах, на пальцах и на запястьях. Вид у покупательницы был цветущий, говоривший о том, что она вполне довольна жизнью, и становилось совершенно не понятно, для чего ей понадобилось наматывать на себя бинты.

– И сколько вам бинтов? – поинтересовалась продавщица.

– Много, – ответила женщина, явно нервничая и начиная терять терпение.

– Десять устроит?

– Давайте на всякий случай двадцать, – задумчиво бросила клиентка и достала красный лакированный кошелек.

Звали ее Яна Цветкова. Личность она была незаурядная и весьма неоднозначная. Но Яне было не занимать доброты и отзывчивости, если вдруг у кого-то случалась беда. Правда, придется честно сказать, что ее сочувствие к другим людям частенько оборачивалось для тех еще большими неприятностями.

– А вам нужен еще йод? Или, может, зеленка? – спросила удивленная девушка, скашивая глаза на вошедшего в аптеку мужчину с нагловатой улыбкой на красном лице.

– Нет, мне не нужны ни йод, ни зеленка, микстура от кашля и капли от насморка тоже не нужны, – ответила Яна, не понимая, почему она столько времени должна терять в аптеке, всего лишь покупая бинт.

А вот девушка-аптекарь никуда не торопилась и спокойно задала следующий вопрос:

– У вас есть карточка «Клюква»?

– Простите, что? – не поняла вопроса Яна.

– Карточка, на которую я зачисляю вам баллы за покупку.

– Нет, знаете, у меня нет никакой «Клюквы», – вздохнула Яна.

– А мне бы «клубничку»! – встрял в их разговор мужчина, смачно жуя жвачку.

– Овощной магазин рядом, – моментально отреагировала продавщица, и из ее слов можно было сделать вывод, что обслуживание клиентов по степени уважения к покупателям в аптеке было на высоте.

– Я имел в виду презервативы клубничные, – засмеялся мужчина, осматривая худую спину Яны.

– Стенд с презервативами рядом с вами, – ответила аптекарша, привыкшая к разным покупателям.

Она наконец-то пробила Яне бинты и аккуратно сложила их в пакет.

– С вас четыреста тридцать рублей. Чем будете...

– Только наличные! – сразу оборвала ее Яна и положила бумажку в пятьсот рублей на прилавок.

– Девушка, а вы мне не поможете примерить презервативы? – обратился мужчина к Яне. – Кажется, мне нужен размер икс-икс-эль... А еще можете попробовать на вкус клубничную оболочку.

Больше он ничего сказать не успел, так как Яна развернулась и что есть силы заехала ему ногой в остроносы туфельке в пах. Мужчина от боли даже не смог закричать, он просто позеленел, скрючился и осел на пол.

Яна спокойно взяла пакет с бинтами и сказала обомлевшей продавщице:

– А зеленку, йод и мазь Вишневского с моей сдачи отдайте этому господину!

А затем спокойно вышла из аптеки, громко цокая каблуками. Еще не спустившись на тротуар, она нажала на кнопку, отключая сигнализацию своего красного автомобиля марки «Пежо», стоявшего неподалеку. Кстати, Яна ни за что не хотела поменять его ни на какую другую машину, и ее подруга как-то раз даже заметила:

«Если бы твою привязанность к машине перенести на отношение к мужчинам, у тебя было бы гораздо

меньше проблем».

Яна Цветкова не воспринимала подобных инсинуаций в свой адрес всерьез. Ну подумаешь, что она четыре раза была замужем. Она же не виновата, что один муж спился, а другой стал уголовником. Зато третий и четвертый раз она выходила замуж за одного и того же человека, бизнесмена Ричарда, от которого родила сына. Яна долго добивалась его расположения, потом так же долго трепала ему и себе нервы, очень долго сопротивлялась вдруг нахлынувшему на нее нежному чувству к другому мужчине – красавцу, оказавшемуся вдобавок настоящим чешским князем. Будучи человеком прямолинейным и честным, она не стала «пудрить мозги» мужу, честно призналась ему, что любит другого, и ушла в свободное плавание. В данный момент Яна ходила в невестах у чешского князя Карла Штольберга, Ричард же не оставлял надежды вернуть любимую жену, а она просто не хотела больше никому сделать больно.

Яна уселась за руль автомобиля и подумала, что будет лучше, прямо сейчас ей обмотаться бинтами или сделать это рядом с больницей.

«Пожалуй, сейчас, а то еще засечет у больницы кто-нибудь...» – приняла она решение. А раз решение было принято, то сразу же она начала разрывать упаковки с бинтами и накручивать белые полоски прямо поверх одежды на своих руках и ногах, таким серпантинком то спускаясь вниз, то поднимаясь вверх. Процесс Яну так захватил, что вскоре она стала похожа на египетскую мумию. Но, посмотрев на свое цветущее лицо в ярком макияже, Цветкова поняла, что пока еще не очень убедительна в роли смертельно больной. Тогда она быстро вспомнила курс военно-полевой терапии, так как по образованию была врачом-стоматологом и заканчивала медицинскую академию, а затем соорудила на голове бинтовую повязку-шапочку. Теперь Яна осталась довольна своей внешностью, включила зажигание и нажала на педаль, трогаясь в путь.

Первые неприятности начались уже через пять минут ее лихой езды. Плотнo забинтованными руками было очень неудобно держать руль, а туго забинтованными ногами фактически с трудом удавалось нажимать на педали, нужные в данный момент. Руки и ноги немели, бинты собирались внизу жгутами и передавливали и вены, и артерии. Остановиться на трассе она уже не могла и ехала, уставившись в одну точку, сжимая затекшими руками руль. Какими безумными взглядами провожали перебинтованную женщину другие водители, ее не волновало. Зато не надо было прикидываться, что ей плохо, – сейчас у нее было такое лицо, словно она с множественными переломами находится на последней стадии родов. Кстати, ей на дороге сигналили опешившие водители, но бинтовая шапочка на голове спасала Цветкову от резких звуков.

«Знала бы, что на меня будут так реагировать, перебинтовалась бы все-таки у больницы, – подумала она. – Или купила бы заодно в аптеке беруши...»

Ну и зачем была нужна вся эта клоунада? О, чтобы получить ответ на столь естественный вопрос, надо знать тонкости необычного воображения госпожи Цветковой, которые не столь экзотические, как она, люди воспринимали банально, считая проявлениями не совсем здоровой психики. А все вообще-то очень просто: одна очень хорошая Янина приятельница, Галя Маркова, попала с серьезными переломами в одну очень серьезную больницу. Попастъ туда в качестве посетительницы оказалось фактически возможно только в строго отведенный день при предъявлении пропуска. Яну такое положение вещей, конечно, не устраивало, так как она была работающей женщиной и вообще весьма занятой особой, вот она и решила пойти другим путем... Отчего сейчас совершенно безалаберно рисковала своей жизнью в жутком «камуфляже».

Как она добралась до больницы, Яна помнила плохо, скорее всего на «автопилоте». Яна не могла не оценить те взгляды, которыми ее одарила служба охраны больницы: ей было не до чьих-то взглядов. Госпожа Цветкова поставила перед собой цель и шла к ней, не обращая внимания ни на что. А вот мужчины, узрев высоченную девицу на перебинтованных длинных, худых, словно макароны, ногах и размахивающую такими же макаронинами рук, в кокетливой бинтовой шапочке, с измученным лицом, но при полном параде и в боевой раскраске, немедленно выпучили глаза и потеряли дар речи.

«Не перестаралась ли я?» – заволновалась Яна, а вслух произнесла:

– Здравствуйте. Мне в травматологическое отделение.

– Кто бы сомневался... – протянул один из остолбеневших охранников. А затем добавил: – Приемное отделение во дворе.

– Вы издеваетесь? Меня ноги не держат! – взорвалась Яна, причем совершенно не покрывив при этом душой. – Какой еще двор? Пропустите меня!

– Но больные поступают в клинику через приемное отделение... – не очень уверенно заговорил второй охранник, к которому наконец вернулся голос.

– А я не больная! – гордо заявила Яна. – Разве не видно, что помощь мне уже оказали? Мне заведующий отделением Владимир Кузьмич сказал, что я могу приезжать на перевязки, – не моргнув

глазом, сообщила Яна, заранее узнавшая у подруги, как зовут ее врача, и смело оперируя его именем.

– Вы сами приезжаете на п-перевязки? – едва сглотнул ком в горле более молодой охранник.

– Да! У меня поражена большая часть туловища, я плохо соображаю, но у меня ответственная работа и большая семья! – Яна попыталась изобразить, будто она качает ребенка, решив дожать молодого, а потому наверняка менее опытного охранника. – Вот я и была вынуждена выйти на работу даже в таком состоянии.

Чтобы «добить» его окончательно, Яна неуклюже покрутила перед лицом охранника ключами от «Пежо».

– Вы с-сами за рулем? – продолжал удивляться парень.

– А кто ж за меня будет? Все сама! Сама работаю, сама рожаю, сама зарабатываю, сама езжу, – ответила Яна, которой уже реально становилось плохо.

– Проходите, – сдался парень, отступая в сторону.

Яна, вышагивая, словно на ходулях, прошла мимо, забыв на время о своей вихляющей бедрами сексуальной походке, и с трудом поковыляла к лифту. Поднявшись на третий этаж, она фактически поползла по стенке к палате, где должна была находиться ее подруга. Встретившаяся на пути медсестра ничего не спросила у нее, правда, чуть не выронила инструменты из рук, одарив Яну недоуменным взглядом.

«Точно, перестаралась, – поняла Цветкова. – Даже в реанимации народ выглядит лучше».

Яна ввалилась в палату номер триста восемь и упала на пол как подкошенная, стукнувшись о пахнущий хлоркой линолеум всеми частями своего тела. Причем она успела громко выругаться и прокричать: «Помогите, люди добрые!» И тут чьи-то сильные руки подняли ее со словами:

– Вот черт! Что у них тут, в травматологии, с ума все походили? Тяжелобольные люди по коридорам прогуливаются... Цветкова, ты?! Не может быть!

Яна посмотрела в темные, расширившиеся от удивления и даже от неподдельного ужаса глаза и поняла, что она, как говорится, попала. Она прекрасно знала эти глаза и еще лучше мужчину, которому они принадлежали. Со старшим следователем прокуратуры Всеволодом Николаевичем Лебедевым они уже встречались, и неоднократно. Яна проходила по некоторым его делам, как подозреваемая, а еще чаще как свидетель. Следователь, кстати, постоянно недоумевал, как можно быть свидетелем всех преступлений в его округе. Хотя, конечно, он немного утрировал. «Вы, Цветкова, похоже, сами организуете всякую пакость, а потом сидите, смотрите и наслаждаетесь. Мне осталось только доказать это», – иногда говорил он ей.

– Вы? – удивилась сейчас и Яна.

– Кто-то все-таки пересчитал тебе кости? Немудрено! – отметил следователь Лебедев.

– Снимите с меня бинты! – уже еле сдерживая стоны, попросила Яна.

– Что? А можно? Зачем?

– Сними, твою мать! – прокричала Яна, понимая, что еще немного, и ампутации конечностей ей не избежать.

Всеволод Николаевич, мужчина достаточно крепкий, являющийся, между прочим, ровесником госпожи Цветковой, аккуратно положил Яну обратно на пол и оцупал ее. Вернее, ее кисти.

– Ого! Да ты ледяная! – воскликнул он и достал складной перочинный ножик.

Она не почувствовала его прикосновения, и, если бы следователь решил ее сейчас убить или просто отрезать ей язык, Яну его намерение нисколько бы не удивило. Но Лебедев только аккуратно, насколько это возможно сделать довольно тупым лезвием, срезал с нее бинты.

– Вот черт! Цветкова, ты с ума меня сведешь. Зачем ты обмоталась бинтами?

– Что вы здесь делаете? – проигнорировала его вопрос Яна.

– Я беру показания у Галины Алексеевны Марковой, – ответил следователь.

– И я...

– Что?

– Она моя подруга... и я тоже здесь...

– Ты ненормальная, Цветкова! – возмутился Всеволод Николаевич. – У тебя же затекли все конечности! Да и голова, видимо, тоже. Причем давно.

– Я просто не подумала о том, что может получиться, – вяло пояснила Яна.

– Впрочем, как всегда, – вздохнул следователь.

– Яночка... – Наконец-то до ушей псевдобольной (хотя сейчас уже почти по-настоящему больной) донесся приглушенный шепот. Голос был знакомым.

Цветкова повернула голову и сквозь пелену боли увидела лежащую на кровати Галину Маркову. У подруги имелись множественные переломы – позвоночника, бедренной кости, пяточной кости, трех ребер,

ключицы и локтя, а также трещины таза и ушибы внутренних органов. Но, несмотря на это, выглядела Галя много лучше Яны, и даже бинтов на ней наблюдалось гораздо в меньшем количестве по сравнению с теми, которыми она щедро себя обмотала, стремясь добраться до Марковой.

– Я не чувствую ни ног, ни рук, – обреченно вздохнула Яна, видя, что наконец-то ее добровольные путы благополучно сняты.

– Лучше бы ты голову потеряла! – в сердцах ответил Лебедев, энергично разминая ей руки и ноги. И мечтательно добавил: – Вот сдать бы тебя куда следует хотя бы суток на пятнадцать...

– За что?

– За выдумку!

– Так за нее хвалить надо, – возразила Яна, морщась. – Боже, как мне больно! Тысячи иголок вонзились и в мышцы, и в кости!

– Терпи, – уже более благодушно произнес Всеволод Николаевич, совершенно бесплатно разминая руки и ноги Яны, все так же лежавшей на полу палаты и тихонько подвывавшей от боли в затекших мышцах.

– Яна, что с тобой? – снова подала голос Галя, вытягивая шею. – Тебя что, избили?

– Откуда такие мысли? Я просто шла к тебе и немного... перестаралась. Подумаешь!

– Между прочим, твое «просто шла» называется незаконным проникновением в больницу, – вздохнув, прокомментировал следователь.

– Вот всегда вы, следователи, в самом честном намерении найдете криминал! Вечно роете, копаете... – возмутилась Яна. – Я навестить подругу пришла! Откуда я могла знать, что вы уже здесь!

– И хорошо, что здесь именно я, а не кто-нибудь другой, – возразил Всеволод Николаевич.

Наконец-то Яна смогла встать... хотя бы на четвереньки. И тут же, воспользовавшись вернувшейся возможностью двигаться, подползла к Галине, лежащей в гипсе на специальной кровати.

– Галка, когда ты мне позвонила, что попала в травму, я чуть с ума не сошла! Что случилось? Ой, да тебя словно танк переехал! Как-то ты хреновато выглядишь, прямо скажем.

– Ты тоже как-то не очень, – честно ответила ей Галя и покосилась на Лебедева. – Вот ко мне и следователь пришел...

– Да ладно, свои люди! – махнула рукой Яна. – Можешь говорить при нем.

– Правда? – удивился следователь. – Спасибо, что разрешила. Вообще-то я могу тебя сейчас выгнать с преспокойной совестью.

– Ну вы же этого не сделаете? Я, рискуя жизнью, попала к подруге... – заискивающе посмотрела на следователя своими большими голубыми глазами Яна.

– Зная тебя, Цветкова, я думаю, что легче тебя тут оставить, чем удалить.

– Аллилуйя! – обрадовалась Яна, но вдруг ее лицо стало серьезным и сосредоточенным. – Постойте-ка! А что вы здесь делаете-то? Вы же следователь прокуратуры. Галя, с тобой случилось что-то криминальное?!

– Наконец-то дошло, – вздохнула Галина и закатила глаза к потолку. – Собственно, я и не знаю, что со мной произошло. Кому расскажи – засмеют. Вот если бы с тобой такое случилось, то тогда другое дело...

– Нормально! – воскликнула Яна. – Я вам что, клоун? Значит, со мной если что-то несурзное происходит – то это нормально, а вот с тобой ничего случиться не могло! – Возмущению Яны не было предела. Она даже поднялась на ноги и уселась на край кровати Гали.

Потерпевшая поморщилась.

– Больно? – забеспокоилась Яна.

– Да ничего. Слушай, сними ты с себя идиотскую шапочку из бинтов, а... Она тебе не идет, – сказала Галина.

Яна подчинилась, одновременно радуясь тому, что хоть мозги у нее не отекли. Она по-прежнему ими вполне ясно все соображала.

– Ну? – задали Цветкова со следователем один и тот же вопрос и недовольно переглянулись.

– Сейчас расскажу, – примирительно сказала Галина. – В последнее время у меня не ладилось на работе. Да и с личной жизнью тоже... Знаешь моего Борьку? – обратилась она к Яне.

– Видела пару раз...

– Так вот разругалась я с ним, паразитом, в пух и прах. Шла потом по улице в совершенно расстроенном состоянии, и вдруг подбегает ко мне парнишка. И тоже так расстроено и вполне искренне говорит, что его девушка не пришла к нему на свидание, а значит, пропадают билеты в цирк...

– Куда? – не выдержала и уточнила Яна.

– В цирк, – повторила Галина, прокашлявшись. – А что? Парень девушку пригласил на свидание в цирк... Очень клево.

– А ты-то тут при чем? – спросила Яна.

– Цветкова, не ты ведешь допрос! – решил напомнить о своем присутствии следователь, что-то набрасывая у себя в блокноте.

– А что, я разве не то спрашиваю? – обиделась Яна, съедая с тумбочки Галины очищенный мандарин.

Прекратила их перепалку Галя, гневно бросив на Яну красноречивый взгляд и пояснив:

– Просто тот парень увидел, что я тоже иду растерянная и какая-то потерянная, и почувствовал, что мы с ним находимся на одной волне разочарования. Он и предложил мне пойти с ним в цирк. А что, меня нельзя в цирк пригласить? – повторила она взволновавший ее вопрос.

– Да, конечно, можно, успокойся! Только пригласили-то тебя в цирк, а лежишь-то ты в травме. Непонятка вышла! – съязвила Яна, отправляя в рот второй мандарин.

– Тебе не кажется, Цветкова, что вообще-то пациентам приносят гостинцы, а не съедают у них еду... – заметил, проследив за фруктом взглядом, Всеволод Николаевич.

– А в чем вопрос? Я сильно торопилась и не пообедала. Придумала: сейчас закажем пиццу и поедем хоть нормально!

– С ума сошла? В травму заказать пиццу?! Ты бы ее еще в реанимацию заказала! – воскликнула Галя.

– Да что тут такого? Ты ведь не с желудком лежишь, не на диете, – отмахнулась Яна и, достав свой сотовый, немедленно выполнила задуманное под печальным взглядом следователя. Под конец телефонного разговора она еще зачем-то наврала, что у нее здесь знакомые охранники, которые, если надо будет, и Деда Мороза пропустят.

– Ну слушайте дальше. Сейчас я объясню, почему я здесь оказалась, – опять вздохнула Галя.

Надо сказать, что она была достаточно грузной женщиной с короткими ярко-рыжими волосами, которые в данный момент находились в художественном беспорядке. Полные ее щеки были бледными, глаза без косметики выглядели больными, а губы оказались разбитыми, припухшими, с засохшей кровавой корочкой.

– В общем, я на предложение парня согласилась... сама не знаю почему. В тот день у меня все шло наперекосяк, я сама на себя была не похожа и не совсем понимала, что делаю.

– Ты хотела развеяться? – предположила Яна.

– Можно и так сказать... Я подумала, что если не развеюсь в цирке, то могу заплакать, а в мои года реветь на улице уже как-то несерьезно. Мы с тем парнем...

– Как его звали? – спросил следователь.

– Представился он Женей. Даже сказал так: «Можешь называть меня Жекой».

– Кличка какая-то... – пробубнила Яна.

– Я, конечно, называла его Женей, – согласилась с Яной ее подруга.

– Как он выглядел? – снова задал вопрос следователь.

– Честно скажу: не очень помню. Вроде молодой... То есть я непроизвольно подумала, что он младше меня. Худей меня – это точно. Волосы светлее, чем у меня...

– Вы его все время с собой сравнивали? – перебил Галину Всеволод Николаевич.

– А вы что, не понимаете? Тоже мне, рентген женских душ! – усмехнулась Яна. – Это означает, что парень понравился Галке как парень, как мужчина!

Галина покраснела.

– Просто Борька сильно меня расстроил.

– Понятно, понятно! – кивнула Яна. – Только выходит, что ты не можешь сказать о твоём Жене ничего определенного.

– Так ведь не было у него никаких особых примет. И вообще вроде ничего особенного. Просто он располагал к общению... И потом, я же еще головой стукнулась, может, чего и забыла.

– Рост, цвет глаз, волос?

– Вроде с меня... может, ниже... или выше... – Галя задумалась.

– В общем, без вариантов, – вздохнула Яна, – о фотороботе придется забыть.

Следователь хмыкнул и спросил:

– Что же произошло дальше?

– А дальше был цирк с его особой атмосферой, жонглеры, дрессированные животные, воздушные гимнасты... – Галина вдруг содрогнулась и замолчала.

– Клоуны, – добавила за нее Яна.

– Вот про клоунов не надо! С них все и началось! – воскликнула Галя, нервно елозя рукой в гипсе по одеялу.

– Так сильно рассмешили, что ты упала с верха лестницы и переломала все кости? – уточнила Яна под

весьма строгим взглядом следователя.

– Не смейся меня, Яна, – хохотнула Галя и поморщилась. – Один из клоунов пристал ко мне.

– В смысле? – перебил следователь.

– Ну как обычно пристают к зрителям – чтобы я поучаствовала в номере.

– «Подсадная утка», – догадалась Яна.

– Сама ты – утка! Утка у меня под кроватью теперь, – огрызнулась Галина. – Я, конечно, сопротивлялась, не понимала, почему из всех зрителей он выбрал именно меня. Грешила на яркий цвет своих волос. Но зрители аплодировали, и он, то есть клоун, меня сильно тащил, и я сдалась... Дальше помню как в тумане: арена, бьющий в глаза свет, смех, аплодисменты... Что делали клоуны, отчего зрители так смеялись, ничего не видела. Очень растерялась.

– Представляю тебя на арене... – протянула Яна.

– Ага, как дура там торчала! Все решили, что я работаю вместе с этими двумя клоунами. А потом я внезапно взлетела вверх... под купол цирка...

У Яны даже рот открылся от удивления.

– Я испытала шок... Хотя нет, даже это слово не передает того, что я испытала. Я думала, что сейчас умру, что вылечу за пределы купола цирка... Ведь я даже не заметила, как паразиты-клоуны пристегнули ко мне трос, чтобы я взвилась над трибунами! А думала я тогда о том, что любой из зрителей в цирке может заглянуть под мою развевающуюся юбку и оценить цвет и фактуру моего нижнего белья. А так как девочка я немелкая, то и белье у меня соответствующего размера, несколько пугающего нормальных людей. И если учесть, что в цирке много маленьких детей... – Галина проглотила ком в горле и перевела дух. – Как они надо мной смеялись! Просто толстая рыжая тетя, летающая под куполом цирка под улюлюканье клоунов... Ну, а дальше... Дальше я действительно полетела. Только не вверх, а вниз, причем стремительно и бесповоротно! Потом удар, осознание того, что звук этого удара произвело мое собственное тело, жуткая боль и все... темнота...

– Сорвалась... – выдохнула Яна.

– Трос был испорчен, – сказал свое веское слово Всеволод Николаевич.

– Вот вы почему здесь! – наконец-то догадалась Яна.

– Мало того... клоуны, то есть артисты цирка, задержаны и дают весьма сбивчивые показания.

– А что они могут показывать? Столько свидетелей! – возмутилась Яна. – Весь цирк видел, как они подвязали к женщине испорченный трос, подняли ее в воздух и грохнули об арену!

– Так-то оно так, но клоуны утверждают, будто не знали, что трос испорчен, у них номер вроде уже отработан. На том месте, где оказалась Галина, всегда сидела «подсадная утка», причем люди иногда менялись, клоуны их личность не отслеживали. «Утке» платили денежку, вводили ее в курс дела, и все. Они, мол, и решили, что эта женщина в курсе всего. Еще обратили внимание, что она хорошо играет, то есть убедительно сопротивляется.

– Да... – протянула Яна и шарахнула подругу по гипсу. – Так ты в рубашке родилась! Упасть с такой высоты и остаться живой!

– Что да, то да. И врачи то же самое сказали. Вся, конечно, переломалась, но кости заживут... Главное, что полностью излечилась от депрессии после ссоры с Борькой. Все проблемы отошли на второй план.

– Правильно говорят: хочешь узнать, откуда выделяется адреналин, – прыгни с парашютом, – согласилась с ней Яна, стараясь не обращать внимания на взгляды, которыми ее одаривал следователь.

– Если бы я тебя так долго не знала, то наверняка бы обиделась, – тяжело вздохнула Галя и пошевелила кончиками пальцев.

Дверь палаты распахнулась, и вошел высокий, весьма симпатичный мужчина с пронизывающим взглядом ярко-синих глаз. Первым делом он посмотрел на следователя.

– Всеволод Николаевич, а вам не пора? Ваш час для допроса давно закончился!

– Да, сейчас ухожу. Еще пять минут.

– А вы кто? – обратился мужчина к Яне.

– Я? – удивилась Яна, переминаясь с ноги на ногу и не находя, что сказать.

– Моя ассистентка, – нашелся за нее следователь, сохраняя непроницаемое выражение лица.

– Ассистентка?

– Она ведет запись допроса.

– Понимаю, – почему-то улыбнулся доктор. И тут его брови поползли вверх. – Откуда здесь столько бинтов? Господи, да что же это такое?

– Это с меня, – отозвалась Яна, решив пояснить. – Просто я думала, что мне плохо, вот и обмоталась... но оказалось, что все хорошо...

У мужчины стало такое лицо, словно он чего-то недопонимает в своей профессии. Или выбрал не ту специализацию.

– Пять минут, – бросил он затравленный взгляд на Яну и отступил к двери.

– Мой лечащий врач, – прошептала, поясняя, Галя.

– Доктор! А с Галиной все будет хорошо? – спросила Яна.

– В таких случаях мы, медики, говорим, что если пациент сразу не помер, то жить будет. Шутка! – ответил мужчина и скрылся за дверью. Сразу запахло хлоркой – видимо, коридор только что помыли с этим лучшим на все времена средством дезинфекции.

– Ну а где же наш Женя? – поинтересовалась Яна, не упустившая основную нить разговора с потерпевшей.

– Вот мы его тоже ищем, – откликнулся следователь.

– А я не сказала? – вернулась к теме беседы и Галя.

– Нет.

– Понимаете, парень сразу же исчез в толпе, как только мы вошли в цирк. Я заняла свое место и сначала его ждала, думая, что он задержался в буфете или забежал в туалет. Потом поняла, что он не придет, увлеклась представлением и забыла о нем. Ну а уж когда на арене появились клоуны, мне стало и вовсе не до него, честное слово, – пояснила Галина.

В палату снова заглянул лечащий врач чудом выжившей пациентки.

– Сейчас уходим, – сразу же откликнулся следователь.

– Да я... тут вот... пиццу принесли... – совершенно растерянно произнес он, почему-то опять глядя на Яну.

– Да, да, это мне, – подтвердила она и, подойдя к врачу, взяла у него коробку с пиццей. – Спасибо!

– А...

– Скоро уйдем, – перебила она врача и, послав ему воздушный поцелуй, закрыла дверь палаты.

– Наглая ты, Цветкова, – не удержался от комментария следователь. – И мужчины тебя боятся. Или слушаются, уж не знаю...

– Скорее просто не связываются с ней, – ответила за Яну Галя, жадно смотря на большую картонную коробку в цветах итальянского флага.

– Поговорите мне еще... – нахмурилась Яна, открывая коробку и вдыхая аромат горячей пиццы. – Люблю эту фирму! Не скупятся на количество и следят за качеством начинки.

– Ты покормишь меня? – жалостно попросила Галина.

– Конечно, Галка! – Яна начала кромсать пиццу и предложила сочный кусок Всеволоду Николаевичу.

– И что вы думаете обо всем об этом? – спросила она у следователя.

– Есть одна версия... – задумался тот.

– Надеюсь, поделитесь с нами. Думаю, что Галина своими страданиями заслужила знать, за какие такие прегрешения она чуть не рассталась с жизнью, – заметила Яна.

– Хитрая ты, Яна... Да ладно, скажу. Мы проверили данные на всех «подсадных уток» и заинтересовались одним «кадром»... Бывший артист цирка, уволенный за аморальное поведение и спившийся, вернулся в цирк, но уже в качестве «подсадной утки» – он пытался снова устроиться в труппу, но бесполезно. Кстати, повысить плату за поднятие под купол ему тоже отказали, сказав, что роль подставы может сыграть любой человек. И вот он, разозлившись, решил наказать руководство цирка и подставить другого, неопытного человека. Чтобы доказать, что не так-то и просто летать на тросе черт знает на какой высоте. А потом в его извращенном воображении и пропитом уме возник более коварный план. Он подпортил трос, чтобы произошел несчастный случай, что уронит репутацию цирка и ударит по карману дирекции. Ведь родственники погибшей наверняка подадут в суд и потребуют компенсации, – сообщил следователь.

– Какой ужас! – прошептала потрясенная Яна. – Человек и правда ненормальный! Убить другого, абсолютно невинного, ради своей мести...

– И не повезло именно мне, – в очередной раз вздохнула Галина, облизывая губы после куска пиццы.

– Что делать? От судьбы, как говорят, не уйдешь... – Следователь полез в папку с документами. – Не узнаете? Мы подозреваем именно его... Только зовут его не Женя, а Кристиан Лавров.

– Он мог представиться любым именем, – отмахнулась Яна.

Галя внимательно всмотрелась в фотографию.

– Может, и он... А другие фотографии есть?

– У других алиби. Смотрите внимательно.

– Может, он... – все так же неуверенно произнесла Галя.

– Может или он? – допытывался следователь.

– На сто процентов не скажу, а процентов на восемьдесят – он, – честно ответила Галя.

– Понятно. Надеюсь, когда мы его возьмем, вы будете более уверенной при опознании, – убрал фотографию Всеволод Николаевич.

Они поговорили еще немного о жизни вообще, и наконец гости собрались уходить. Яна сложила свои бинты в пустую коробку из-под пиццы и подошла к Гале поцеловать ее на прощание.

– Ладно, притомили мы тебя, отдохай уже.

– Спасибо, что навестила. Когда ты приходишь, все превращается в праздник. Как в рекламе.

– Зайду еще, устроим Новый год! – пообещала Яна.

– Возьми в тумбочке ключи от моей квартиры. Сходи, пожалуйста, ко мне и принеси кое-какие вещи, – попросила Галина. – Список там же, в тумбочке.

Яна достала связку и листок бумаги и пообещала подруге прийти к ней с вещами и гостинцами как можно скорее. Затем Цветкова и следователь Лебедев покинули больницу. Выглядели они при этом, как Слон и Моська, как огонь и лед, а не как сотрудник следственных органов с ассистенткой.

– Вас подвезти? – любезно предложила Яна.

– У меня служебная «девятка», – ответил Всеволод Николаевич.

– Ого! Поздравляю!

– Не с чем...

– Не кажется ли вам, что в Галином деле не все так гладко? – спросила Яна, осматриваясь.

Следователь хмыкнул.

– Сериалов криминальных насмотрелась? Говоришь прямо как там... Не выдумывай, Цветкова! Раз я позволил тебе остаться при допросе, то скорее всего это говорит только об одном – все ясно как божий день.

Словно в подтверждение его слов, на сотовый Всеволода Николаевича поступил вызов.

– Алло? Да? Да! Еду! – вот фактически все слова, которые произнес следователь перед тем, как выключить телефон.

– Ну все, Цветкова, наши пути-дорожки расходятся. Радуйся за подружку, что та осталась жива. А скоро, похоже, она будет и отомщена – я еду на задержание Кристиана Лаврова. Его выследили и сейчас возьмут.

– Можно я с вами? – загорелась Яна.

– Нет! – сразу же бескомпромиссно заявил следователь и поспешил к своей машине.

Яна вздохнула. Сначала она хотела проследить за ним на своем «Пежо», но потом махнула рукой и поехала к Галине домой, чтобы сразу же забрать ее вещи и привезти их в больницу, чтобы хоть немного порадовать покалеченную подружку.

Жила Галина в обычном девятиэтажном блочном доме на втором этаже. Подъехав к нему и припарковав машину, Яна поздоровалась с местными бабульками, сидевшими на лавке возле подъезда, что делала всегда и везде, дабы на всякий случай расположить к себе самую благодарную дворовую публику.

В квартире Галины ее ждал сюрприз, а именно: сильно накрашенная блондинка, перед которой Яна очутилась, едва переступив порог и держа в руках ключи от квартиры.

Смущены были обе.

– Здравсте... мне ключи дала Галя... – начала объяснять свое появление на чужой территории Яна.

– Здравствуйте, – кивнула девушка. – А я Надя... подруга Бориса, ну... мужа Галины. Мы с ней лично не знакомы, и, я думаю, не стоит расстраивать Галю...

– Интересненько... – разозлилась Яна. – А поселившись здесь, пока Галя находится фактически при смерти, ты не думала о ней? Мне надо забрать кое-какие вещи Гали.

– Пожалуйста, пожалуйста... – засуетилась девушка, – мне ничего не надо... Боря впал в такое состояние, что мне было просто необходимо поддержать его...

Яна металась по квартире, с трудом фокусируя периодически взгляд на списке у нее в руках, дрожащих от гнева, и на вещах, которые она должна была найти. «Вот ведь мужики сволочи! Жена в больнице с такими переломами, а он уже любовницу привел домой... Поддержать его, оказывается, надо было... Кто вот Галю теперь поддержит?» – думала Яна.

– Может, чайку или кофейку? – переминалась с ноги на ногу Надя.

– Нет уж, спасибо. Я в ванную?

– Куда угодно! – любезно разрешила Надежда.

– Спасибо! – нарочно громко ответила Яна.

– Вы сердитесь на меня? Я понимаю... Только я ни в чем не виновата, у Бори с Галей давно плохие

отношения, и я тут ни при чем.

– Конечно! Ярко покрашенные смазливые дурочки всегда ни при чем. Про давно и про плохие отношения тебе Боря сказал? А с Галиной ты разговаривала? Они, между прочим, всегда жили хорошо... до недавнего времени, пока на горизонте не появилась ты, видимо...

Яне было неприятно находиться в обществе девицы, и она хотела поскорее уйти.

– Так... Еще Галя просила принести копию полиса... она среди документов... в секретере...

– Это здесь! – указала Надя, продемонстрировав, как хорошо она ориентируется в чужой квартире.

Яна судорожно рылась в бумагах. Внезапно спина ее напряглась.

– Что? Что-то случилось? – спросила Надя, дышащая ей в затылок.

– Нет... все хорошо... теперь хорошо... А где Борис?

– Я не знаю, он не говорил. Может, на работе? – пожала плечами Надя.

– Все на своих местах... – отрешенно ответила Яна.

– Кто?

– Все и всё! Я срочно должна бежать! Немедленно, выпустите меня! – закричала Яна.

– Дверь открыта...

Яна в два скачка пересекла пространство и кинулась вниз по лестнице.

Эпилог

Охранники в больнице еще не успели смениться, когда снова с удивлением увидели Яну. Теперь уже, естественно, в ее натуральном виде, без бинтов.

– Умоляю, пропустите меня! – кинулась к ним бывшая египетская мумия.

– Но это не положено, – снова вступил с ней в разговор молодой охранник.

– Вопрос жизни и смерти! Я очень вас прошу! – продолжала канючить Яна.

– В прошлый раз нас ругали из-за вас.

– Я, как мышка, тихонько!

– В прошлый раз, говорят, вы еще и пиццу заказали, – не сдавался охранник, стараясь не смотреть в умоляющие глаза Яны, чтобы не дрогнуть.

– На сей раз я не буду ничего заказывать, честное слово! Никто и не узнает! Хотя... Знаете что? А давайте я закажу пиццу вам! Точно! У вас впереди длинное и тяжелое дежурство, никто и не узнает!

– Не положено, – уже не очень уверенно ответил охранник.

– А это моя благодарность! Вы тут ни при чем! – заявила Яна немедленно, достала свой сотовый, позвонила в пиццерию и заказала пиццу. Причем добавила, чтобы дополнительно положили ароматных помидоров и хрустящих шампиньонов.

Охранники слушали ее как замороженные.

– Вы в прошлый раз были вся в бинтах... – высказал все-таки один из них то, что беспокоило, наверное, обоих.

– А мне уже значительно лучше, – безмятежно ответила Яна.

– Ну, хорошо, проходите, – безнадежно махнул рукой молодой охранник.

Яна застучала каблуками по коридору, а пожилой охранник «подколол» молодого:

– Ох, кажется, вскружила тебе голову эта дамочка!

Яна пронеслась по лестнице и по отделению с таким видом, что ее никто не посмел остановить. Скорее всего, сотрудники решили, что в больнице или проверка, или новый директор. А Цветкова решительно вошла в палату Гали и увидела подругу, лежащую в той же позе, в которой она лежала раньше, так как в ее ситуации менять позы она и не могла.

Рядом с ней сидел лечащий врач. Вернее, Яна решила так в первый момент, так как мужчина был в белом халате. Но, когда он обернулся на звук хлопнувшей двери, Яна узнала мужа Галины, Бориса. Она могла голову дать на отсечение, что в его глазах мелькнул страх.

Это был высокий и какой-то нескладный мужчина с бледным лицом и безвольной нижней челюстью со скошенным подбородком. Зато у него была роскошная шевелюра темных волос и большие, завораживающие женщин глаза. Когда-то и не пользовавшаяся особым мужским вниманием Галя попала на удочку его многообещающего взгляда. В итоге она получила мужа-иждивенца, полностью жившего за ее счет, в ее квартире и ездившего на ее машине. Нельзя сказать, что Галя этого не понимала или ее такая ситуация полностью устраивала, но и расстаться с Борей у нее не хватало духа.

– Яна?! – обрадовалась и удивилась Галя. – Думала, сегодня уже тебя не увижу.

– Да я и сама так думала, но теперь не жалею, что приехала, – ответила Яна, глядя на Бориса.
– Проходи! Ко мне пришел мой муж Борис, мы помирились, – сказала Галя.
– Твоя подруга – выскочка, сующая нос куда не следует? – расплылся в улыбке Борис.
– Боря! – одернула его Галя.
– Да, это я! – Яна подошла к мужчине, глядя прямо в его наглые глаза. – И я бы на твоём месте прямо сейчас свалила отсюда! И больше никогда не приближалась к Гале на близкое расстояние!
– Да что ты? А иначе что будет? – усмехнулся тот.
– Что происходит? – заволновалась Галина. – Яна, мы помирились... Боря принес дорогое шампанское...
– Надеюсь, ты не пила его? – взволнованно поинтересовалась Яна.
– Нет еще... мы не успели... А что случилось?
– Шампанское... Хорошо придумано! Думаю, он пришел уже с открытой бутылкой? – спросила Яна, не отрывая взгляда от Бориса.
– Да. Борис сказал, что ему его открыли в буфете, – ответила Галя.
– Конечно, он не медик и сделать тебе внутривенную инъекцию яда не может, лучше отравить так...
– Что? – выдохнула Галя, побледнев.
– Да что ты ее слушаешь? Она же не в себе! – воскликнул Борис.
– Нет, постой. Пусть Яна объяснит, что она имеет в виду, – упрямо жала губы Галя.
– Ах ты, выскочка! – Борис вдруг побагровел и накинулся на Яну. Он быстро подмял под себя худое тело Цветковой и принялся ее душить...
Яна потом очень сожалела, что в самый ответственный момент у нее потемнело в глазах, и поэтому она не увидела, как в палату ворвался Всеволод Николаевич Лебедев со своими парнями и как трое скрутили мужа Галины.

– Вот не знаю, Цветкова, правильно ли я поступил для общества, оторвав мужика от тебя, пока он тебя не придушил окончательно? Может, стоило еще немного подождать? – ухмыльнулся Всеволод Николаевич, подливая Яне теплого чая из термоса.

– Очень смешно... – прохрипела она, лежащая на соседней с Галиной койке с опухшей шеей и кровоподтеком под глазом.

– А ведь у меня была мысль придушить тебя лично, когда ты позвонила мне и сказала, что едешь в больницу брать преступника. Больше всего меня, конечно, впечатлила фраза «брать преступника».

– Так ведь и взяла! – откликнулась Яна, стараясь не смотреть на убитую горем, ужасом и разочарованием подругу.

– Ага! На живца! А, кстати, можешь пояснить, как тебе все это пришло в голову? – спросил следователь, вполне миролюбиво глядя на Яну, несмотря на нелестные отзывы о ее бурной деятельности.

Яна прокашлялась, поудобнее устроилась на подушках, отняла лед от глаза и принялась рассказывать:

– Вы сразу пошли по неверному пути. Конечно, можно было подозревать Кристиана Лаврова в том, что он решил развести цирк на деньги, устроив несчастный случай. Но, согласитесь, несколько странный способ! Нет же ведь никакой гарантии, что встреченный на улице человек пошел бы с ним в цирк. У меня сразу сложилось впечатление, что Галя оказалась там не случайно, что всю сценку с приглашением разыграли именно для нее. Только надо было знать ее, какими словами ее уговорить, что она пойдет той дорогой, что она вообще очень любит цирк и давно там не была. Кто это мог знать? Ее любимый муженек, без сомнения. Более того, он специально рассорился с ней! Галя ведь так и сказала: без причины. Рассорился, чтобы она шла в плохом настроении и точно согласилась на развлечение. И сработало!

– Борис и правда не так давно выяснял, люблю ли я цирк, – подала голос Маркова.

Яна кивнула.

– Вот именно! Все так и закручивалось, чтобы ее убить. Кому смерть Галины была выгодна? Муженьку-бездельнику, женившемуся не на ней, а на ее квартире и деньгах. Извини, Галя, ты и сама догадывалась об этом. В общем, я не стала возражать против вас, Всеволод Николаевич, и чтобы не быть голословной, поехала к Гале на квартиру, желая найти хоть какую-нибудь зацепку.

– Ну? – в один голос поторопили Яну Галя и Лебедев.

– В документах я нашла обоюдное завещание супругов – все имущество в случае кончины кого-то из них достанется оставшемуся в живых из-за отсутствия детей.

– Борис их не хотел... – прокомментировала Галина, у которой от напряжения даже пот выступил на лбу.

– Он же и вступил в сговор с тем циркачом, «подставной уткой»... – сделал свой комментарий и

следователь. – Мы еще выясним, как они нашли друг друга!

– Конечно! Один Боря не мог бы все устроить. Но именно он спланировал и заказал «несчастный случай» в цирке, а Кристиан Лавров был исполнителем.

– Мы не взяли его... он исчез... – сокрушенно произнесследователь.

– Хм, исчез... Взять его легче легкого! Он щеголяет в женской одежде и блондинистом парике в квартире Гали. Я с ним даже говорила, но не подала вида, будто что-то заподозрила, – беспечно сообщила Яна. – Отправляйтесь туда и берите тепленького.

– Да как же? Да что же? Что же ты молчишь? – побагровел Всеволод Николаевич. И тут же дал соответствующие указания по телефону.

– Чтобы я поверила, что женщина в домашнем халате носит такой макияж? – продолжала Яна. – Чтобы я не отличила настоящие волосы от искусственных? А уж пузырек в ванной с жидкостью для снятия профессионального грима можно было бы и спрятать!

– Ты гений, Яна! Ты спасла меня! – с чувством проговорила Галя.

– Ну не надо преувеличивать, – засмуцалась виновница торжества. – Если бы не Всеволод Николаевич с его молодцами, так вовремя тут оказавшийся, твой гад-муженек точно бы меня прикончил!

– Это было ужасно! На моих глазах душат мою подругу, а я ничем не могу ей помочь... – удрученно согласилась Галя.

– А в бутылочке с шампанским вы явно найдете яд. Я так и поняла, что он придет доделывать свое черное дело в больницу, – заявила Яна, победно посмотрев на Всеволода Николаевича.

И тот с сочувствием взглянул на сине-багровые пятна на ее шее.

– Мы бы и раньше ворвались, но там два каких-то идиота на входе требовали с нас пиццу с грибами. Я им удостоверение показываю, а они про пиццу талдычат... Совсем с ума посходили... А знаешь что, Цветкова? Тебе бы к нам, в органы. Тебе б цены не было!

– Ну уж нет... Вы расследуете преступления по призванию, а я так... по наитию, – ухмыльнулась Яна и удобно откинулась на подушки, наслаждаясь чувством глубокого удовлетворения.

Гатьяна Полякова

Честное имя

Женька вдруг замолчала на середине фразы, хмуро глядя перед собой, а потом буркнула:

– Опять этот тип.

Я повернула голову, пытаюсь понять, кто действует на подругу столь раздражающе, и никого не увидела. Никого примечательного, я имею в виду.

Мы сидели в кафе. По причине жары два окна были распахнуты настежь, с десяток столиков вынесли на тротуар, там народ и предпочитал устраиваться, так что в небольшом зале было малоллюдно: компания из шести девушек, им, как и нам, не досталось места на улице, и парень. Он устроился напротив барной стойки, сидел и смотрел в пространство, точно у него большое горе. На вид ему было лет двадцать пять, темные волосы, узкое лицо с довольно длинным носом и пухлые губы. На первый взгляд ничего особенного. Впрочем, как и на второй. Непонятно, чем он мог заинтересовать Женьку.

– Что за тип? – проявила я любопытство.

– Кто его знает. Пятый день мне глаза мозолит.

– Он что, преследует тебя? – забеспокоилась я. Теперь внешность парня казалась мне подозрительной и даже зловещей.

– Не смейся. Просто сидит здесь каждый день. Я на него внимание обратила еще на прошлой неделе.

– Ну и что? – нахмурилась я. – Нравится здесь человеку, вот и сидит. Ты сама сюда каждый день заходишь.

– Правильно. Вон напротив офис родной газеты, перешел дорогу – и тут. Очень удобное место для встреч.

– Так, может, и он где-то рядом работает. Или живет.

– Живет – вряд ли. Где ты здесь видишь жилые дома? А работает... может, и работает. Только непохоже. Сидит по полдня совершенно один, с чашкой кофе. Это нормально?

Я пожала плечами.

– Допустим, он просто бездельник, ну и что?

– Ничего, – отмахнулась Женька. – Он садится всегда напротив бара и смотрит перед собой. Может, надумал Михалыча ограбить?

Михалычем звали хозяина кафе, то есть звали его Сергеем Михайловичем, но постоянные посетители предпочитали обходиться без имени, на что он никогда не обижался. Среднего роста, худой, подвижный, всегда улыбчивый старик у посетителей вызывал ответную улыбку, любил с ними поболтать, стоя за барной стойкой, сам их обслуживал и всех помнил по именам. Кроме него были еще три официантки, и взять на работу бармена Михалыч мог себе позволить, но не хотел. И правильно. Его присутствие, безусловно, шло заведению на пользу. Вокруг пруд пруди всяких кафе, но только здесь практически всегда был аншлаг.

– Не болтай глупости, – призвала я Женьку к порядку. – Собираясь кого-то ограбить, ведут себя иначе.

– Ага, – хмыкнула она. – Ты у нас большой знаток.

Еще раз взглянув в сторону бара, Михалыча я не увидела, подошедшего посетителя обслуживала женщина лет тридцати в белой блузке.

– По-моему, Михалыча он тоже достал, – добавила Женька. Я пожала плечами и попыталась вернуть ее к прежней теме, которая занимала меня куда больше парня с унылой физиономией. А обсуждали мы с Женькой сюжет очередной книги.

Дело в том, что я пишу детективы, и мне очень хотелось услышать мнение подруги о придуманной мною истории. В общем, мы разговорились и забыли о парне, по крайней мере, я-то уж точно. Впрочем, и подружка в его сторону больше не косилась.

Минут через двадцать я направилась в туалет и, проходя мимо парня, взглянула в его сторону. Теперь он показался мне старше, физиономия и впрямь была унылая. «Должно быть, страдает от неразделенной любви», – решила я, а когда возвращалась назад, с удивлением обнаружила его не за столом, где он сидел раньше, а возле стойки, он о чем-то тихо разговаривал с барменшей. Я наострила уши и услышала, как он задал ей вопрос:

– Ваш хозяин раньше жил в сельской местности?

– Не знаю, – пожала она плечами.

– А не могли бы узнать? Он очень похож на одного человека...

– Спросите лучше у него, – ответила девушка.

Парень кивнул и замолчал, а я вернулась к Женьке.

– К Ольге клеится? – задала вопрос подружка, кивнув в сторону парня.

– По-моему, наш Михалыч напомнил ему кого-то из знакомых.

– Вот как? И по этой причине он торчит здесь который день?

– Не пойму, что ты прицепилась к нему? Сидит и сидит. Тебе-то что?

Она пожала плечами, а я обратила внимание, что объект Женькиного внимания так и остался за стойкой, а вот Михалыч не появился, хотя поболтать он большой любитель. Должно быть, парень ему, как и Женьке, по какой-то причине не понравился.

Еще через полчаса мы покинули кафе. Жара чуть спала, Женька предложила прогуляться. Прогулка, однако, вышла недолгой. Подруга потащила меня на набережную, но я стала вредничать, мол, в такую погоду нормальные люди отдыхают на природе, а не торчат в городе. Ромка накануне отбыл в Москву, и я, как женщина свободная, настойчиво предлагала Женьке отправиться на дачу, но подружка отказалась.

– Какой смысл тащиться на твою дачу, если к вечеру все равно придется возвращаться, – отмахнулась она. – У Юльки Сербиной сегодня презентация книги, ты что, забыла?

Я, конечно, не забыла, но досадливо поморщилась. Какой дурак устраивает презентацию в разгар лета да еще в тридцатиградусную жару?

– Пройгнорировать мероприятие неудобно, – продолжала подружка. – Ведь она приглашала нас еще месяц назад.

Я кивнула. Что да, то да.

– В парикмахерскую надо успеть заскочить, – взглянув на часы, сказала Женька. – И вообще... подготовиться.

– Можно подумать, это твоя презентация, – съязвила я.

– За мной вступительное слово, – ответственно заявила Женька. И я вынуждена была признать, что дело это серьезное и в самом деле требует подготовки.

Мы повернули к кафе, где оставили мою машину, но на этот раз пошли не по центральной улице, а переулком. Там, неподалеку от церкви, и находилась моя машина, оставить ее возле входа в кафе не удалось: вдоль всей улицы стоянка запрещена.

Мы уже садились в машину, когда я вновь увидела длинноносого парня, он с кем-то разговаривал, стоя к нам спиной рядом с приоткрытой дверью черного хода кафе, которая выходила во двор. Это показалось мне странным, непонятно было, что ему здесь понадобилось. Я собиралась обратить внимание Женьки на данный факт, но передумала. Парень и так слишком ее занимал. Однако в его сторону я все-таки посматривала и перед тем, как тронуться с места, успела заметить: дверь закрылась, а парень направился к ближайшей подворотне, чтобы выйти на улицу.

Место, где мы сейчас находились, оживленным не назовешь, несмотря на близость к центру города. Дома в старом городе лепились вплотную друг к другу. В основном двух- и трехэтажные, сплошь кафе, магазины и офисы. Построены здания были еще в позапрошлом веке. Фасады сияли свеженькой краской, но стоило свернуть в подворотню, и ты попадал совсем в другой мир. Какие-то странные сооружения из красного кирпича, обветшалые и брошенные за ненадобностью, а чуть дальше обрыв и река. Ни одно из окон домов сюда не выходило. Почему всю эту рухлядь до сих пор не снесли, для меня загадка. Впрочем, не только для меня.

Обогнув церковь, я выехала на проспект и через некоторое время доставила Женьку к ее дому. Мы договорились, что я заеду за ней в 18.30, по дороге купив цветы, и мы простились до вечера.

Оказавшись в своей квартире, я позвонила Ромке, потом поскучала, решив, что в командировках мужа нет ничего хорошего, хотя еще вчера радовалась предстоящей свободе. Потом устроилась на лоджии с книжкой, но по большей части дремала, вытянувшись в шезлонге, и обрадовалась, когда пришла пора собираться.

Подъехав к Женькиному дому, я увидела подружку, которая уже ждала меня возле подъезда в умопомрачительном наряде ядовито-алого цвета. Волосы ее отливали синевой, в целом она напоминала вампира на ночной охоте, но эти мысли я оставила при себе, уверенная, что у Женьки есть по этому поводу свое мнение, кстати, редко совпадающее с моим, в вопросах нарядов уж точно. Устроившись рядом, Женька окинула меня критическим взглядом и вздохнула.

– Хорошо, что твою красоту ничем не испортишь, – заметила она. – Вырядилась, как официантка.

– Тебе же лучше. Все будут смотреть только на тебя, – пожалала я плечами.

Дом народного творчества, где должна была проходить презентация, находился в самом центре, недалеко от Соборной площади.

– Надо было на такси ехать, – с опозданием высказала дельную мысль Женька.

Крохотная стоянка возле Дома творчества была забита машинами, точно так же, как и ближайшие переулки. Пытаясь найти место для стоянки, мы вскоре оказались возле той самой церкви, неподалеку от кафе Михальча.

– Это просто безобразие, – возмутилась подруга, я в ответ пожала плечами.

– Давай быстрее, опаздываем.

Схватив букет, Женька потрусила к Дому творчества, до которого было три квартала, а я поспешила за ней. Опоздав совсем чуть-чуть, мы пришли далеко не последними, подзадержавшиеся граждане извинялись и тут же начинали жаловаться, что в центре города припарковаться совершенно невозможно. Эти разговоры так всех увлекли, что про виновницу торжества едва не забыли. Слава богу, она сама о себе напомнила.

Надо сказать, вечер удался. Женька произвела впечатление. Не знаю, слышал ли кто хоть слово из того, что она говорила, но смотрели на нее, затаив дыхание. Подружка любит повторять: «совершенно неважно, что говорит женщина, главное, как она выглядит», так что сама она была довольна, сполна насладившись вниманием. Юлька тоже не подвела. Прочитала с большим чувством несколько стихотворений из нового сборника, затем приглашенный артист драмтеатра прочел ее рассказ о неразделенной любви, я некстати вспомнила о Ромке и едва не заревела, хотя у меня с любовью было все в порядке. Потом несколько собравшись по перу взяли слово, но с речами не затягивали. Вскоре все оказались в соседнем зале, где был накрыт шведский стол, и веселье пошло по нарастающей.

Расходиться начали ближе к двенадцати. Мы ушли одними из первых. Женька опять потащила меня на набережную любоваться звездами. Звезд мы не увидели из-за обилия фонарей, зато от мужиков, желающих познакомиться с нами, не было отбоя. Один тип бежал за Женькой метров сто, вопя во все горло:

– Девушка, не хотите выйти за меня замуж?

«И в самом деле, – подумала я. – Почему бы и нет?» По моему мнению, Женьке давно следовало подумать об этом. Решив, что после полученного эстетического шока гражданам надо немного передохнуть, подруга направилась к машине.

– Давай по домам, завтра на работу. Хотя в такую жару работать грех, но мой редактор думает иначе.

Мы предпочли идти по центральной улице, а потом юркнули в подворотню, не доходя до кафе Михальча метров двадцать.

– Надо было свернуть возле церкви, – проворчала я. Здесь царил тьма, а на высоченных каблуках по брусчатке идти неудобно.

– Хочешь, вернемся? – миролюбиво предложила Женька, но я только рукой махнула.

Дальше начинался асфальт, и мы зашагали веселее. Пока Женька, идущая впереди, вдруг не споткнулась и молвила негромко:

– Черт.

– Ты чего? – пискнула я, по инерции налетев на нее.

– Нашел место, придурок, – гневно сказала подруга, а я, наконец, поняла, что ее так возмутило, то есть на кого она налетела. Посреди дороги ничком лежал человек.

– Пьяный, наверное, – обходя его и потянув подругу за рукав, предположила я.

– На божья не похож, – рассуждала вслух Женька.

– Почему не похож?

– Божья воняют.

– Значит, не божья, а просто пьяный, – пожала я плечами.

– Надо его в сторону оттащить.

– С какой стати?

– Какой-нибудь лихач на него в темноте наедет.

– Не хочу никуда его тащить, – возмутилась я.

– А я хочу? Но если мы его здесь оставим...

– Ничего с ним не делается, – упрямылась я.

Женька ткнула мужика ногой и громко позвала:

– Эй! Отполз бы ты в сторону, парень.

Тот не издал ни звука, лежал себе спокойненько, и нет бы нам так же спокойненько продолжить свой путь, но Женька вместо этого сказала:

– Посвети своим мобильным.

Тяжко вздохнув, я достала мобильный и наклонилась к мужчине. Спиртным от него не пахло, и это насторожило. Лежал он лицом вниз, подтянув под себя ноги и сцепив руки на животе.

– Эй, – вновь позвала Женька, ухватила его за плечи и рывком перевернула, после чего мы издали

дружный вопль. На светлой рубашке парня расплзлось темное пятно, а руки... руки были в крови. На грязном асфальте чернела зловещего вида лужа. – Не было у бабы печали, купила баба поросся, – пробормотала Женька и мутно посмотрела на меня.

– Что? – пискнула я.

– Звони в милицию, вот что.

К тому моменту и я поняла, что без милиции не обойтись, но сначала вызвала «Скорую», отойдя на пару шагов и стараясь не смотреть на мужчину у своих ног. Женька нервно пританцовывала рядом.

– Думаешь, он жив? – спросила тихо.

– Надеюсь.

– Посвети-ка еще разок.

– С ума сошла?

– Посвети, я на его лицо взгляну.

– Зачем?

Смотреть на парня было страшно, и вообще хотелось оказаться подальше от этого места. Я поглядывала на темную подворотню и громко клацала зубами.

– Посвети, говорю.

Спорить с Женькой было бесполезно, я молча сунула ей в руку мобильный, очень надеюсь, что «Скорая» и милиция вот-вот появятся. Вспыхнул свет, Женька опустила на корточки и вдруг присвистнула:

– А парень-то знакомый.

– Да ты что? – еще больше перепугалась я. – Ты его знаешь?

– Не знаю. Но видела. И ты, кстати, тоже. Этот тип сегодня у Михалыча сидел.

Преодолевая страх, я все-таки взглянула на лежавшего. Так и есть. Лицо отрешенное и почему-то страшное, рот приоткрыт, и между зубов виднеется кончик языка, но это, безусловно, тот самый парень.

– Господи, – начала я, и тут в подворотне сверкнули фары и появилась машина. Я замахала руками, машина остановилась, и я с облегчением поняла, что это милиция.

– Чего тут у вас? – недовольно осведомился мужской голос.

– Нашли, вот, – проямлила я.

Мужчин было трое, в свете фар двое из них склонились к парню, а третий подошел к нам и сказал с возмущением:

– Опять вы?

– Это не мы, мы просто нашли... – заволновалась я.

– Привет, Юрик, – подала голос Женька, а я сообразила, что приехавший – ее знакомый. Впрочем, знакомых у Женьки половина города, а уж в правоохранительных органах она знает едва ли не всех, что, в общем-то, понятно, учитывая ее профессию, а еще тот факт, что мы не раз оказывались замешанными в истории с трупами.

«Даст бог, парень выкарабкается», – в страхе подумала я, а вслух сказала:

– Мы «Скорую» вызвали.

– Зря, – ответил Юрка, лишив меня надежды. – «Скорая» ему без надобности.

– Похоже, ножом его... – заговорил второй мужчина. – Кровищи-то сколько.

– Проверь карманы, может, документы есть.

– Вроде пусто. Чего вас в подворотню понесло? – повернулся ко мне Юра.

– У нас машина вон там, возле церкви. Мы с презентации шли.

– Ага. Сейчас все расскажете. А вот и «Скорая»... Вы сами как? Может, валерьянки? Или укольчик для успокоения?

– Мне бы лучше домой, – вздохнула я.

– А вот домой скоро не обещаю, – посочувствовал Юра.

В своей квартире я в самом деле очутилась не скоро. Женька решила ночевать у меня, и остаток ночи мы обсуждали происшествие.

– Не зря он у Михалыча терся, – хмуро заявила Женька.

– Михалыч-то здесь при чем?

– Михалыч ни при чем, но убили парня недалеко от его кафе, и что-то убиенному там понадобилось, раз он туда каждый день ходил как на работу. Там по соседству вроде банк какой-то?

– Ну и что?

– Да так, размышляю.

– Я обещала Ромочке, что ни в какие расследования больше ввязываться не буду, – на всякий случай предупредила я.

– Никто и не ввязывается.

– Вот и хорошо. Пусть менты разбираются, что он делал в подворотне. И убийцу ищут.

– Пусть. Мне что, жалко? Надо завтра с Михальчем поговорить...

«Горбатого могила исправит», – с возмущением подумала я, имея в виду неумное Женькино любопытство, а вслух сказала:

– Знаешь что, давай спать.

...Когда я утром проснулась, Женька уже ушла на работу, не разбудив меня, за что я была ей очень признательна. В течение дня я раза три звонила подруге, но она отозваться не пожелала. Вечером тоже не появилась. Я обиделась и уехала на дачу.

Там на следующий день меня и застал звонок подруги.

– Ты где? – спросила она сурово.

– На даче.

– Давай в город. Новости есть.

– Какие еще новости?

– По поводу этого убийства.

– Что, уже нашли, кто убил?

– Ищут.

– Тогда что за новости?

– Анфиса, не занудствуй. Говорю, дуй в город.

– Может, лучше ты ко мне? – вздохнула я.

– Я, в отличие от тебя, пять раз в неделю должна появляться на работе.

Проклиная подругу, жару и свою слабохарактерность, я поехала в город. Одновременно со мной во дворе моего дома появилось такси, из него вышла Женька. Лицо сосредоточенное, взгляд устремлен куда-то за горизонт. Я вздохнула и вслед за ней поплелась в квартиру. От чая Женька отказалась и сразу же принялась делиться новостями:

– Личность убитого установили.

– Что, родственники объявились?

– Нет у него родственников. Он вообще детдомовский. Мобильный его нашли. Дело это у Витьки Гудкова, ты его помнишь...

– Это высокий такой, с квадратной челюстью?

– Ничего подобного, Витька маленький, и челюсть... нормальная у него челюсть. Так вот, я вчера заметку в газету тиснула, а сегодня поговорила с Витькой. Он парень толковый и словоохотливый, что немаловажно. Убийство произошло в том месте, где мы с тобой тело обнаружили, то есть никто парня не перетаскивал. Как видно, его подкараулили возле подворотни, темень там страшная, сама могла убедиться, злодей поджидал, укрывшись рядом с аркой, и когда парень появился, ударил его ножом. То ли он мобильный в руках держал, то ли, когда падал, телефон из кармана вылетел, в общем, нашли его метрах в четырех от трупа, прямо у стены под брошенной бумажной коробкой. Благодаря мобильному и установили, кто покойник.

– Какие версии у твоего Гудкова, ограбление?

– Может, и ограбление. Бумажник украли. В карманах вообще пусто. Но грабители обычно требуют деньги и, только если встречают сопротивление, пускают в ход такие аргументы, как оружие. А на теле нет никаких следов борьбы. Ну, стукнули бы по башке чем-то... а тут нож, хотя и по башке тоже не очень хорошо. В общем, с мотивом не все ясно. Нашли квартиру, где парень жил, квартира съемная, снял он ее всего четыре месяца назад. Приехал к нам из района, здесь устроился на работу механиком, был на хорошем счету, непьющий, серьезный парень. Неделю назад отпросился с работы, сказал, что уезжает родственника хоронить, якобы ему наследство оставили, которое надо оформить. Просил дней десять за свой счет. Ему пошли навстречу.

– Но никакого родственника в реальности не существовало? – нахмурилась я.

– Конечно, нет, раз он в городе торчал. Опять же, он воспитанник детского дома, который находится в районном городе, откуда парень недавно прибыл. То есть детдом он покинул давно, ему выделили комнату, парень жил себе не хуже других, работал, пока не перебрался сюда, и вот...

– Если это ограбление... – начала я, но Женька перебила:

– Ты дальше слушай. Дело-то непростое. И боюсь, ограблением даже не пахнет. Парня этого зовут Аркадий Иванович Непомнящий, так вот, в детдом он попал в десятилетнем возрасте при весьма странных

обстоятельствах. На мальчишку обратил внимание милицейский патруль на вокзале, привели его в отделение. Мальчишка о себе ничего сообщить не мог, кроме того, что зовут его Аркадий.

– Как это? – нахмурилась я. – Ему же десять лет было?

– Вот именно. Мальчишка вообще говорить не желал, и, кроме имени, ничего узнать не удалось. Решили, что он пережил сильный стресс, психолог с ним работал, но, скорее всего, не очень старались, или психолог был так себе – ничего о его прежней жизни узнать не удалось. Пытались найти родственников, но и тут незадача. Фотку по телику показывали, искали сначала в области, потом по всей стране – без толку. Отправили мальчишку в интернат, записав под фамилией Непомнящий, отчество дали с потолка – Иванович. Поначалу надеялись, что родня отыщется, но время шло, так он Непомнящим и остался. Хотя, если не считать того, что парень ровным счетом ничего о себе не помнил, в остальном он был совершенно нормальным ребенком. Закончил школу, потом техникум. Не отличник, но и не дурак.

– Странная история, – пожалала я плечами.

– Вот-вот. Его жизнью в районе сейчас, конечно, интересуются, может, и удастся откопать что-то интересное. В съемной квартире нашли читательский билет в областную библиотеку. Это мне Гудков сказал. Менты документы искали, паспорт, водительское удостоверение, но нашли только читательский. Погибшего опознал его товарищ по работе, и читательский билет Гудков оставил без внимания, а вот меня он заинтересовал.

– Что такого особенного ты в нем нашла? – не поняла я.

– Ты, к примеру, часто в библиотеку навещаешься?

– Последний раз, когда в институте училась.

– Вот-вот. А он в институте не учился. И сегодня я в библиотеку заглянула. Наудачу. Благо, что директрису хорошо знаю, освещала в прошлом месяце «День книги», который они проводили в городе. Девушка, что в читальном зале работает, нашего Аркадия очень даже хорошо помнит. Одно время он был у них частым гостем, и знаешь, что его интересовало? Старые газеты. В особенности подшивка «Знамени», была такая городская газета, но в середине девяностых ее прикрыли за ненадобностью. Я, само собой, тоже решила на подшивку взглянуть и обнаружила кое-что весьма интересное. – Женька торжествующе улыбнулась, а я поторопила:

– Ну?

– Акт вандализма. Кто-то аккуратно вырезал несколько статей.

– Вот как? С чего ты взяла, что это дело рук Аркадия?

– Может, это сделал кто другой, но последние несколько лет газетами вообще никто не интересовался, так что, похоже, он.

– А что за статьи?

– Как я могу ответить на этот вопрос, если их свистнули? Я у Гудкова спросила, не было ли в квартире газетных вырезок. Говорит, нет. Логично предположить, что Аркадий их с собой таскал, а убийца их позаимствовал.

– Н-да, – покачала я головой.

– Директриса обещала мне помочь, – вновь расплылась Женька в улыбке. – Возможно, в архиве сохранилась еще подшивка.

– Что ж, подождем. Если есть дубликат статей, появится шанс узнать, что его заинтересовало. – Тут я вспомнила о Ромке, которому поклялась никогда не приближаться к трупам на пушечный выстрел, и вздохнула. В конце концов, я не виновата, что труп оказался у меня буквально под ногами. – Ты Гудкову о газетах сообщила? – задала я вопрос, косясь на Женьку.

– Сообщила, конечно, но он не очень-то впечатлился, при чем здесь какие-то старые газеты, спрашивает. А мне откуда знать? Но если парень ими интересовался...

– Гудков твой с Михалычем беседовал?

– Конечно. Мы же рассказали, что видели этого Аркадия в его кафе. По словам Михалыча, на парня он внимание обратил, но ничего толкового о нем сказать не может – ни разу с ним не разговаривал.

– Да? – спросила я и задумалась. – Слушай, совсем из головы вылетело... – Я в досаде покачала головой, удивляясь, как могла забыть такую важную деталь и не рассказать о ней следователю. Как видно, стресс от того, что угораздило на труп натолкнуться, был так силен, что память отшибло.

– Что? – насторожилась Женька.

– Когда мы уезжали из кафе и садились в машину, я видела Аркадия во дворе, он стоял возле двери черного хода и с кем-то разговаривал.

– С кем? – заволновалась Женька.

– Дверь была приоткрыта, но человека за ней я не видела.

– Очень жаль. Смотри, что получается. Аркадий зачастил в кафе, с кем-то беседовал возле черного хода, и убили его, кстати, неподалеку. Кафе до которого часа работает?

– До одиннадцати.

– А нашли мы парня пятнадцать минут второго. Убили его в промежутке между двенадцатью и часом ночи.

– Надо же, человек час пролежал почти в центре города... – покачала я головой.

– А чему удивляться? Мало кому взбредет в голову болтаться по задворкам ночью. Вот что, поехали к Михалычу. Надо с ним поговорить.

– Но ведь Гудков с ним уже беседовал.

– Да что Гудков, – отмахнулась Женька. – Мы с Михалычем старые приятели, со мной он будет откровенен.

Я пожалала плечами, неуверенная, что нам нужно ехать, но Женька уже направилась к входной двери, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Михалыч выглядел слегка удрученным, но нас встретил улыбкой.

– Жара-то какая, – сказал он, вытирая салфеткой потный лоб. – На улице сядете?

– Нет, мы здесь. Поболтать надо, – ответила Женька, взгромоздившись на высокий стул возле барной стойки.

– Я уж сегодня наболтался, – покачал головой Михалыч и нахмурился. – Это вы парня нашли?

– Ага. Повезло, – вздохнула Женька. – Угораздило машину здесь оставить.

– Да уж... – согласился Михалыч.

– Давно он к тебе стал заглядывать?

Хозяин кафе пожал плечами.

– Я на него внимание дней пять назад обратил. Смурной какой-то парень. Сидит, в чашку смотрит, ни с кем не общается. И всегда один.

– Ты его разговорить не пытался?

– Поначалу пытался. Но он до разговоров не охоч. Я вообще решил, что он малость не в себе. Я и в милиции так сказал. Вроде с придурью мужик.

– А он ни о чем не расспрашивал? – вмешалась я. – Может, его кто-то из посетителей интересовал?

– Не знаю. Да он вообще был не любитель болтать.

– А, может, ему кто-то из твоих девчонок понравился? – озарило меня. – Я имею в виду сотрудниц.

Михалыч почесал нос.

– Не замечал.

– Так ты спроси. В тот день, когда его убили, он у черного хода с кем-то стоял.

Михалыч скрылся в направлении кухни, но вскоре вернулся.

– Никто с ним не разговаривал, – сказал он. – Да их уже менты спрашивали.

– Странно, – нахмурилась я. – Он там стоял, я видела.

– Так, может, из зала кто прошел? – предположил Михалыч. – Хотя какой в этом смысл? Могли и здесь поговорить.

– А если он не хотел, чтобы его видели?

– С какой стати?

– Ну... ведь его убили. Значит, была у парня какая-то тайна.

– Да ладно, – отмахнулся хозяин. – Какая тайна? Это же ограбление. Какие-нибудь обдолбанные придурки пырнули ножом из-за кошелька. Они человека за сто рублей убить готовы.

– Скажите, – вновь влезла я в разговор. – А вам случайно он никаких вопросов не задавал? Ну, к примеру, о том, где вы раньше жили?

– Нет. Я вообще старался с ним не общаться.

– Это мы заметили, – кивнула я.

Михалыч нахмурился и стал расставлять чашки на подносе, не глядя в нашу сторону.

– Он мне не понравился, – пояснил старик. – Говорю, на психа был похож. И выгнать не выгонишь, он же ничего плохого не делал. Вот я и решил держаться подальше от греха.

– Да и правильно. Психи такой народ... – кивнула Женька. Михалыч к беседе заметно охладел, и мы вскоре покинули кафе.

– Довольно странно, – едва закрыв за собой дверь, произнесла я.

– Что? – не поняла Женька.

– Никто с парнем не говорил, однако я видела своими глазами...

– Слушай, а может, он с водителем болтал, который продукты привозит?

– Возможно. Этого человека надо найти. Звони Гудкову.

Женька набрала номер телефона и минут пять беседовала с ним, потом сунула трубку мне, и я рассказала, что видела в день убийства. Женька убрала мобильный, а я, шагая рядом с ней, пыталась понять, что меня так беспокоит.

– Ты о чем думаешь? – полезла ко мне подруга.

– Михалыч говорит, никаких вопросов Аркадий не задавал. А вот я слышала, как он спросил у барменши: не жил ли Михалыч раньше в сельской местности?

– И что?

– Ничего. Странный вопрос. Какое парню дело до того, где когда-то жил Михалыч?

– Может, он просто барменшу клеил, вот и болтал всякую чушь?

– Возможно, – не стала я спорить. – И все-таки хотелось бы знать, почему его это заинтересовало? Еще подшивка старых газет...

– По-твоему, это как-то связано? – Женька замерла на месте, схватив меня за руку.

– Как думаешь, мы можем узнать, откуда Михалыч родом?

– Если Петечку попросим, легче легкого.

Я поморщилась.

– Твой Петечка тут же Ромке наступит.

– Еще чего. Будет молчать, не то прокляну.

Тут надо пояснить, что мой муж – полковник спецназа, а Петечка его заместитель. Само собой, к следствию он никакого отношения не имеет, но возможность нам помочь у него, безусловно, есть. Он уже и помогал не раз, к большому негодованию Ромки. Прикинув последствия, я махнула рукой:

– Звони Петечке.

Тот к просьбе отнесся без восторга, немного повредничал, но, как только Женька рассердилась, тут же пошел на попятную и обещал узнать всю подноготную Михалыча в кратчайшие сроки. Нам же ничего не оставалось, как отправиться домой, хотя жажда деятельности переполняла мою подругу, да и мне отделаться от мыслей о происшедшем убийстве было нелегко. Надо отдать Петечке должное, он позвонил уже через два часа.

– С подноготной пока туго, а вот анкетными данными могу порадовать прямо сейчас.

– Давай, – милостиво согласилась подруга.

– Скину по электронке.

Через пять минут у нас в руках была стандартная анкета. Родился Михалыч в деревне Зарядино, где жил долгие годы, не считая того времени, что служил в армии. В сорок лет он перебрался в районный город неподалеку, занялся мелким предпринимательством, говоря проще, торговал на рынке обувью. Потом переехал в областной центр и через пару лет купил кафе. Жена умерла семь лет назад, детей он не имеет. В общем, ничего интересного. Женька, прочитав несколько раз анкету, удрученно покачала головой.

– И что нам с этого?

– Откуда мне знать, – честно ответила я.

– Как это «откуда мне знать»? – передразнила подруга. – Ведь это была твоя идея.

– Я просто предположила, если Аркадий интересовался...

– Вот что, поехали в Зарядино.

– В деревню? – вытаращила я глаза.

– Ага.

– Зачем?

– Там на месте и разберемся.

Идея показалась мне идиотской, ехать на ночь глядя в какую-то деревню, а главное, зачем? Я пыталась втолковать подруге, что это, по меньшей мере, неразумно, но не преуспела. И через несколько минут мы уже шагали к моей машине. Женька достала карту области и прокладывала маршрут. До Зарядино оказалось всего-то семьдесят километров, и я решила: ничего страшного, если мы туда прокатимся. Если там есть река, искупаемся. Все лучше, чем сидеть на кухне и спорить с Женькой.

До районного города, где некогда жил Михалыч, мы доехали быстро и без проблем. А вот далее начались сложности. В шести километрах от города мы обнаружили указатель «Зарядино» и свернули. Очень скоро асфальтовое покрытие кончилось, мы оказались в чистом поле, где дорога едва угадывалась. На счастье, луж не было, даже на моей иномарке проехать оказалось можно. Потом пошли такие рытвины и ухабы, что впору было назад возвращаться, но Женька ничего об этом слышать не желала.

Наконец впереди замаячила церковь на пригорке, и я вздохнула с облегчением. Вскоре мы достигли

первых домов и стали оглядываться. Зрелище особо радостным не назовешь. Церковь полуразрушенная, да и дома вокруг выглядят не лучше, частью заколоченные, а некоторые и вовсе брошены за ненадобностью.

– Здесь вообще кто-нибудь живет? – возмущенно спросила Женька. Так как вопрос адресовался мне, то, само собой, остался без ответа.

Однако жизнь в деревне хоть и слабо, но все же теплилась. Возле одного из домов было развешено белье, а на крыльце дремала собака, напротив был колодец, около него мы увидели мужичка в клетчатой рубахе и почему-то в калошах. Завидев нас, он поставил ведро на землю и теперь наблюдал за нашим приближением с заметным интересом. Я притормозила, Женька выбралась из салона и поздоровалась с дядькой, тот в ответ кивнул, разглядывая нас. Я из машины тоже вышла, но помалкивала, предоставив Женьке возможность действовать. Подозреваю, она, как и я, терялась в догадках, зачем нас сюда нелегкая принесла.

– Дорогу ищите? – вдруг спросил мужик. Было ему лет семьдесят, загорелое лицо изрезано морщинками, а вот глаза молодо блестящие.

– Какую дорогу? – смутилась подруга.

– В Костерино. У нас тут, бывает, ездят, кому хочется путь сократить да машину не жалко.

Костерино был центром соседнего района, кстати, именно там, если верить Женьке, много лет назад на вокзале подобрали мальчика, который ничего не помнил. Собственно, в данном факте не было ничего особенного, но меня это насторожило. Может, и не зря мы сюда приехали?

– Нет, в Костерино нам не надо, – ответила Женька. – Мы... – она малость замешкалась, но быстро нашлась: – У вас тут раньше жил Сабов Сергей Михайлович.

– Жил, – кивнул дядька. – Вон там его дом, самый крайний. Все еще стоит. Хороший дом. А сам Сабов давно уехал. Дом продать хотел, да кто ж его купит?

– А что, дачники вашими местами не интересуются?

– Да вы, как видно, не в курсе? – хмыкнул дед. – Могильник у нас тут рядом.

– Какой могильник? – растерялась я.

– Радиоактивные отходы. Свалку устроили лет двадцать назад, мы и знать не знали, чего там зарыто, а оказалось, вся земля тут отравлена. Вот и не едут к нам. Старики умерли, молодежь давно разбежалась, а дом за копейки и то не продашь.

– А вы что же? Ведь место опасное...

– Живем двадцать лет, и ничего. До смерти как-нибудь дотянем. В трех домах только жители остались, да и то старухи, и вот я. А вы что, дом хотели купить?

– Теперь уже не хотим, – буркнула Женька. – Вы Сабова хорошо знали?

– А то как же. Он здесь сколько лет прожил...

– Уехал из-за этого могильника?

– Может, и из-за него. А может, и нет. Работу на земле он никогда не любил, хоть и ходил в бригадах и вроде на хорошем счету числился, раз не пьющий, но крестьянской жилки в нем не было. У него дед из купцов, богатеем был, вся округа его знала, вот и Сабова по дедовой линии все тянуло, да купцы-то были не в моде. А как времена сменились, он все мечтал магазин здесь открыть, только на какие шиши? А потом укатил в город и что вы думаете? Разбогател, говорят. Вот что значит гены.

– Да, гены такая штука, – поддакнула Женька. – А дом его все еще стоит?

– Стоит, куда ему деться?

– Сабов сюда приезжает?

– Нет. Зачем? Уж лет пять его здесь не видели. А вот на днях приезжал один парень, расспрашивал о нем.

– Какой парень? – в два голоса спросили мы.

– Парень как парень. Шлялся тут по деревне. Спросил, кто в крайнем доме жил. Я ответил. Он тоже вопросы, как и вы, задавал.

– Хотел дом купить?

– Может, и хотел. Я за ним приглядывал, он к дому подъехал, долго на него пялился, потом обошел по кругу и в машину вернулся. Микроавтобус у него был, марку не знаю.

– А как парень выглядел? – засуетилась Женька и описала внешность нашего Аркадия. Я очень жалела, что у нас нет фотографии.

Дядька пожал плечами:

– Да не разглядывал я его. Молодой, вроде невысокий, худой, а нос и вправду длинный.

Пойдете на дом смотреть? – хитро поинтересовался он.

– Нет, – торопливо ответила я. – Мы... в Костерино.

– Ага. Поезжайте, только аккуратно. Дороги наши вы видели, а там в одном месте топко. Съедете куда не надо, и поминай как звали. В прошлом году болото осушать стали – линию электропередачи вели, так нашли машину. Ага. Вместе с хозяином.

– Мертвым? – моргнула Женька.

– Само собой, не живым. Затянуло его в топь вместе с машиной, выбраться не успел.

– Н-да... – Женька кашлянула и на меня покосилась. – Пожалуй, мы назад вернемся.

– И правильно. По шоссе хоть и дольше, зато надежнее.

Мы простились с мужичком, он подхватил ведра и направился к ближайшему дому, собака на крыльце подняла голову, зевнула и вновь предалась дреме. А я, устроившись с Женькой в машине, начала разворачиваться.

– Ты слышала? Про Сабова кто-то расспрашивал. Я уверена, это был наш Аркадий, – зашептала Женька.

– Ты мне лучше вот что скажи, – вздохнула я. – Мы что, Михалыча подозреваем?

Вопрос поверг подругу в изумление.

– Михалыча? В убийстве? Да брось ты... Хороший мужик, беззлобный, веселый...

– Тогда что мы здесь делаем?

Женька оставила вопрос без ответа.

– Надо на дом взглянуть. Если он Аркадия заинтересовал, значит, и нам нужен.

– Хорошо. Только машину лучше где-то спрятать. Старичок очень любопытный, и мы ему, по-моему, показались подозрительными. Чего доброго милицию вызовет.

Машину мы оставили на опушке леса и пешком вернулись в деревню, но заходить в нее не стали, обошли стороной за огородами. Идти было ужасно неудобно, трава доставала до пояса, да и рассказы о болоте сделали свое дело. Я косилась по сторонам и тяжело вздыхала.

Дом Михалыча стоял особняком, довольно далеко от деревни. Двор завалился на одну сторону, крыша над ним провисла, вот-вот рухнет, но сам дом еще держался. Окна заколочены, на двери замок, а вот покосившиеся ворота были слегка приоткрыты.

– Зайдем? – предложила Женька.

– Что ты там надеешься найти? – проворчала я. – Аркадий, если здесь был он, конечно, в дом не заходил.

Но Женька уже потянула створку ворот на себя, она со скрипом сдвинулась с места, и подружка протиснулась в образовавшуюся щель. Конечно, я полезла следом. Из-за многочисленных прорех между бревен на дворе было светло. По ступенькам мы поднялись в сени, толкнули входную дверь, и она открылась. Узкий коридор, направо дверь в комнату, слева чулан, впереди выход на терраску. Паутина и запустение. Узкая лестница вела на чердак, но мы вошли в первую дверь. Кухня, русская печь в углу, еще одна дверь, за дощатой перегородкой стояла железная кровать, стол у окна, колченогий стул и комод. Широкие половицы скрипели под ногами.

– Идем отсюда, – позвала я, вид брошенного жилища вызывал уныние.

– Давай в чулан заглянем, – предложила Женька.

В чулане стоял сундук, оказавшийся пустым. Женька, кинувшаяся к нему с непонятной надеждой, в досаде захлопнула крышку.

– Остался чердак, – заявила она.

– Зачем тебе чердак? – возмутилась я.

– Ну... там можно обнаружить что-то интересное.

– Боюсь, это не наш случай, – хмыкнула я, но на чердак полезла.

Стекло в слуховом окне отсутствовало, и духота стояла страшная. Я начала чихать от скопившейся здесь за долгие годы пыли. Бельевые веревки, натянутые от столба до столба, брошенная за ненадобностью антенна, кипа старых журналов и прочий хлам. Женька пнула ногой лист фанеры и присела на корточки, что-то разглядывая, а меня заинтересовали старые журналы. Я так увлеклась, что забыла про Женьку. Она сама о себе напомнила.

– Анфиса, – позвала подруга, – кажется, здесь тайник.

Женька по-прежнему сидела на корточках и разгребала руками луковую шелуху у своих ног. Под мусором обнаружилось что-то вроде люка. Женька приподняла его. Теперь стало ясно – перед нами действительно тайник. Совершенно пустой, к великому нашему негодованию. Подруга в досаде ударила по дну ногой, фанера внизу треснула, и мы увидели чемодан. Такие были в ходу лет тридцать назад. В общем, обычный чемодан коричневого цвета с двумя застежками. Само собой, Женька решила заглянуть внутрь. Застежки щелкнули, она приподняла крышку, и мы в недоумении уставились друг на друга. В

чемодане лежали пачки денег. Много. То есть чемодан был заполнен ими наполовину. Женька присвистнула и взяла одну пачку в руки.

– Ничего себе. Михалыч у нас, оказывается, подпольный миллионер.

– Был, – кивнула я. – Теперь это просто макулатура.

– Ага. Вот только откуда у него такие деньги?

– Ну, не знаю. Может, он огурцами торговал? Я слышала, раньше некоторые на этом миллионы зарабатывали. – Я тоже повертела пачку в руках. – Есть люди, которые банкам не доверяют. Предпочитают трехлитровые банки, в нашем случае – чемодан. Копил человек денежки, потом вдруг реформа, и денежки тью-тью. Меня бы на месте Михалыча инфаркт хватил, а он ничего, выжил.

– Может, насчет огурцов ты права, но тут же куча денег. И купюры все крупные.

– В те времена счет шел на тысячи.

– А здесь не один миллион. Надо бы пересчитать.

– Пересчитай, если делать нечего.

Не успела я это произнести, как настороженно замерла. Вне всякого сомнения, к дому подъехала машина.

– Черт, – выругалась Женька, захлопнула чемодан, зачем-то подхватила его и бросилась к лестнице. Я за ней.

Не успели мы спуститься, как кто-то поднялся на крыльцо. Мы метнулись вправо, потом влево, а затем, не сговариваясь, юркнули в чулан. В этот момент входная дверь открылась, и в дом вошел Михалыч. Через щель в двери я его хорошо видела. Мы с Женькой замерли, стараясь не дышать, а он сразу же прошел к лестнице и полез на чердак. Мы слышали, как он передвинул фанеру, а потом громко выругался. Потоптался там еще немного и спустился вниз. Я закрыла глаза, пытаюсь представить, что произойдет, если он нас обнаружит, то есть как мы будем оправдываться? Но Михалыч стремительно покинул дом, а мы с Женькой вздохнули с облегчением. И тут услышали голоса.

– Решил на дом взглянуть? – спрашивал, вне всякого сомнения, наш недавний собеседник.

– Да вот приехал проверить, – неохотно ответил Михалыч.

– Стоит дом, чего ему делается.

– Он сейчас ему про нас расскажет, – шепнула Женька испуганно. Может, у старика и были такие намерения, но Михалыч разговор не поддержал. Мы услышали, как машина тронулась с места.

– Уехал, – с облегчением шепнула я. Женька покосилась на чемодан.

– Анфиса, а ведь он за ним приезжал.

Спорить с этим было трудно.

– Вот что, – сказала я. – Надо вернуть чемодан на место. И сообщить о нем Гудкову.

– Может, лучше деньги с собой взять?

– Хуже. И не возражай.

Чемодан мы оставили на чердаке, положив обратно в тайник и прикрыв листом фанеры, и припустились прочь от дома. Разумеется, всю дорогу гадали, что это за деньги и с какой стати они вдруг понадобились Михалычу.

Въехав в город, Женька позвонила Гудкову на мобильный, но ответить он не пожелал. Рабочий телефон тоже молчал, что не удивило, время было позднее.

На следующее утро я загорала на лоджии, а Женька развернула кипучую деятельность, но об этом я узнала только к обеду, когда она появилась у меня.

– Вот, – Женька положила на стол несколько листов бумаги.

– Что это?

– Ксерокопии статей из газет, которые так заинтересовали Аркадия.

Я схватила листы и принялась читать. Речь в них шла о громком уголовном деле. Хищение, растраты и прочее. Вряд ли все это показалось бы мне интересным, если бы не примечательная деталь. Один из фигурантов этого дела внезапно исчез. Вместе с ним пропал и его десятилетний сын. Аркадий Митрошин. Мать его умерла лет за пять до описываемых событий, других родственников не было. Отца с сыном искали, но найти не смогли. Высказывались предположения, что они покинули страну и где-нибудь неплохо устроились. Митрошин-старший ожидал ареста и заблаговременно смылся, прихватив похищенное и родного сына, более ничего его здесь не держало.

– Это что же получается... – нахмурилась я.

– Подожди, это еще не все, – усмехнулась Женька. – Сегодня я позвонила в районную газету, где у меня знакомый редактор, и поинтересовалась историей с машиной, которую нам старичок вчера рассказывал. Так

вот, дед не фантазировал. В самом деле машину нашли в прошлом году. А в ней труп. Мужчина лет тридцати – сорока пяти. На черепе огромная рана.

– Его убили? – я догадалась, куда клонит Женька.

– Вне всякого сомнения. Потом сунули в машину и утопили в болоте. Случилось это никак не меньше пятнадцати лет назад. Убитого опознать не удалось, учитывая давность преступления.

– Ты у Гудкова была? – нервно спросила я.

– Нет.

– Немедленно к нему.

Гудков нам совсем не обрадовался и даже предпринял попытку от нас отделаться, но Женька была непреклонна, и он сдался. Сидел с унылым видом, готовясь слушать, но длилось это недолго. Стоило Женьке упомянуть о нашей поездке в Зарядино, как он начал багроветь и гневаться.

– Вы чего не в свое дело лезете? Вам это что, игрушки? Уж сколько раз говорили...

– Ладно, – отмахнулась Женька. – Чего ты вопишь? Кое-какая польза от нас все-таки есть.

– Какая польза? – скривился Гудков.

– Тебе сейчас все Анфиса расскажет, у нее лучше получится. – Женька кивнула мне, и я откашлялась.

– Вот, посмотри вырезки из газет, которые, скорее всего, интересовали Аркадия, тут статья о страшной находке в прошлом году. А это все, что нам известно об Аркадии. Обрати внимание на даты. Я думаю, дело было так. Митрошин, зная, что арест неизбежен, исчезает вместе с единственным сыном и некой суммой денег. Они оказываются вблизи деревни Зарядино, где старшего Митрошина убивают. Скорее всего, из-за денег, о которых убийца узнал случайно или отнюдь не случайно, сейчас сказать трудно. Ребенок очутился в одиночестве на вокзале в Костерино, где его и подобрали. То, что он не пошел в милицию, вполне объяснимо, отец скрывался и сына, скорее всего, настроил против ментов. Так что парнишка считал, что нет ничего хуже, как оказаться у них. Хотя есть и другой вариант: после пережитого стресса ребенок действительно ничего не помнил. Бывают такие случаи. Время шло, он вырос и решил перебраться в наш город. И здесь случайно встретил человека, который ему кого-то напомнил. Он постарался узнать о нем как можно больше.

– И этот человек оказался убийцей его отца? – усмехнулся Гудков. – И парня отправил вслед за родителем?

– Да, – серьезно кивнула я, считая свою версию безупречной.

– Это ты мне сейчас сюжет своего нового романа пересказываешь? – хмыкнул Гудков.

– По времени, кстати, все сходится, – обиделась я. – Посмотри в бумаги, сам убедишься.

– Чушь все это, – насупился Гудков. – Ты же сама говоришь, что Митрошин с сыном были в розыске. Так? И мальчишку тоже искали, точнее, его родителей. Фотографии по телику показывали. Как же его могли не узнать?

– Очень даже просто, – влезла Женька. – Парня нашли в Костерино, а это уже соседняя область. У нас левая рука не знает, что делает правая. Помнишь, ты вел дело Коли Хрипатога? Его во всероссийский розыск объявили, а он у любовницы жил прямо напротив УВД и мог бы счастливо состариться, если бы не загремел в вытрезвитель по пьяному делу.

– Не надо про Колю, – страдальчески сморщился Гудков и машинально почесал шею, должно быть, вспомнив, как ему эту шею из-за Хрипатога намылило начальство.

– То-то, – кивнула Женька. – Так что не надо мне рассказывать, что могло быть, а чего нет.

– Ладно. И кто, по-вашему, убийца?

Мы переглянулись и дружно вздохнули.

– Мы у Михалыча на чердаке чемодан денег нашли, в Зарядино, где он раньше жил, – понизив голос, ответила Женька. – Старых денег. И он с какой-то стати за ними приезжал как раз после нашего к нему визита в кафе.

– Вы и к нему ходили? – возмущился Гудков. – Просто безобразие. Деньги куда дели?

– На чердаке оставили все как было.

Гудков взглянул исподлобья и заговорил спокойнее:

– Вы вот что, давайте домой и займитесь чем-нибудь... за то, что помочь хотели, большое спасибо, а уж дальше мы без вас. Мне дополнительные трупы ни к чему, ясно? А так и будет, если вы... К Михалычу мы присмотримся, в деревню съездим и ему нужные вопросы зададим. Мы, кстати, и без вас им плотно интересовались, алиби у него так себе. Сказал, что из кафе ушел в 23.45, между прочим, последним. Сразу отправился домой. Но живет он один, никого из соседей не встретил, так что подтвердить его слова некому. И погибший о нем действительно расспрашивал. Убийцу мы найдем, можете не сомневаться. Только не лезьте, ради Христа.

Покинув Гудкова, мы отправились в парк. Женька молчала, я тоже, догадываясь: ее беспокоят те же мысли, что и меня.

– Неужели это Михалыч? – не удержавшись, спросила я со вздохом. – Такой симпатичный дядька, и вообще...

– Да уж, – кивнула Женька. – Так можно совершенно в людях разувериться. Думаешь, что имеешь дело с одним человеком, а он на поверку совсем другой.

– Может, мы все навывдумывали, и он здесь ни при чем.

– Хорошо бы. Только в доме он чемодан искал.

– Искал. Но причина визита могла быть и другой.

– Проверить, так это или нет, легче легкого, – вдруг заявила Женька.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я.

– Вон телефон-автомат, – ткнула Женька пальцем и направилась к нему. Заглянула в свой мобильный и стала набирать номер на уличном телефоне. Я нетерпеливо топталась рядом, спрашивая уже в третий раз «куда звонишь?», но Женька сделала мне знак молчать, а потом заговорила: – Сергея Михайловича, будьте добры. Сергей Михайлович? Я подруга Аркадия. Вряд ли вы знаете обо мне, а вот мне о вас Аркадий все рассказал. Я потеряла любимого человека, убийцу пока не нашли, да и что мне за радость оттого, что его посадят? Я могу пойти в милицию, но лучше, если мы договоримся.

Я прижалась ухом к трубке и услышала голос Михалыча:

– О чем?

– Я с вас много не возьму. Десять тысяч долларов. Согласитесь, это сущая ерунда.

– Какие десять тысяч? Вы что, с ума сошли? О чем вы вообще говорите?

– Мне с вами болтать некогда, – огрызнулась Женька. – Кажется, я высказалась ясно: или десять тысяч, или я все рассказываю следователю. В кафе я не пойду и с вами встречаться не собираюсь. Беспокоюсь за свое здоровье, знаете ли. Деньги принесете в парк Победы завтра в 15.00. Возле первой от входа скамейки есть урна, туда и бросьте пакет с наличностью. Все. – Женька повесила трубку, посмотрела на меня и подмигнула: – Теперь надо ждать до завтра. Если он придет, значит...

– А если сбежит? – возмутилась я. – Вот прямо сейчас? Испугается и сбежит?

– Что же делать? – забеспокоилась подруга.

– К Гудкову идти, – сурово отрезала я и направилась из парка. Женька пыталась на бегу возражать, но не преуспела.

Вторично увидев нас в своем кабинете, Гудков пошел пятнами.

– Я мужу твоему нажалуюсь, – буркнул он.

– Витя, жалуйся кому хочешь, главное, не нервничай. Мы только что позвонили Михалычу... – Что нам на это сказал Гудков, повторять не рискну. Много чего сказал.

Разумеется, на следующий день в парк нам идти никто не позволил, но продолжение этой истории мы все-таки узнали. Через два дня Гудков позвонил сам и пригласил нас в кафе. Само собой, мы пришли минут на пятнадцать раньше и стали с нетерпением ждать. Наконец и Витя появился.

– Он там был? – сразу же спросила Женька.

– Михалыч ваш? Был.

– Значит, он убийца?

– Он. Отпираться не стал. Говорит, черт попутал.

– Митрошина-старшего он убил?

– Ага. У Михалыча дед трактир держал, и он об этом мечтал всю жизнь. Но сначала не было возможности, а потом денег. И вдруг как-то ночью в дверь дома постучали. Жена у Михалыча лежала в больнице, и он один домовничал. Дверь открыл, а на пороге мужик и мальчишка, у крыльца машина. Заплутались, говорят. У мальчишки был сильный жар. Попросились переночевать. Михалыч не возражал. Мальчику дали лекарство и положили спать, а сами решили выпить. Когда выпили, разговорились. В общем, кое-что в разговорах гостя показалось Михалычу интересным, пил он умеренно и пьянел медленно. Вскоре гость оказался на диване, а Михалыч заглянул в машину и нашел там чемодан. Тяжелый. Не удержался он, внес в дом, открыл и замер, точно громом пораженный. Чемодан был набит деньгами: рублями и долларами. Вот тут Михалыча черт и попутал. Взял он топорик, подошел к спящему, но тот вдруг проснулся, закричал и разбудил мальчишку. Михалыч утверждает, что убивать мальчонку не хотел, только непонятно тогда, что он с ним делать собирался? Однако ударить топором, как отца, все же не смог, запер его в чулане, а сам поспешил избавиться от машины и трупа. Дом стоит на отшибе, Сабов рассчитывал, что о ночных гостях никто не узнает. Машину утопил в болоте, а когда домой вернулся, мальчишку в чулане не нашел. Тот сумел вылезти из узкое окошко на двор и сбежал. Михалыч, конечно, пытался его найти, но не смог. И стал ожидать

ареста со дня на день. За жену очень беспокоился. Ее он, видишь ли, очень любил. Прошла неделя, потом месяц, он стал понемногу успокаиваться, а через год решил: мальчишка утонул в болоте, сгинул, одним словом. Но деньги тратить боялся. Так они и лежали на чердаке, пока не грянула реформа и рубли не превратились в макулатуру. Михалыч слег с горя, после чего переехал в город и занялся торговлей. Доллары тратил аккуратно, все боялся внимание привлечь. Потом умерла жена, он переехал сюда и осуществил свою заветную мечту: купил кафе. И был счастлив, предпочитая об убийстве не вспоминать. Но о нем ему напомнили. Сначала нашли машину. Михалыч едва успел оправиться от удара, как в его кафе появился Аркадий. Разумеется, хозяину и в голову не могло прийти, что это тот самый мальчик. Но вопросы парня его насторожили. Тот в свою очередь от подозрений перешел к абсолютной уверенности: перед ним убийца отца.

– И стал его шантажировать? – вздохнула Женька.

– Да. Стал. Он читал статьи в газетах и был уверен: Михалыч прикарманил немало. И потребовал сто тысяч долларов. У того такой суммы не было, а ни с квартирой, ни тем более с кафе он расставаться не хотел. Они договорились о встрече после закрытия кафешки, Аркадий должен был подойти к двенадцати, и тут Михалыча вновь попутал черт.

– И он подкараулил парня в подворотне?

– Говорит, не соображал, что делает.

– И в самом деле не соображал, – покачала я головой. – Первое убийство произошло много лет назад. Учитывая возраст Сабова, он мог отделаться минимальным сроком, а то и вообще условным.

– Это точно, – кивнул Гудков. – Понимаешь, он очень дорожил своим добрым именем.

– Чем? – вытаращили мы глаза.

– Кафе стоит на бойком месте, сколько людей его знают, уважают, и все такое... И вдруг выясняется, что он – убийца. Не мог он этого допустить.

– А что теперь с кафе будет? – додумалась спросить Женька.

– Понятия не имею. Наследников у него нет.

– Жаль, если закроют, – вздохнула подруга. – Капучино там такой вкусный... был...

– Ага, – усмехнулась я. – Мне теперь этот капучино поперек горла встанет.

Простившись с Гудковым, я подхватила Женьку под руку и повела в сторону проспекта.

– Куда ты идешь? – удивилась она.

– К машине, естественно.

– Так давай здесь свернем, быстрее получится, – кивнула Женька на ближайшую подворотню.

– Ну уж нет, – возмутилась я. – Никаких подворотен, а также трупов и расследований. – Женька недовольно поморщилась, и я пояснила: – Ромка сегодня приезжает.

Лариса Соболева «Изгнанник рая пролетал...»

Он долго не знал ее имени. У него не было ни одного шанса узнать ту, чей голос слышал он только по телефону, слышал в течение трех лет. Она звонила шефу два раза в неделю, в основном перед концом рабочего дня, и говорила одну фразу, никогда не меняя ни слова:

- Добрый вечер, мне нужен Филипп Осипович, он ждет моего звонка.
- Кто его спрашивает?

Зачем он задавал ей этот вопрос, если сказано: «Он ждет моего звонка»? К тому же он знал, что она ответит:

- Знакомая.

Ему хотелось еще раз услышать глубокий, грудной, без тени волнения голос, в то же время – мягкий, нетребовательный. А вот он испытывал необъяснимое волнение, слушая ее и запоминая новые нюансы в интонации. Он молчал, надеясь, что она произнесет еще хоть слово, но на другом конце провода царило молчание.

- Минуточку, – вынужденно говорил он и соединял ее с шефом.

А потом сидел, вычерчивая на листе бумаги бессмысленные узоры и представляя себе женщину с колдовским голосом. Должно быть, она красива – женщина с чарующим голосом не может быть некрасивой. И блондинка. Странно, она виделась ему только блондинкой и не вписывалась в общепринятое мнение, что эти девицы недалекие, глупые. Нет, по тембру выстраивался образ неглупой женщины, лишенной стервозности. Еще в ее голосе чувствовался едва заметный надлом, а, по его мнению, это свойственно людям, имеющим неудачный жизненный опыт. Значит, она старше его, но вряд ли намного.

Шеф выходил через десять-пятнадцать минут, скупно бросал:

- Марк, если меня будут спрашивать, я на деловой встрече.
- Хорошо, – отвечал он, не интересуясь, кому надо будет отвечать. Обычно звонила жена шефа, для нее и была заготовлена «деловая встреча».

Марк догадывался: шеф – у женщины с надломленным голосом. Нет-нет, с чувственным голосом, заставляющим мечтать о ней и... ревновать. Совсем немного, но ревновать. Тысячу раз он мог подслушать, о чем они договариваются, однако никогда этого не позволял себе, оставляя их тайну недосыгаемой. Марк шел домой и думал: почему она не звонит шефу на мобилу и даже не в кабинет, на прямой телефон, а исключительно в приемную? Допустим, мобилу может проверить жена, шеф не успеет стереть запись звонков, тогда неминуем скандал, ведь женщины чувствуют измену на подсознательном уровне. Но поступление звонков на прямой телефон контролирует только внутренняя охрана, жене туда не проникнуть. Не находя ответа, он вновь переключался на женщину с дивным голосом и шефа, представляя, как им хорошо вдвоем.

Марк не был аскетом, его подруга Неля – прекрасная девушка, наполнена энергией, как бокал с пивом, из которого игристая пена хлещет через край. Ее веселый нрав рассеивал хандру, искренность ее забавляла, ершистость смешила. Однако Нелька – девушка-ребенок, со всеми заморочками взрослеющего подростка, обрекающая мужчину на роль педагога, а это совсем не то. Голос, который Марк слышал два раза в неделю, принадлежал никак не девушке-ребенку, а женщине. Настоящей. Волнующей.

Однажды она позвонила, как обычно, шеф, переговорив с ней, ушел, бросив ставшую привычной фразу:

- Я на деловой встрече.

Не прошло и пятнадцати минут, как в приемной очутилась жена шефа, надо сказать, весьма достойная восхищения особа. О таких говорят: умеет себя подать. Она умна, горда, непокорна, отлично водит автомобиль и одевается.

- Здравствуй, Марк, – сказала она и указала пальцем на дверь кабинета. – У себя?

– Поехал на деловую встречу... – ответил Марк, копясь в бумагах для виду. Стыдно лгать в глаза, причем человеку, который легко распознает ложь. – Вы разминулись совсем немного...

Наталья постояла в раздумье, неожиданно села в кресло, закинув ногу на ногу, и нацелила в Марка взгляд председателя трибунала:

- Где у него встреча?

– Не сказал, – нахмурился он, чувствуя неловкость. Впрочем, Марк действительно не знал, где ее Филипп.

Наталья достала сигарету, повертела головой, что-то ища. Он встал из-за стола, поставил на столик пепельницу и щелкнул зажигалкой. Она не поблагодарила, а подняла на него требовательные глаза, пронизывающие насквозь:

– Марк, кто она?

– Не понимаю, – прикинулся он достаточно искренно.

– Не притворяйся. Ты знаешь, кто она, но прикрываешь шефа.

Что он мог сказать ей? Только правду:

– Я не знаю.

Наталья загасила выкуренную до половины сигарету, ушла, не попрощавшись. Да, есть о чем беспокоиться: ее Филипп, безусловно, нравится женщинам, и дело не в деньгах, а в его незаурядности. Несмотря на сорок пять лет, он подтянут, с волевым характером, талантлив, удачлив. Внешность, конечно, спорна, но женщины к нему равнодушны, как и он к ним, в общем, жене шефа совсем чуть-чуть не повезло.

Прошла неделя, а она не звонила. Прошел месяц, а она не звонила. Шеф стал угрюмым, иногда грубым и нетерпимым. Марк сделал вывод: у него с той женщиной все кончено, Филипп Осипович переживает. Переживал и он – нечто щемящее, но украшающее повседневность исчезло, наверное, исчезла тайна, привлекающая тем, что она будила воображение.

Прошло два месяца, три... Шеф подобрел, а она не звонила. Постепенно из памяти стирался ее голос, Марк все реже и реже вспоминал о ней, лишь когда Нелька молчала, что бывало крайне редко. Тогда-то Марк и представлял, что Неля – это она, соответственно, и манеры у нее другие, движения плавные, любит по-другому, как и он ее. Но стоило встретить задорный взгляд Нельки, как созданный им образ рассеивался, да и какая из нее женщина? Это – девчонка, которая, вероятно, никогда не повзрослеет.

В октябре Марк отправился на базу отдыха за счет компании. Ехать не хотел. Но предлагали поездку с коллегами по работе в горы. Тогда он предпочел базу поближе к городу, откуда, если не понравится, можно слинять, а не терпеть скуку, чего не сделаешь, будучи в горах. Место оказалось тихое, народу было мало, в основном пожилые женщины. Небольшие домики с вполне приличными номерами. Проскучав полдня, Марк решил: «Завтра еще погуляю здесь, а к вечеру – домой. И Нелька звонила, скучает без меня».

Ужин приятно удивил – приготовлен был, как в ресторане высокого уровня. И вдруг за спиной он услышал:

– Я нечаянно проспала. Что тут у нас сегодня?

Голос! Ошибиться он не мог, слишком хорошо выучил этот редкий тембр, да и внезапное волнение подсказало: она.

– Ну, что же вы, все уже остыло, – сказала пожилая женщина и глупо захихикала. – А после ужина – танцы.

– Вы любите танцевать? – опять она.

– Когда-то любила. Да и сейчас не прочь, если партнер умелый...

Марк не слушал болтовню старухи, он слышал лишь голос знакомой незнакомки и улыбался, гадая, как она выглядит: такая, какой он ее себе представлял, или она абсолютно другая? Его тянуло обернуться, но стоит ли разрушать иллюзию конкретным лицом? Стоит ли разочаровываться, увидев не женщину-мечту? Марк не доел ужин, ушел, не взглянув на соседний столик, танцы не посетил, хотя его тянуло посмотреть на нее. Но это уже началась игра с самим собой, привнесшая некую остроту в его скуку.

Встал Марк рано, надумал прогуляться по базе, хотя погода стояла не очень-то – было пасмурно. Но что здесь еще делать? Он ходил по опавшим листьям, блуждая взором по окрестностям, вырулил к причалу и остановился. На скамье лицом к реке, спиной к нему сидела женщина. Что-то толкнуло в грудь: она. Марк хотел было повернуть назад, но заметил белые волосы, собранные в пучок на затылке. Неужели он только по голосу в телефонной трубке угадал, что она блондинка? Разве так бывает? Ему стало интересно, насколько совпадают или не совпадают ее черты с его портретом, он подошел ближе, став за ее спиной.

– Вам не холодно у воды?

– Нет, – ответила она, повернув к нему лицо. – Еще очень тепло.

Невероятно, но именно такой Марк видел ее в своем воображении: плавные линии лица, изящные черты, мягкие губы, грустные светлые глаза, в которых особо выделялись зрачки, уходящие куда-то в глубину. Но куда они уходили? В нее или в того, на кого она смотрела?

– Разрешите?

– Садитесь. – И она сдвинулась чуть вбок, хотя места было предостаточно.

– Меня зовут Марк, – представился он, оседлав скамью.

– А меня Айна.

Айна... Да, у прекрасной женщины с голосом сирены должно быть и имя необычное. Конечно, Айна старше его, наверняка – мудрее, но это ничего не значит, судьба привела Марка к ней, следовательно, так надо.

Разговорились. От нее веяло сдержанностью и покоем, она не старалась ему понравиться, а он старался, потому говорил много. Вместе сходили на завтрак, потом гуляли по окрестностям до обеда. Марк передумал уезжать. Так прошел день, затем второй...

Листья засыпали еще зеленую траву плотным покровом. Айна лежала, закинув за голову руки и глядя в блеклое, почти белое небо, Марк – на боку, подперев голову рукой. Ему хотелось неотрывно смотреть на нее и слушать, а она говорила:

– Иногда мне кажется, что я жила однажды и все происходящее со мной уже было. Я знаю и то, что будет. С тобой так бывает?

Он наклонился и поцеловал ее, поцеловал в мягкие губы, но не получил встречного поцелуя, Айна осталась холодной и в этой холодности непрístupной.

– Я знала, что так будет. – Она села, отряхнула со свитера листья, строго посмотрев на него, сказала: – Идем, пора.

Куда пора? До ужина времени – полно, но Марк подчинился. Шли молча, не торопясь. Он не понимал, как отнеслась Айна к его порыву, чувствовал себя мальчишкой рядом с ней и ее рабом. Прикажи она – он безоговорочно выполнит приказ, только бы с ней быть. При всем том у него не проходило ощущение, что это – его время и будет так, как он хочет.

Айна ушла в свой домик, Марк остался, забежав под навес – накрапывал дождь, осенний и промозглый. Снова ему подсказала некая сила: не уходить, потому что через полчаса он увидел, как она выбежала из домика с чемоданом. Марк тихонько пошел за ней. Она села в «Пежо» (кстати, эту машину он помогал выбирать шефу), круто развернулась и понеслась...

– Стой! – бросился Марк наперерез.

Айна едва успела затормозить, слава богу, тормоза были в порядке, иначе она сбила бы его. Испугавшись, Айна упала на руль лбом. Марк забрался в салон.

– Ты с ума сошел, – выговорила она. – Я могла тебя убить.

Он взял ее за плечи, повернул к себе и неистово целовал ее лицо, взяв его в ладони, целовал губы, видя уже не холодные глаза, а растерянные и немного удивленные. Марк шептал под барабанную дробь дождя:

– Не убегай от меня... не убегай... ты так нужна мне...

Ночь он провел у нее, это было сильнее, чем в его мечтах, ведь соприкоснуться с живым телом, почувствовать горячее дыхание Айны и вдыхать ее запах – это было много ярче его фантазий. Он не выпускал ее из рук ни на минуту, прижимал к себе и боялся уснуть, чтобы потом, проснувшись, вдруг не увидеть ее.

– Ты долго еще здесь пробудешь? – спросил Марк.

– Я приехала на десять дней, чтобы побыть одной, осталось пять.

– А мне послезавтра на работу, – вздохнул с сожалением он.

– Где ты работаешь?

Скажи он – референтом у известной ей личности, и Айна догадается, с кем она разговаривала, когда звонила в приемную, поймет, что Марк знает о ее отношениях с его шефом.

– В рекламной компании, менеджером, – солгал.

– Я хочу пить. На тумбочке вода и стакан, подай, пожалуйста.

Марк взял бутылку и стакан, что-то задел, кажется, пузырек, закатившийся под кровать.

– Что-то упало, я подниму...

– Это мои таблетки, держу на всякий случай, потом найду.

– Что за таблетки? От чего? – Ему хотелось знать о ней все.

– То мигрень, то аллергия, то бессонница.

Она пила воду, постепенно запрокидывая голову, несколько капель пролилось с подбородка на грудь...

Дрожащая Нелька стояла напротив и была уже далекой, чужой, ненужной.

– Но почему? – дрогнул ее детский голосок. – У тебя кто-то появился?

Ложь – это надежда, а Марк не хотел давать ей надежду:

– Да. Я встретил женщину.

– Ты не можешь так поступить... – не верила Нелька. Она – быстрая во всем, что бы она ни делала, и так же быстро из ее глаз выкатились слезы, промчались по щекам, неожиданно задержались на подбородке.

– Наверное, есть другая причина?

Трудно давалось объяснение, Марк поспешил уйти от этой муки:

– Нет, других причин нет. Прости, так вышло.

– Это подло! – крикнула она ему в спину. – Ненавижу тебя, ненавижу!

Пусть так, ненавидеть – ее право. Теперь Нелька позади и забыта, а впереди – дорога. Он ездил на базу каждый день после работы, рассуждая над удивительными поворотами, случающимися в жизни. Выходит, если очень чего-то желать, шанс предоставляется. Мысль окрыляла, открывала перспективы, рождая новые безумные идеи. Айна не верит в судьбу, а Марк поверил: именно судьба устроила им эту встречу.

Остановившись на парковке базы, Марк издали заметил Айну и незнакомого мужчину, они о чем-то горячо спорили. Когда он достаточно приблизился, мужчина оглянулся на него и пошел к выходу с базы.

– Кто это был? – поинтересовался Марк, глядя ему вслед.

– Муж, – ответила Айна. – Мы разошлись два года тому назад, а он никак не может успокоиться.

Два года... А с шефом она встречалась три года, значит, бросила мужа из-за него, с шефом тоже не сложилось, быстро вычислил Марк. Но у них все будет по-другому, у них это – навсегда.

Минуло три месяца. Несмотря на полный штиль в их отношениях, Марка немного настораживало, что Айна не стремилась видеться каждый день, объясняя это так:

– У каждого человека должно быть свое пространство во времени.

Она же отказалась жить вместе, мол, скоропалительные решения ведут к разочарованиям. Ему ничего не оставалось делать, как принять ее условия и жить с надеждой, что когда-нибудь она поймет: он незаменим для нее.

В середине января раздался звонок в приемной, Марк поднял трубку.

– Мне нужен Филипп Осипович, он ждет моего звонка.

Словно молния пронзила Марка – голос Айны!

– Минуту... – выдавил он и соединил ее с шефом.

Впервые Марк изменил своему правилу – не подслушивать: он должен был знать, что творится за его спиной...

– Я слушаю, – сказал шеф.

– Филипп, я не могу без тебя. Приезжай хотя бы на час.

В паузе Марк чувствовал, как по его спине катится струя пота, а голову охватил пожар: ведь после этой паузы будет вынесен шефом приговор ему. В ту длительную минуту он мысленно посылал сигнал: откажись, откажись...

– Сейчас приеду, – сказал шеф. Марк упал на стул, через некоторое время услышал позабытую фразу: – Для всех я на деловой встрече.

И – все. Но Марку не верилось, что так легко наступает конец, он едва обуздал порыв – кинуться к Айне, проверить, у нее ли шеф? К счастью, сохранилась частица благоразумия, не позволившая ему совершить этот опрометчивый поступок. Допустим, он застанет их вместе, и что тогда? Не лучше ли услышать все от самой Айны? Так он и прожил до следующего дня в агонии. Вечером встретился с Айной у нее...

А все осталось, как прежде. Ничего не изменилось! Марк засомневался: она ли звонила? Сколько похожих людей – не отличить, так неужели нет и похожих голосов? Прошла неделя, а она ни намеком не дала понять, что хочет бросить его. Марк принял рациональное решение: если даже Айна ведет двойную жизнь, то ему знать об этом необязательно, все равно она придет к тому, что нужен ей только Марк.

– Пиши... – бросил капитан Носов милиционеру, прохаживаясь по квартире. – А какое сегодня число?

– Тридцатое января, – ответил юноша, заполнявший протокол.

– Пиши число, год, время...

Носов – распространенный тип из милицейской среды: невысок, с невыразительным лицом и за пятнадцать лет службы слегка уставший от трупов. Он продиктовал, где и как найдено тело, остановился у кровати, склонил голову набок, рассматривая женщину, лежавшую на темно-зеленых шелковых простынях.

...Над ней шаманил эксперт Корик – молодой, а уже умный, во всяком случае, дело свое знавший неплохо. Собственно, дальше Корик будет диктовать «протоколисту», что и как, а Носов займется другими подробностями, потом их внесут в протокол. Он повернулся к понятиям, спросил женщину лет пятидесяти:

– Это вы нашли ее?

– Да. Я – соседка, утром вышла собаку прогулять, смотрю – дверь приоткрыта. У Айны замок заедал, часто не защелкивался. Я подумала, она всю ночь провела с открытой дверью, вошла и сначала решила, что

ее нет дома. Как тут уйдешь? Сами посмотрите: здесь есть что взять нечистым на руку людям. А потом я заглянула в спальню... Скажите, ее убили?

– Пока следов насилия не обнаружено, – сказал Носов.

– Но с чего бы ей умирать? – возмутилась соседка. – Айна крепкая была, молодая, на здоровье не жаловалась.

Носов невольно обратил взор на обнаженную фигуру, выделяющуюся на темном фоне простыней белизной кожи. Белые кудри рассыпаны по подушке, голова слегка запрокинута, а лицо и фигура – наверняка она вызывала зависть у женщин и похоть у мужчин. Правда, когда была живой. Действительно, с чего бы ей умирать? Но, как говорится, каждому свой срок.

Его отвлек Корик:

– Смерть наступила примерно в семь-восемь часов вечера. Рановато она улеглась в постель.

В это время вышел опер, позвал Носова. На кухне он указал на идеально чистый стол, на нем красовались вскрытая банка консервов и вилка.

– Кальмары, – прочел Носов надпись. – Банка почти пустая. На столе ни крошки... Видно, голодная была, если проглотила почти всю банку без хлеба.

– У меня такое впечатление, что она кого-то ждала. Смотрите... – Опер открыл холодильник. Показал на тарелки, закрытые полиэтиленовыми пленками. – Нарезала колбасу, мясо, сыр, все аккуратно уложила, украсила маслинами и зеленью. А вот бутерброды с икрой и семгой. Согласитесь, для обычного ужина икра – это круто. И... – Он открыл морозильную камеру. – Шампанское! В морозилке! Его охлаждают непосредственно перед употреблением.

Носов повернулся к столу:

– Приготовила шикарный ужин, а сама проглотила банку кальмаров?

– Не для себя же она готовила, – возразил опер. – Наверное, ее голод замучил.

Заложив руки за спину, Носов думал, поджав губы и осматривая кухню, о нелепой банке и идеальной чистоте. Даже вилку не помыла, банку не выкинула, а отправилась в постель. Нехарактерно такое для педантичных людей! Ничего подозрительного не заметив, Носов вернулся в спальню.

– Вот что мы нашли. – Криминалист аккуратно держал в руках небольшие баночки.

Носов присмотрелся к надписям, выпятил губу:

– Снотворное?

– Не только, – ответил эксперт. – У этих препаратов широкий спектр действия, например седативное, противоаллергическое, против отеков, кожных заболеваний, даже против сенной лихорадки и так далее. Но отравиться ими – запросто.

– Почти пустые, – констатировал Носов. – Значит, она приготовила шикарный ужин, скушала кальмаров, а затем наглоталась таблеток?

– Что там она проглотила, посмотрим в морге, – сказал Корик. – А пока налицо цианоз – синеватая окраска лица и шеи, точечные кровоизлияния в конъюнктиву. Похоже, девушка умерла от асфиксии.

– Значит, убийство? – подхватил Носов.

– Не вижу признаков убийства, во всяком случае, руками ее не душили, да и подушкой – вряд ли, остались бы признаки удушения, а их нет. Не будем гадать, вскрытие покажет, от чего она умерла.

– Посмотри, сперма есть? А то лежит голая, на все готовая...

Эксперт продолжил исследование трупа, а Носов переключился к соседке. Он уперся локтем в стену, ладонь положил на затылок (голова с утра болела, правда, не от вчерашнего, скорее, из-за погоды) и поинтересовался:

– Вы дружили?

– Ну, так, по-соседски, немного.

– Мужчины у нее были?

– Разумеется, – фыркнула соседка, отчего-то закотив глаза. – Она не монашка, мужики сами к ней липли. Но Айна не какая-то там...

– Понятно, – перебил он. – Конкретно: кто приходил?

– Как Айна сюда переселилась, ходил к ней один пару раз в неделю. Он и квартиру ей купил, когда она с мужем развелась, и машину. Солидный такой мужчина, лет сорока – сорока пяти, с проседью, наверняка бизнесмен, имя... Филипп. Больше ничего не знаю, Айна неохотно говорила о нем, а я стеснялась расспрашивать. Потом долго его не было, у нее появился молодой человек, Айна еще смеялась, что он боготворит ее...

– Она с ним спала?

– Естественно, – раздраженно ответила соседка, которой не нравились бестактные вопросы. – Если вам

так нужно знать, то в постели этот мальчик – бог, не в пример мно-огим мужикам!

Носов чутко уловил недосказанность, да и того, что женщина сообщила, было достаточно, чтобы спросить:

– Что же ее не устраивало в боге?

– Возрастная разница, хотя это никак не проявлялось. Да и вообще, Айна тянулась к своему бизнесмену.

– Понятно, – кивнул Носов.

– Что вам понятно, что? – наехала на него соседка. – Думаете, из-за денег она? Так нет!

– Как выглядит мальчик-бог?

– Высокий, симпатичный... даже красивый... Я с ним незнакома, но зовут его Марк. Айна только с мужем меня знакомила...

– И он заходил? – изумился Носов, так как в России супруги после разводов часто становятся заклятыми врагами.

– По-дружески.

– Айна скандалила с кем-нибудь из них?

– С мужем... спорила. Он надеялся, что она одумается и вернется к нему, Айна же ему говорила, что разбитый горшок не склеить. Но один раз...

Она замялась. Носов настойчиво потребовал:

– Что? Говорите, говорите!

– Женщина к ней пришла. Это было в начале прошлого года, примерно в конце февраля. Я вывела собаку и вдруг услышала, как она орет у Аины в квартире.

– Что конкретно она орала?

– Ну, оскорбляла Аину всякими нецензурными словами, кричала, чтоб та оставила мужа в покое, иначе она ее раздавит, как гадюку. А по мне так: если мужик бегаёт, то виновата женщина. Я со своим тридцать лет прожила и никогда не слышала, чтобы он от меня к другой бегал.

– А что Айна в ответ говорила?

– Молчала. Не умела она отпор дать, чересчур мягкой была. После прихода этой бешеной бабы Айна у меня плакала и сказала: раз мужчина не решается сделать выбор, то лучше распротиться с ним, а то он до старости так и будет думать. Через полгода появился Марк.

– И больше бизнесмен не захаживал к ней?

– Пару раз я его видела...

– Когда?

– Недавно. В этом месяце.

– А вчера вы никого не видели?

– Уж извините, не торчу под чужой дверью.

Вторая соседка ничего не добавила, лишь молча хлопала глазами да пожимала плечами. А тут еще Корик Носова озадачил:

– Был у нее половой контакт с мужчиной. Но скажу: никто ее не принуждал, не насиловал, все состоялось по обоюдному согласию.

– То есть следов насилия нет? – уточнил Носов.

– Ни в малейшей степени.

– Но все-таки кто-то был у нее. Леха! – крикнул Носов. Появился опер. – Поищи консервный нож, чем-то ведь вскрывались консервы, может, остались отпечатки? Странно... Следов насилия нет, асфиксия налицо... От чего же смерть наступила?

Эксперт пожал плечами, а молодой опер, писавший протокол, цинично хихикнул:

– Задохнулась от счастья, когда ее... кхм, кхм.

Шеф несколько раз обращался с просьбами к Марку, тот выполнял свои обязанности механически, но тщательно. За час до конца рабочего дня Филипп вышел из кабинета, стремительно направляясь к выходу, бросил:

– Я на деловой встрече.

Никто не звонил в приемную, не говорил знакомой фразы: «Мне нужен Филипп Осипович, он ждет моего звонка». А «деловая встреча» возникла?

Дверь захлопнулась. Марк смотрел на нее и видел спину шефа, хотя тот давно уже спустился и, возможно, уехал на своем автомобиле. Для него ничего не изменилось, жизнь течет своим чередом, он так же озабочен производством и прибылями, его расстраивают неудачи. Как будто Аины не было! А она была.

– Ты виноват, – процедил Марк в адрес шефа. – И я тебя уничтожу.

Он досидел до конца рабочего дня, домой шел пешком, хотя это далеко. Под ногами чавкала грязь, перемешанная с мокрым снегом, влажный холодный воздух проникал под одежду, туман сгущал ночь. Около дома Марк постоял, словно что-то забыл сделать, не вспомнив, шагнул к подъезду. Тут-то и налетел на него некто, схватил за грудки, прижал к стене спиной и прорычал в лицо:

– Что ты с ней сделал? Говори!

– Вы кто? – Марк не скрыл, что напуган нападением, но он же не трус, испуг был вызван внезапностью.

– Я муж Айны, Вениамин, – рычал мужчина и тряс Марка. – Что, что ты с ней сделал? Почему она умерла?

Марк был молод и силен, резким движением он сбросил руки мужа Айны, оттолкнул его со словами:

– Спроси у моего шефа, псих! А мне она была дорога так же, как тебе.

И зашел в подъезд.

Вениамин воспользовался советом обожателя жены и на следующий день подкараулил Филиппа, когда тот выбирался из автомобиля возле элитного дома, в котором жил. Вениамин налетел как ураган, втолкнул его назад, потеснил и сел на место водителя:

– Поговорить надо!

– Ты что себе позволяешь? – взбесился Филипп, доставая мобилу. – Кто ты такой?

Налетчик применил другую тактику, нежели вчера, понимая, что на крутого мэна он не тянет, правда, крепко схватил за руку господина Филиппа:

– Спокойно, я не собираюсь тебя ни убивать, ни грабить. Айна была моей женой, бросила меня из-за тебя. А теперь скажи, как ты ее убил?

– Я?! Я убил?! – Филипп разозлился. – Подлечись, товарищ...

– Я тебе не товарищ, – огрызнулся Вениамин. – Ты был у нее двадцать девятого вечером и что с ней сделал?

– Чушь, – фыркнул Филипп. – Кто тебе сказал, что я был у нее? Кто меня видел? Когда? Может, ты с кем-то меня спутал?

– Не хочешь говорить... – криво усмехнулся Вениамин, хотя все эти замашки братков были ему чужды.

– Ну, это понятно, ни один преступник не сознается в содеянном. Хорошо, я докажу, что ты был у Айны и убил ее!

– А может, ее убил ты? – нашелся Филипп. Увидев, что муж Айны смутился или растерялся, он продолжил строить свою версию: – Ты никогда не оставлял ее в покое, подкарауливал, как сейчас меня, доставал ее нытьем и угрозами вернуться. Ты ревновал ее, хотя вы давно разошлись. Ревновал и бесился. А однажды... двадцать девятого! В состоянии аффекта ты прикончил Айну и теперь боишься, что твое преступление вскроется, вот и перебрасываешь его на меня.

– Я не убивал ее, – процедил Вениамин.

– Я тоже. Ну-ка, пошел вон из моей машины!

Носов после первой же фразы бывшего мужа, озабоченного смертью бывшей жены, поднял брови:

– На каком основании вы требуете завести уголовное дело?

– Убийство! Я уверен, Айну убили...

– Стоп, стоп, – поднял ладони Носов. – Вы знаете, что современная экспертиза – достаточно мощная научная процедура?

– Медицинская экспертиза? – нервно уточнил Вениамин, но ответ ему не понадобился, он тут же кивнул: – Да, знаю. И что?

– Так вот, факта убийства экспертиза не установила.

– Не может быть, – потрясенно произнес Вениамин. – Нет... От чего же тогда умерла Айна?

– Асфиксия, – развел руками Носов, мол, дело житейское.

– Значит, ее задушили! – излишне возбужденно воскликнул Вениамин.

– Нет, – вздохнул Носов с легким стоном.

– Как – нет?! Асфиксия – это удушье.

– Удушье, – поправил его Носов, словно это – две огромные разницы. Он чеканил слова, отбивая окончания фраз ладонью по столу. – Вашу жену не душили ни руками, ни шнурками, ни веревками, ни подушкой. А возник острый отек гортани и спазм бронхов. Отек гортани и бронхов привели к удушью. Смерть наступила в результате отека легких.

Вениамин внимательно вслушивался, но, кажется, ничего не понял, потому что следующий его вопрос

был:

– Эти отеки... отчего они возникли?

Вопрос, конечно, логичный, но он являлся камнем преткновения. Носов сам находился в недоумении, да что там он! Эксперты – и те не поняли, какая такая напасть приключилась со здоровой женщиной, что у нее возникли смертельные отеки.

– Причина отеков неизвестна, – пришлось сказать настырному мужу.

– Слабовата ваша судебно-медицинская экспертиза, – заметил Вениамин. – Умер человек, обнаружилось изменения в состоянии его организма, а причины изменений мощная наука не нашла? А отравление? Вы проверяли?

Ну и тяжело же с родственничками: подай им убийцу, хоть сам его роди! Однако жалко мужика.

– Мысль была об отравлении, – сказал терпеливый Носов. – Но ни ядов, ни наркотических веществ, ни других препаратов в крови и органах не обнаружено. Отсюда следует, что нам не имеет смысла искать виновных в смерти вашей жены. Может, у нее приступ астмы возник...

– Не было у нее астмы!

– Когда-то все случается впервые.

Незадачливый муж опустил голову, некоторое время молчал, видно, глубоким было его разочарование, потом тихо заговорил, как на исповеди:

– Она была удивительной! Неповторимой и неподражаемой. Мне нравилось смотреть на нее, когда она занималась каким-нибудь делом. Айна все делала скрупулезно, неторопливо, получая удовольствие от занятий. Это был творческий процесс, и во все она вносила эстетику. Айна не нарежет хлеб и колбасу абы как, не сядет ужинать, если не сервирован стол. Нет, это не мания, просто она была такая: получала удовольствие от жизни даже в мелочах. Никогда не скандалила. А своенравие у нее имелось. Но проявлялось оно только в поступках, потому что Айна считала: правильно – не лгать. Притом своенравием никого не оскорбляла, даже я не смог оскорбиться, когда она ушла от меня... Но так не бывает, чтобы человек ушел из жизни, которую он любил, по неизвестным причинам.

– Слушайте, да почитайте сами протоколы экспертизы и с места обнаружения трупа, они не тайна в данном деле. Вам все станет ясно.

Вениамин углубился в чтение, низко склонившись над листами, хотя не был близорук. Носов отошел к окну, серая улица его не привлекла, он повернулся и смотрел с состраданием на человека, попусту ломающего копья. Он составлял мнение о муже, которое возникает у каждого человека при первом знакомстве, а у Носова это вошло в привычку. Явно Вениамин зануда (интеллигенты все занудливые), к тому же, как говорят, – ни лица у него, ни фигуры, пегий, невзрачный. Разве удивительно, что его бросила красавица жена, и вообще, какого черта она вышла за него замуж? Но, может быть, в нем есть скрытые достоинства, не сразу бросающиеся в глаза? Например, преданность... Или это эгоизм, когда одна половина не позволяет второй половине жить, как той хочется? Сложно сказать. Они с Айной развелись, а разводятся ставшие чужими люди, но Вениамин почему-то и после смерти не отпускает жену. Зачем он требует завести дело там, где его не может быть? Во всепрощающую любовь Носов не очень-то верил, как-то не попадалось ему убедительных примеров.

– Вы похожи на изобретателя, – вдруг высказал некую мысль вслух Носов.

– Верно, – не отвлекаясь, ответил тот. – Я был изобретателем в науке, но потом... стал торгашом, как большинство мелких предпринимателей.

– И как, удачно?

– С переменным успехом. Что за консервная банка и вилка? – поднял на него глаза Вениамин. – Почему вы уделили внимание какой-то консервной банке? С вилкой?!

– Читайте, там дальше написано. Я заставляю заносить в протокол все, что попадает в поле зрения, или нечто непонятное, чтобы потом не было претензий к нам. В холодильнике вашей жены находился... точнее будет сказать – праздничный ужин: бутерброды с икрой, мясная нарезка, а консервная практически пустая банка стояла на чистом столе, рядом лежала вилка. Несколько странно: иметь запас уже готовых продуктов и, проголодавшись, не съесть хоть один бутерброд, не так ли?

– Действительно, – согласился Вениамин.

– И ни крошек хлеба, ни тарелки, видимо, ваша жена ела прямо из банки.

– Кхе! – хмыкнул Вениамин. – Айна – из банки?.. Шутите? Да она чай не станет пить из кружки, только из чашки с блюдцем, а вы говорите...

– Ну, тогда их съел тот, кто побывал у нее.

– Значит, у Айны кто-то был! – возликовал Вениамин. – И я знаю, кто. Мне известны все мужчины Айны. Или Филипп Осипович Пашков, или его референт Марк...

Носов уже терял терпение с упрямым, поэтому перебил его:

– Съесть банку консервов – не преступление.

– Вообще-то, да, – нехотя согласился подозрительный муж.

Он принялся читать дальше, Носов достал сигарету. В кабинетах не курят, но это был намек: я устал, хочу курить, а вы, бывший муж, идите себе. Как вдруг он вздрогнул от неожиданного вскрика:

– Кальмары?!

– Да, кальмары, – буркнул Носов и предупредил: – Если вы будете так кричать, то умру я. От инфаркта.

– Извините... Айна не могла съесть кальмара, ни в каком виде!

– То есть?

– У нее на некоторые виды продуктов аллергия, а кальмары для Айны – смертельно опасная еда.

– Смертельно опасная еда? – с недоумением переспросил Носов, однако заинтересовался: – Что-то я такого не слышал. Ну, пищевая аллергия есть у многих, но смертельный...

– Однажды мы были в Испании, отдыхали, – зачастил Вениамин. – Вдруг Айна попала в больницу с отравлением. Температура была под сорок, давление упало, появились сыпь, отеки, изменился состав крови... Я даже помню формулу... Повысился гистамин, а это, кажется, главный показатель аллергии. Еще – адреналин, серотонин... Доктор сообразил, что это аллергическая реакция, Айну показали аллергологу. Там же, в Испании, установили причину реактивной реакции, хотя это длительный процесс, аллерген выявить очень сложно. Но Айна и помогла его выявить, мол, когда ее спросили, что она ела. Паэлью! Это что-то вроде плова. Стали перечислять компоненты, мол, как ее организм относится к этим продуктам? А там – креветки, мидии, рыба, морской гребешок, осьминоги...

– Угу, полный набор морских гадов.

– Почему? В это блюдо и курицу кладут... И кальмары! Вот что важно! Айна сказала, что кальмаров она не переносит, ее тошнит от них, но подобного отравления никогда не случалось, впрочем, она и не ела их. В меню-то не вписали состав продуктов! Да если б и вписали, мы испанского не знали. Нам посоветовали попробовать это блюдо, а присутствия в нем кальмаров Айна не заметила. Короче говоря, доктор предупредил ее, чтоб она тщательно следила за тем, что ест, ни грамма кальмаров не должно попадать в ее организм, иначе дело кончится летальным исходом... Он так и сказал: возможны сильные отеки гортани и легких... Выходит, Айна все-таки... Не может быть! Или их ей подсунули?

Ну, да, у Вениамина одна идея буравит мозг: убили. Открывали Айне рот и забрасывали туда один кусок кальмара за другим. Одних убивают пулей или дубиной, а его жену кальмарами. Тем не менее! Носов читал протокол вскрытия невнимательно, ему достаточно было выслушать эксперта, а не вникать в подробности. Поэтому, чтобы не тратить время на чтение, он позвонил «заведующему трупам», как часто именовали Корика:

– Я, это... о причинах смерти женщины, найденной в квартире: выяснилось новое обстоятельство. Слушай, это не могла быть аллергическая реакция? Как рассказал муж, у нее имелся рецидив из-за кальмаров. Мы и нашли банку именно с этим морским гадом у нее на столе.

– За кого ты меня принимаешь? – получил он ответ, означавший, что Корик исследовал труп вдоль и поперек. – Это была первая мысль, когда я вскрыл ее. Несколько десятков лет тому назад такое и в голову не пришло бы, потому что аллергетики встречались реже, но сейчас каждое десятилетие их число удваивается, симптомы усугубляются. Есть такая штука – анафилактический шок, самое грозное из аллергических проявлений. Основная его черта – внезапность возникновения, смерть может наступить в считанные минуты в результате отеков, резкого снижения давления и нарушения кровоснабжением жизненно важных органов.

– А что не так? – нетерпеливо перебил Носов.

– То, что аллерген должен как-то попасть в организм.

– Его там не было? – Носов, похоже, попал впросак.

– Она ничего не ела перед смертью, в протоколе об этом написано. Она поела где-то часа за четыре до смерти, и все. А шок – на то и шок, он наступает сразу, следовательно, она должна была проглотить хотя бы кусочек морского гада.

Носов положил трубку на аппарат. Он вынужден был разочаровать Вениамина:

– Не ела ваша Айна кальмаров, вообще ничего не ела задолго до смерти. Состава преступления нет.

Впрочем, он тоже был разочарован и озадачен, ибо смерть обнаженной женщины на зеленой постели оставалась делом весьма таинственным.

...Несколько дней прошло, как один. Филипп, заморочив жене голову ложью, ехал вечером к новой любовнице. Айна была великолепна, но требовала невозможного. Он поставил машину в сторонке, чтобы не бросалась в глаза, взял цветы и пакет – явно с провизией, направился к подъезду через двор.

Его преследовал Марк, и, как только Филипп очутился на середине пути, Марк выскочил из своей

машины, пробежал несколько метров, став точно напротив подъезда. Вытащив пистолет, он прицелился в спину шефу, как вдруг кто-то буквально упал на его руку. На секунду Марк остолбенел, затем начал вырывать руку с пистолетом:

– Пусти!

– Не смей, дурак, мальчишка! – рычал некто прямо ему в ухо, пытаясь отобрать пистолет.

Шеф скрылся в подъезде, оружие уже было ни к чему, и Марк позволил забрать его, гневно процедив:

– Кто вы такой? Откуда взялись?

– Я муж Айны.

В темном дворе лица мужчины не было видно, но говорил он виноватым тоном, и ответ его нисколько не смутил Марка, лишь разозлил:

– Зачем? Зачем вы вмешались? Теперь опять придется выбирать день и час! Ну, какое вам дело?

– Ты хотел убить, – сказал Вениамин.

– Хотел, – внезапно сник Марк. – И что? Он виноват, что Айны нет...

– Знаю...

Завизжали колеса, у подъезда, куда вошел Филипп, резко остановился автомобиль, из него вышла женщина и напрямик бросилась туда же, в подъезд.

– Это жена шефа, – удивленно вымолвил Марк.

– Идем, – сказал Вениамин. – Ему сейчас и без нас достанется.

Они шли по улицам, вначале долго молчали. Главное – куда шли, зачем и почему вдвоем? Не ответили бы оба, а недоуменно пожали бы плечами, задай кто-то им эти вопросы. Падал мокрый снег и, попадая на разгоряченные лица, таял. Снег засыпал волосы Марка, он стряхнул липкую шапку с головы рукой и вспомнил:

– Моя машина осталась там...

– Идем обратно, – предложил Вениамин. – Моя тоже там стоит.

Оба развернулись и, не прибавив шагу, двинулись в обратном направлении. Марк косился на невысокого мужа Айны, не понимая, что она в нем нашла? Воспаленные мысли сменяли друг друга, одна из них сорвалась с языка в виде вопроса:

– А вы что там делали?

– Решил поговорить с ним. Они не хотят заниматься этим делом.

Бессвязные фразы. Марк понял только первую, вторую – нет:

– Кто не хочет?

– Милиция. Нет факта преступления! А я думаю... чувствую... нет, знаю! Для Айны подстроили смерть. У нее нашли банку консервов.

– Консервов? И что? Что в них особенного?

– Кальмары. Ей категорически нельзя их есть, однажды она чуть не умерла от этого. Да, Айну заставили съесть эту гадость! Но что удивительно... В ее организме их не было. А симптомы шока – были, я читал в протоколе.

– Может, она сама отравилась?

– Нет. Айна не хотела умирать, она решила вернуться ко мне.

– К вам?! – изумился Марк, даже остановился, чтобы получше разглядеть этого человека. – Она наладила отношения с шефом, но меня не прогоняла. Признаюсь, мне не хотелось ее с кем-то делить, но что было делать? Только ждать. К тому времени у шефа появилась новая любовница, я надеялся, Айне станет это известно, и она его бросит.

– Он готов был бросить новую, но чтобы все осталось, как раньше. То есть жену и детей Филипп не хотел бросать. Возобновился старый конфликт: Айна не согласна была оставаться вечной любовницей, позвонила мне и сказала, что вернется. Но просила подождать несколько дней, за это время хотела в себя прийти. Он был у нее в тот вечер, хотя и отрицал это. Но теперь это мне точно известно.

– Точно? Откуда?

– Я сделал то, чего не предприняла милиция, – опросил соседей. Филиппа видел мужчина с верхнего этажа, он выходил от Айны.

– Чего же вы хотите от него добиться? Признания? Глупо. А если вы ему скажете, что его видел сосед, он...

Марк замолчал, но Вениамин понял, о чем он умолчал:

– Убьет меня?

– И соседа, – буркнул Марк.

– Во-первых, я не сказал бы ему, в какой квартире живет сосед, во-вторых, мне хотелось посмотреть

ему в глаза, когда я уличу его. И пойму...

– Значит, вы сомневаетесь?

– Нет. Но это же хорошо, если он попытается убить меня, а? – невесело рассмеялся Вениамин, хлопнув Марка по плечу. – Значит, он намеренно убил Айну, а не по неосторожности. Но я хочу знать, почему. И еще, как он это сделал. Ничего, я соберу факты, я докопаюсь и докажу, что это убийство, будь уверен!

Пора было разойтись по машинам, но они стояли друг напротив друга и молчали. Обоим не хватало Айны, оба не испытывали ни ревности, ни ненависти: ее смерть, наверное, сроднила их.

Обхватив подбородок пятерней, Носов с подозрительной улыбкой слушал Филиппа Осиповича и, когда тот закончил отнекиваться, добил его:

– Есть свидетель, видевший вас.

– Что?! – побледнел Филипп: ведь это было прямое обвинение. Почти прямое. Мысль заработала в одном направлении: отсюда ему не выйти – не выпустят, короче, он попался.

– В тот день вас видели именно вечером, вы выходили от нее.

И Носов замер с выражением лица: вот я тебя приложил! Интересно наблюдать, как человек, еще секунду тому назад самоуверенный и высокомерный, мгновенно меняется. Уже и глаза его стали беспокойными, и лицо смягчилось, и былой царственности в позе не чувствуется. Однако он неплохо сориентировался:

– В таком случае ваш свидетель должен назвать точное время моего ухода.

– К сожалению, точного часа он не сообщил. Он и его жена затеяли ремонт, хотели успеть до конца месяца. Он с пяти вечера выносил мусор до трех ночи, слегка подкреплялся спиртным...

Как по взмаху волшебной палочки, к Филиппу вернулось его прежнее состояние самоуверенности:

– Вы верите какому-то алкашу?

– Но ведь вы были там, он вас опознает.

– Хорошо, был, – раздосадованно бросил Филипп. – Был! Но я приехал к десяти вечера...

– Почему же так поздно? – не поверил Носов.

– Я провожал жену на вокзал, она ехала к матери. Мы с Айной договорились провести прощальный ужин...

– То есть вы решили расстаться?

– Да, это так. С Айной я улетал на небеса, но бросать семью – извините! А она хотела большего, хотя у нее появился мальчик. Мой референт, Марк. Думает, я не знаю, – ухмыльнулся Филипп. – Ключ у меня был свой, я вошел. Свет везде горел, Айна не откликнулась... Я нашел ее в спальне... ничем уже не мог ей помочь.

– Так вы убежали?

– А как вы поступили бы? Умерла здоровая женщина, с чего бы это? А мне не нужны лишние пересуды...

– Вы знали, что кальмары для нее – яд? – Филипп думал, какой ответ будет правильным. – Знали, знали!

– Ну и что? Что вы хотите мне инкриминировать?

– Вам придется подписать подписку о невыезде, – ушел от ответа Носов. Едва лишь удрученный бизнесмен ушел, как он вызвал оперативников. – Ищите свидетелей! Шторы не были задернуты, в квартире горел свет с вечера до утра, может, кто-то из дома напротив видел, что там происходило? Расстояние между домами небольшое, обзор – как в телевизоре. И не спускать глаз...

– С этого? – подхватил один из оперов, кивнув на дверь.

– С мужа!

Вениамин – суетливый человек, немного рассеянный. Он постоянно опаздывал. Как и в этот раз. Поставив машину у обочины, он побежал в магазин, но у дверей его прихватили неизвестные типы, взяли под руки:

– Проедемте с нами.

– Вы кто? – запаниковал он. – Что такое? Куда?..

– Не волнуйтесь, милиция.

– Еще бы не волноваться! – залезая в милицейскую машину, негодовал Вениамин. – Хватают, как в тридцать седьмом, везут... Хоть объясните...

– Позже, – отрубил главный.

Привезли в отделение, провели по коридорам, оставили в комнате с молодым человеком, неумело стучавшим по клавиатуре компьютера. Затем Вениамина, чувствовавшего себя арестантом, отвели в другую

комнату. Увидев знакомые лица, он в замешательстве остановился на пороге.

– Садитесь к ним, – сказал конвоир.

Вениамин присел между Филиппом и Марком. Настороженно косился то на одного, то на другого. Пришли еще трое, сели на свободные стулья. Вошли Носов и женщина лет тридцати пяти, вульгарного вида, в безвкусном красном пуховике на плечах, с рыжей лисой на шее. Носов указал на ряд мужчин у стены:

– Смотрите внимательно.

Очевидно, женщина знала, зачем она здесь. Прошлась взглядом по лицам, указала пальцем:

– Этот сначала был, потом этот.

– Вы не ошибаетесь? – уточнил Носов. – Все же расстояние...

– Да какое там расстояние! – фыркнула она. – Видна надпись на пачке чая. Эти были, не сомневайтесь, я их выучила наизусть.

– А вы долго на них смотрели?

– Я ж говорила: погрызлась с мужем и ушла в кухню. Сидела там, курила, делать было нечего, ужин назло ему готовить не стала, ну и смотрела в окно. А дом-то – вот он, рукой подать. Сначала этот пришел, долго они спорили, потом он стал ее целовать, понес, извините, на кровать на руках. А свет они не погасили, так что мне очень хорошо все было видно...

– И что потом, когда он отнес женщину на кровать?

– Вы даете! – Она вытаращила накрашенные глаза, лукаво сощурилась. – Чем можно заниматься на кровати?! Сексом, конечно! И очень у них это неплохо получалось, меня даже завидки взяли...

– Дальше, – перебил Носов.

– Значит, все у них завершилось, он пошел в кухню... Гольшом, между прочим, пошел. И стал есть. Ну, сами понимаете, он хорошо потруился, силы потратил, в самый раз ему подкрепиться было...

– Что он ел?

– Какие-то консервы. Рыбные, наверное.

– А где он их взял?

– Так из прихожей принес! Он из спальни в прихожую пошел, а потом в кухню. Открыл банку и сел есть, бедный.

– Чем он ее открывал?

– Из ящика нож достал. Я еще удивилась: она битый час перед его приходом возилась в кухне, мясо резала, бутерброды мазала, а его не накормила, все в холодильник спрятала. Ну, не гадюка, а? Да если б меня так ударно любили, я б его закармила...

К сожалению, отпечатков на ноже не сохранилось – поверхность-то рифленая, узорчатая. Носов продолжил вытаскивать сведения из лукавой бабы:

– Значит, он консервы ел, но вы не разглядели какие. А говорили, пачку с чаем видно.

– Так то ж пачка! – фыркнула свидетельница. – А то баночка.

– Ну, поел он и что? – допытывался Носов.

– Вернулся к ней. Она так и лежала, он стал целовать ее... – Свидетельница подалась к Носову и доверительным шепотом доложила подробность: – Везде! Ну, думаю, второй акт начался, хоть посмотрю на чужое счастье. И точно! Она вдруг забилась, куда-то рукой потянулась... Может, презерватив хотела предложить ему?

– Да уж не знаю, что она там хотела ему предложить, – улыбнулся Носов. – Ну-ну, и что?

– А он навалился и... сами понимаете: страсть на них нашла. Ну, а когда он встал, у нее сил пошевелиться не было. Вот молодец! Настоящий мужик, затра... Ой! – Она прижала пальцы к губам, вспомнив, что так выражаться даме в официальном месте неприлично. – Залюбил девку до смерти.

– Дальше, дальше, – требовал Носов.

– Он посидел возле нее, за ручку подержал, лбом все прижимался... к ее руке лбом... Потом поцеловал ее, оделся и ушел.

– А приносил он ей, например, попить? – поинтересовался Корик. – Воду в стакане подавал?

Она соединила брови, губу оттопырила, задумалась.

– Нет, кажется... Не помню никого стакана. Я пойду?

– А второй? – Носов напомнил, что она не все рассказала.

– Через пару часиков где-то пришел. Походил по квартире, эдак по-хозяйски, бутылку шампанского в холодильник закинул, вошел к ней, поговорил...

– Она разговаривала с ним? – насторожился Носов. – Как это было?

– Ну, он к ней наклонился... Кстати, она даже не прикрылась! Голая лежала, я еще подумала: никакого стыда у девки. Только что с одним... и тут же другому всю себя показывает. В общем, о чем-то они мирно

посоветовались, после чего он ушел, а она все лежала. Ой, чуть не забыла... Вот этот, – вновь указала свидетельница пальцем, – стакан воды ей подносил, честно. Поднял ей голову и напоил, да-да. Совсем у девки сил не было после... этого самого. И еще! Остатки воды он вылил в цветочный горшок, а стакан... стакан в карман положил! Представляете, украл стакан! Клянусь, украл. С ним и ушел.

– Вы что же, несколько часов просидели в своей кухне? – засомневался Корик.

– Так я ж упрямая, – горделиво вскинула она подбородок. – Если б мой не приполз просить прощения, я б и до утра там просидела! Когда б не эта порнуха в окне, я бы, наверное, с моим-то и не легла.

– Если вы их видели... дома-то расположены действительно очень близко-то, то почему же они вас не заметили? – резонно спросил Носов.

– Ага, до того ли им было! – хихикнула свидетельница. – Ну, если честно, когда у них это самое началось, я свет погасила у себя, охота было посмотреть, как оно у людей... ну, это самое...

– Спасибо, вы нам очень помогли, можете идти.

С нею вышли и три человека, участвовавшие в процедуре опознания. Остались Филипп, Марк и Вениамин. Носов сел за стол, обвел всех троих спокойным взглядом, поднял глаза на эксперта, пожелавшего непременно присутствовать при опознании. Корик, которому смерть Айны уже не казалась загадкой, взял на себя обязанности допрашивающего:

– Теперь мне понятно, как вы убили ее. Но почему?

...Да, он осознанно готовился к этому, хотя не был уверен, что все будет именно так, к тому же он шел к ней со слабой надеждой, внушая себе: она передумает, уже передумала.

Айна не ждала его. Открыв дверь, она замаялась – пускать или не пускать, – все же, будучи женщиной деликатной, провела его в квартиру. Ей не дано было знать, что вместе с ним к ней вошла смерть и заняла выжидательную позицию в сторонке. А он снял пальто, повесил его, подошел к ней и взял за плечи. Айна, не высвобождаясь, отвернула лицо, когда он хотел поцеловать ее:

– Не надо... Мы же все обсудили, и ты согласился со мной. Тебе двадцать пять, мне тридцать четыре, между нами – пропасть, Марк.

– Нет никакой пропасти, ты ее сама выдумала. – Как он разочаровался! – Нам же хорошо вдвоем.

– Хорошо, да. Очень хорошо, лучшего у меня не было. Но постель – это не все, Марк, есть и будничная жизнь, и время... Сейчас разница между нами почти не чувствуется, но через три-пять лет она станет заметна. Я не хочу, чтобы через какое-то время, когда ты остынешь, мне стало больно. Я прекрасно знакома с расставаниями и обидами, не хочу повторений. Конечно, вина лежит только на мне, я не должна была подпускать тебя к себе... Но так сложилось... Тогда я думала: курортный роман, ни к чему не обязывающий, а мне надо было забыть...

– Я согласен ждать. Только вместе с тобой...

– Прости, Марк.

Он слегка сжал ее плечи, запрокинул голову, словно не желая показывать слез, но, когда вновь посмотрел ей в глаза, слез не было.

– Знаешь, – улыбнулся Марк, – я точно так же расстался с Нелькой, встретив тебя. На меня не действовали ее уговоры и слезы, поэтому я тебя понимаю. Но и ее я понял, правда, только сейчас, а тогда... я обидел Нельку и тут же забыл о ней. В сущности, я пришел проститься. Два часа дай мне...

– Марк... – протянула она, не соглашаясь. – Это лишнее...

– Час, – настаивал он. – И больше ты меня не увидишь! Один час... чтобы он запомнился... Обещаю: никогда больше не напомню о себе.

Марк приблизился губами к ее губам, Айна не отвернулась, сдавалась, видимо, жалела его. Но ему-то не жалость была нужна, а она – вся и навсегда, до смерти. Он был нежен и ласков, любил ее, как в последний раз. Именно – как. Потому что, видя отдачу Айны, он торжествовал, полагая, что сломил ее. Но минуты наслаждения длятся недолго, за ними приходит возврат того, что было до этого, возможно, и раскаяние. Она лежала расслабленная, тихая, настал момент спросить ее:

– Ты и сейчас хочешь, чтоб я ушел навсегда?

Айна открыла глаза, в них уже не было пьяной любовной неги:

– Ты обещал...

– Помню, – перебил он, помрачнев. – Значит, нет?

Она не ответила, что, собственно, и было ответом. Марк подскочил.

– Куда ты?

– Воды выпью. Тебе принести? – он прятал глаза.

– Нет.

Он открыл банку консервов, принесенную с собой, и торопливо ел, давась, так как тоже не любил

кальмаров. Но – ел, плохо пережевывая, чтобы мясо застряло в зубах, чтобы пропитать соком рот и язык, глотал, чтобы даже дыхание его стало ядовитым. Вернувшись, Марк сел на кровать. Поглаживал тело Айны. Она мягко убрала его руку, и тогда он напомним:

– Час еще не прошел, только половина...

Поцелуями покрывал ее тело, подбираясь к ее рту. На секунду Марк замер, любуясь приоткрытыми губами Айны. Она пожалела его, а он надумал... Но она же сказала «нет», значит, ее жалость – унижительная и жестокая. Он тоже должен быть жестоким! Марк впился в ее губы, не зная, вдохнет ли смерть в эту женщину, отравившую его душу. Вдруг Айна вырвала голову, запаниковав, пока еще безотчетно:

– Марк, чем от тебя пахнет? Что ты пил?..

И еще один поцелуй – глубокий, проникающий. Марк торопился, не надеясь, что его дыхание, касания его губ несут ей яд. Айна потянулась к тумбочке у изголовья за таблетками, он смахнул пузырьки на пол.

– Марк, мне плохо... – застонала она.

А ему надо было торопиться: началась агония, значит, подействовало! И Марк спешил, ведь больше этого не будет никогда! Последний раз... Чтобы не видеть ее мучений, он опустил веки.

– Марк, остановись... – хрипела Айна. – Дай мне таблетки... Они упали...

Он лег на бок, прижал ее к себе, утешая:

– Все будет хорошо, я рядом, я с тобой...

Она задыхалась, посинела, тело ее содрогнулось раз, другой...

...Марк отлично помнил тот вечер, но не верил, что его легко раскусят, оттого потерялся. Главным было – не дать ему опомниться, ведь доказать без признания, при свидетелях, что женщина убита поцелуем, практически невозможно.

– Почему вы ее убили? – повторил Корик.

– Я не знал... – промямлил Марк.

– Да брось врать, – сказал Филипп. – Айна всех предупреждала, чтобы не было кальмаров. И никогда не ела сомнительные продукты.

– Это первое, – указал ладонью на Филиппа Носов. – Второе: консервы вы принесли с собой, что подтвердит свидетельница, значит, вы готовились к убийству. Третье...

– Позволь уж я, – сказал Корик. – Мы оказались в тупике, так как причины смерти Айны для нас остались загадкой. Единственным объяснением внезапного удушья мог быть анафилактический шок, но она ничего не ела задолго до смерти. Когда Вениамин рассказал, что у нее жуткая аллергия на кальмары, – банка стояла на столе, – мы подумали: что-то здесь не так. Стали копаться в материалах, ведь аллергия широко распространилась в конце двадцатого века, ученые считают, из-за экологии, и ее симптомы видоизменяются, становятся тяжелее. Если аллергетик пережил серьезный рецидив, то ему бывает довольно мизерной дозы аллергена, чтобы погибнуть, и никакие анализы не покажут присутствие этого аллергена в его крови. Кстати, я отыскал в архивах исключительные, редчайшие случаи, когда умирали от поцелуя, если партнер перед близостью съедал опасный продукт. Правда, это происходило нечаянно, предъявить кому-либо обвинение в смерти даже по неосторожности было невозможно. Твой случай, Марк, – преднамеренное убийство. Ты тоже нашел эти примеры и знал, что делаешь.

Марк опустил голову, но не признался:

– Я не знал...

– Ты продал себя, – сказал Носов. Марк поднял голову: он не понимал – когда же он допустил ошибку? – Мы заподозрили Вениамина, выяснили о нем и Айне все, узнали, что он ищет свидетелей, и подумали: зачем это ему? Ну, что первое на ум пришло: убрать свидетелей. Разумеется, решили поймать его с поличным, не выпускали из виду. К тому же он слишком хорошо был подкован в вопросах аллергии, значит, мог из ревности убрать жену «безопасным» способом. А потом заметили, что ты, Марк, следишь за ним. Снова озадачились: а тебе-то это зачем? Ясно же: раз ты следишь за ее бывшим мужем, значит, чего-то боишься...

– Я, дурак, сказал ему, что найду свидетелей и докажу: это было убийство, – с длинным вздохом произнес Вениамин. – Но мне казалось, что Айну убил Филипп...

– Пф! – передернул плечами любовник его жены.

– Мы знали о твоей связи с Айной, Марк, – продолжил Носов, – следовательно, ты мог побывать у нее и каким-то образом дать ей микроскопическую дозу аллергена, например растворить сок кальмаров в воде...

– А зачем вы-то поили ее? – встрепенулся дотошный Вениамин. – Не видели, что она мертва?

– Видел, – проворчал... – Думал, успею, дам ей попить, она и отойдет...

– Айна и отошла – в мир иной, – вставил Корик.

– Мы искали свидетеля, – сказал Носов, – заметившего кого-то из вас троих в квартире Айны в

промежутке от семи до восьми вечера. И нашли. Марк, почему ты ее убил?

Они его-таки добавили. Ему ничего не оставалось делать, как признаться:

– Айна... она ушла от меня. Мне легче жить, зная, что ее нет.

– Но почему ее? – не понимал Корик. – Почему ты не соперников своих убил?

– Не будь этих, нашлись бы другие, – мрачно произнес Марк. – А так... ее не станет, и никого не будет.

Но я не был уверен, что все получится. Слишком уж это просто для того, чтобы она умерла...

– А если бы у вас ничего не получилось? – спросил Носов.

– Я убил бы ее как-то иначе. Но это было опасно, пришлось бы искать способ.

– А Филиппа зачем хотел убить? – недоумевал Вениамин.

– Из-за него Айна ушла от меня. Из-за него я убил ее. Аины не стало, а ему все равно, ему хорошо.

У Носова не было слов, он лишь развел руками, после чего прошел к двери и пригласил конвой. Марку надели наручники, увели. Засобирался и Филипп:

– Извините, я должен идти, вы отняли у меня много времени...

Понял, что тут он загнул, он еще раз извинился и выскочил за дверь. Вениамин сидел, нахохлившись и глубоко задумавшись.

– Вы свободны, – сказал ему Носов.

Не глядя на него, тот заговорил стихами:

Увы, злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было все: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой...

Вам не кажется, что все было очень похоже?

– На что похоже? – настороженно спросил Носов. Не хватало ему еще одного маленького инцидента: чтобы бывшего подозреваемого отвезти в психбольницу!

– Это строки из «Демона» Лермонтова, – пояснил Вениамин, пребывая в некой прострации. – Демон сначала соблазнил Тамару страстными речами, потом убил... поцелуем. Одним-единственным. Он знал, что его поцелуй губителен, тем не менее предпочел убить любимую женщину... Хм! Как Марк. Выходит, образ Демона – не фантазия гения? Он предвидел, что наступит время демонов?

Носову все эти тонкости были недоступны. Работы полно! Хитросплетения, связанные со смертью Аины, ему надоели, и он произнес весьма прозаичным тоном:

– Думаю, Лермонтову не приходило в голову, что люди станут болеть аллергией в тяжелой форме и их будет несложно убить даже поцелуем. Идите, вам надо отдохнуть, Вениамин.

Тот поплелся к выходу. Взявшись за ручку двери, не оборачиваясь, с какой-то щемящей горечью он произнес:

– И все же не странно ли – убить поцелуем? Как же прав Пушкин: «Ужасный век, ужасные сердца...»

– Идите, Вениамин, идите! – буквально застонал Носов. Как только за ним захлопнулась дверь, он в сердцах бросил авторучку на стол. – Развелось же интеллектуалов! Словно в академии наук живешь! Корик, что там у нас со вчерашним трупом?

– Ну, это дело попроще будет, – придвинув стул поближе, сказал тот...

Наталья Солнцева

Месопотамский демон

Предпраздничная Москва шумела, бурлила, переливалась огнями, сияла витринами магазинов, большими нарядными елками. Люди толпились у прилавков, покупали подарки, шампанское, конфеты и апельсины. Звучала музыка. В морозном воздухе стоял запах хвои и сладостей...

А в глубине темного двора в куче припорошенного снегом строительного мусора копались бомжи – дряхлая старушонка в засаленном ватнике и горбун неопределенного возраста. Горбун промышлял попрошайничеством, а старушка – тем, что сумеет найти на помойках и свалках. Среди обломков кирпичей, досок и прочей рухляди она уже отыскала ржавый дверной колокольчик, поломанную ручную мельницу, фарфоровый черепок с розовым цветком и железную коробку от печенья. Иногда ей попадались вещи, которые удавалось за копейки сбыть перекупщикам, но и этим жалким грошам она была рада.

Старушонка боязливо озиралась. Нынче развелось много любителей перебирать мусор, того и гляди отнимут законную добычу да еще по шее нададут.

Горбун первым заметил двоих прилично одетых мужчин и, недолго думая, дал стрекача. Кто знает, что у них на уме? Прирежут бомжика забавы ради и глазом не моргнут...

Старушка хотела последовать его примеру, но оступилась и скатилась с кучи прямо под ноги подозрительным прохожим, растеряв все свои сокровища.

– Вали отсюда, бабка! – грубо прикрикнул на нее тот, что был пониже и с бородой. – Давай улепетывай!

Бомжиха, подвывая от боли и обиды, встала на четвереньки и проворно, как-то по-собачьи, кинулась в темноту, в развалины старого, наполовину разобранный дом. Вторую, более прочную половину строители решили укрепить, обновить и добавить еще этаж. Там уже стояли леса. Часть строительной площадки окружал забор, а часть оставалась открытой – праздники на носу, какая работа? Все потом, уже после Рождества!

– Иди сюда, – позвал товарища бородатый. – Мусор свежий, только сегодня насыпали. Я из окна видел, как стенобитная машина орудовала. Снегом занесет – пиши пропало.

– И охота тебе в дерьме копать? – брезгливо поморщился второй. – Еще вшей наберемся!

– Какие вши? Мороз под двадцать! – Бородатый пнул ногой коробку, оброненную старушкой. – Звенит. Интересно, что там?

– Гвозди какие-нибудь. Брось, ей-богу! От той бабки заразу подхватить можно.

– К заразе не пристанет.

Бородатый попробовал открыть коробку, но заржавевшая крышка не поддавалась. Тогда он сунул трофей в пакет и полез на кучу. Его спутник топтался вокруг, вороша мусор ногой.

– Ты как хочешь, а я пошел. Холодно...

Со стороны развалин послышался жуткий вой.

– Это коты! – объяснил бородатый. – Не бойся.

– Я и не боюсь.

Из темноты раздался звук осыпающегося снега... И показалось серебристое облако.

– Что там? – подавляя страх, спросил второй.

– Где?

Наступившую тишину нарушало прерывистое дыхание мужчин и отчетливый звук шагов – скрип-скрип... скрип...

***

Амалия решила встретить Новый год в загородном доме – в полном одиночестве. Она надеялась, что на сей раз ей удастся отрешиться от мирской суеты, дожидаться полночи и выпить бокал шампанского, слушая только бой курантов и песню метели.

Дом в подмосковной Гавриловке достался ей в наследство от дяди, академика Самарина. Первый этаж – кирпичный, с высокими потолками, с камином; второй – деревянный, с резным балконом и стрельчатыми окнами. Мебель из мореного дуба подбирал сам академик. Кажущаяся простота стоила немалых денег. Выйдя на пенсию, Самарин издавал свои труды в зарубежных научных журналах, ездил читать лекции и

успел на заработанные средства достроить и обставить коттедж.

Одинокий, гениальный и чудаковатый, он посвятил жизнь науке, семьей не обзавелся, и сестра с племянницей составляли всю его родню. Дядя был большой оригинал, именно он пробудил у Амалии жажду познания некоего *мистического начала*.

«Не может быть, чтобы все ограничивалось семьюдесятью, в лучшем случае восьмьюдесятью годами жизни, – говорил он. – Это бессмысленно. Человек уникален по своей сути, и мир, в котором он обитает, полон непознанного».

После смерти дяди Амалия ударилась в оккультизм и магию, занялась астрологией – движение планет, знаки Зодиака, влияние звезд на судьбы и прогнозы развития событий быстро надоели ей. Составление гороскопов и гадание давали ей возможность удовлетворять свои потребности, но не к этому она стремилась. Ей хотелось найти дорогу, уводящую за межевые столбы земного существования. А она все еще стояла на распутье...

Внешне жизнь Амалии проходила спокойно – мать смирилась с ее «профессией», соседи устали судачить, да и побаивались загадочной *магессы*, в которую нежданно-негаданно превратилась застенчивая тощая девочка с косичками, выросшая у них на глазах. Если бы не жгучий черный взгляд из-под длинных ресниц, не надменное выражение лица, ее можно было бы назвать красивой. Впрочем, эта надменность была скорее маской, которой требовала ее роль.

Однажды дворничиха Круглова распустила по двору слухи о подозрительных запахах, витающих около двери в квартире госпожи Амалии.

Она решилась на неслыханный поступок – сделала выговор самой *колдунье*. Та выслушала и, не проронив ни слова в ответ, удалилась царственной походкой. Возмущению дворничихи не было предела.

– Ишь, королева выискалась! – приложившись для храбрости к бутылке портвейна, вопила она. – И нечего людей травить всякой ядовитой вонью! Она там лягушек жарит и змей коптит для своих грязных делишек! Порчей изводит православный люд!

Магесса не дала дворничихе никакого отпора. А на следующий день, когда рано утром та подметала асфальт, шаркая растрепанной метлой, на нее набросился огромный ворон, вцепился когтями в волосы и ну клевать острым, твердым клювом. Обезумевшая от страха женщина не могла отбиться – птица вспархивала и снова обрушивалась на ее голову. И хотя ворон и раньше имел обыкновение нападать на детей в ярких шапочках и женщин в пестрых платках, все истолковали это событие как месть Амалии.

– Ведьма... – шептались по углам соседки, оглядываясь и осеняя себя крестным знаменем. – С ней лучше не связываться.

Через неделю Круглова упала и вывихнула ногу. Ворон, сидевший на старой рябине, разразился злорадным карканьем.

Людей обьял суеверный ужас. Они начали обходить Амалию стороной, а встречаясь с нею, опускали глаза долу. Дверь ее квартиры вызывала у них безотчетный страх, но еще больше они боялись навлечь на себя гнев «неведомых сил», от которых не умели защищаться.

Мытарства многострадальной дворничихи на этом не закончились. Посреди жаркого лета она простудила лицевой нерв, и ее перекосило. Без того склочный и желчный характер Кругловой стал просто невыносимым, – даже ее супруг, бездельник и пьяница, не выдержал и подался прочь. Он сошелся с другой женщиной, а дворничиха ходила бить окна ненавистной сопернице. Не помогло.

Пожалуй, после этого не осталось ни одного жильца во дворе, не уверившегося в могущество госпожи Амалии. Береженого бог бережет. Сия житейская мудрость взяла верх над склонностью добела перемывать косточки ближнему своему. Люди притихли и зауважали *ведьму*. Теперь они стали называть ее *ясновидящей* и постепенно привыкли гордиться таким соседством. Как-никак не в каждом дворе проживает настоящая чародейка!

Весной, летом и осенью Амалия жила в московской квартире, а зиму проводила в Гавриловке. Она любила тишину, уединение и взяла за правило никогда себе не гадать и не составлять гороскопов. Карты и звезды давали, по ее мнению, лишь опосредованную информацию.

– Чего я жду? – спрашивала она себя. – А может быть, кого?

Этой зимой Амалии исполнилось тридцать пять, а личная жизнь не складывалась. Мужчины проявляли к ней интерес, но ни один из них не соответствовал сложившемуся в ее воображении образу.

– Я вижу их насквозь, – удрученно вздыхала Амалия. – Какая уж тут любовная игра?!

О любви она думала как о чем-то несбыточном, далеком и нереальном. Как, например, о кладе. Велики ли шансы найти сокровища? А любовь?

Она смотрела, как летят в морозном воздухе хлопья снега, словно белые перья сказочной птицы. И мечтала о чуде.

В один из последних декабрьских вечеров у калитки остановился человек. Неужели доктор Витошин? Кажется, он. Но почему без звонка?

Она поспешила к дверям. Замерз, наверное, горемычный, пока добрался.

– Ну и погода, – пожаловался гость с порога. – Ноги ооченели. Теперь точно бронхит прицепится.

– Почему ты без машины? – удивилась Амалия.

– В такую метель? Я снегоходом еще не обзавелся.

Петр Витошин по профессии был врачом, а по натуре – воинствующим пессимистом. В чем угодно он умел увидеть самое плохое и ненавязчиво испортить окружающим настроение. Стоило кому-нибудь кашлянуть, как доктор прочил ему пневмонию; банальная головная боль, по его мнению, свидетельствовала о надвигающемся инсульте, а желудочное недомогание – о зачатках язвы. Ко всему прочему, он побаивался замкнутого пространства: ненавидел лифты и душевые кабинки. И этот человек второй год обхаживал Амалию, лелея надежду склонить ее к замужеству.

Ее увлечение *потусторонним* он считал блажью, безобидным баловством, которое пройдет. Мистические штучки все же не алкоголизм или наркомания – с этим можно справиться. Амалия прекрасно воспитана, не кидается на первого попавшегося красивого самца, у нее нет желания стать квочкой, наседкой, высиживающей цыплят. А доктор Витошин терпеть не мог детских капризов, шума и нервотрепки – предпочитал комфорт, покой, уют и порядок.

Петра Алексеевича нельзя было упрекнуть в меркантильности. Он прилично зарабатывал, имея частную стоматологическую практику, жил в двухкомнатной квартире в Измайлове, – так что Амалия ему нравилась прежде всего как женщина, которая одна могла посмеяться над его едкими высказываниями и даже в некоторой степени поколебать его мрачные убеждения. Самый закоренелый пессимист в глубочайших уголках души мечтает, чтобы кто-нибудь опроверг его скепсис.

– Я поставлю чай, – сказала она, глядя, как доктор стягивает мокрую куртку.

– А покрепче что-нибудь есть? У меня озноб. Теперь кашля не миновать, а там и до воспаления легких недалеко.

Амалия подавила смехок.

– Довольно легкомысленно с твоей стороны подвергать организм такому риску.

Витошин не заметил ее иронии.

– Вот именно! – озабоченно нахмурился он. – Горячий чай с вином, лимон и мед, пожалуйста. И таблетку аспирина.

– Кто тебя просил ехать сюда в снегопад?

– Любовь, разумеется.

Это *разумеется*, произнесенное рядом со словом *любовь*, было вполне в его духе.

Амалия вздохнула... и отправилась в кухню готовить чай с вином. Ох, уж этот Витошин, всегда рассмешит ненароком! И ведь не обидишься на него, потому что обижаться вообще глупо.

Доктор же, сидя в кресле, внимательно прислушивался к себе, – не поднимается ли температура? Горячее питье, аспирин могут исправить положение... неплохо бы попарить ноги, но при даме неловко как-то. У него защекотало в носу, он чихнул. В горле запершило.

Амалия принесла чай, вино, сухие носки и плед. Аспирина в аптечке не нашлось – это повергло доктора в уныние, но он старался не показывать виду.

Она молча уселась в кресло напротив и уставилась на гостя пронзительным взглядом.

– Перестань меня гипнотизировать! – возмутился тот. – Брр-р-рр! Мурашки побежали по коже.

– Ерунда. Гипноз тут ни при чем, – рассмеялась Амалия. – Это первые симптомы бронхита! Чувствуешь, как в груди нарастает опасная тяжесть, нос закладывает, а в горле начинается настоящий пожар? Целая армия опасных микробов атакует твои беззащитные бронхи и легкие! Они идут в наступление, а иммунная система сдает бастион за бастионом. Вот уже...

– Хватит! – взмолился Витошин. – Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной? Не вижу ничего смешного в том, что я продрог и... у меня зуб на зуб не попадает.

– А в проклятой аптечке нет аспирина! – охотно подхватила Амалия. – Кошмар! Представляешь себе заголовки медицинских газет? «Известный столичный стоматолог пал в неравной борьбе с переохлаждением!» Или: «Подмосковная метель унесла жизнь пламенного борца с кариесом!»

Доктор поморщился, но потом не выдержал и улыбнулся.

– Из тебя получился бы классный репортер. Бросай свою магию и займись журналистикой.

– Конечно, – ехидно прищурилась Амалия. – Тогда ты сможешь, не краснея, представлять меня своим приятелям и знакомым. Журналистка – это не «гадалка», не «колдунья», не «с приветом»... а? Как там они еще меня величают за глаза?

Витошин поперхнулся чаем. Ему стало жарко. Амалия заходит слишком далеко... Никогда не поймешь, шутит она или нет. Раньше таких сжигали на костре. Он чуть не подумал: «И правильно делали». О, черт!

– Ладно, проехали, – махнула она рукой. – Что привело тебя, доблестный Рыцарь Белоснежной Улыбки, в мою скромную обитель? На носу Новый год, а ты застрял в непроходимых снегах. Разве ты никуда не приглашен?

Он действительно приехал в Гавриловку отнюдь не любезничать с милейшей Амалией, а по конкретному делу.

– Не церемонься, Петр, – подбодрила она доктора. – Давай по сути. Не пустился же ты за город в такое ненастье исключительно ради меня?

– Видишь ли... я хочу с тобой посоветоваться. Вернее, не я... – он запутался. – То есть я, но... по поручению одного человека.

– Не ври!

– Да, ты права... – смешался Витошин. – Я не совсем... в общем, вышла странная вещь. Нелепость какая-то. Она меня насторожила.

– Это не удивляет, зная твою подозрительность.

– Что ты называешь подозрительностью? Благоразумие и осторожность?

Амалия предпочла промолчать. Пусть продолжает. Доктор выжидающе смотрел на нее, готовый к словесной перепалке, но она не дала ему повода. Пауза затягивалась. Ему ничего не оставалось, как заговорить по существу:

– У меня есть приятель, ты с ним не знакома. Цаплин, школьный товарищ. Он развелся с женой. Ужасная женщина... но суть не в этом. Понимаешь, у него отвратительная привычка собирать всякий хлам... своего рода болезнь. Квартира превратилась в хранилище старья! На его улице ремонтируют старые дома, и... в общем, он все свободное время роется в мусоре. Пару дней назад Цаплин пришел лечить зуб и заодно пригласил меня на чашку чая. Мы посидели у него, поболтали, а потом, когда стемнело, он попросил меня сходить вместе с ним к полуразрушенному дому.

– Зачем?

– Одному страшновато. Там у них такой бомжатник! Кто знает, что у этих нищих на уме? Ну вот... с тех пор ему не по себе – то голоса какие-то слышатся, то тени мелькают, то сны страшные снятся. Будто порчу кто навел.

– Ты же не веришь в подобную чепуху?! – засмеялась Амалия.

– Я не верю! – воинственно подтвердил доктор. – А он испугался. Ему нервы лечить надо.

– Что же вы делали тем вечером? В мусоре копались?

– Я сначала отказывался. Он надо мной подтрунивал, уговаривал. Пришлось помочь человеку. Ты не представляешь, как я жалею, что вляпался в эту дурацкую историю! – Витошин несколько раз шмыгнул носом, чихнул. – Как меня угораздило? Там... мы застали жуткую старуху-нищенку... пришлось ее прогнать... И вдруг появилось снежное облако... в виде женской фигуры... Меня холод прошиб, и волосы на голове зашевелились от ужаса.

– Вам не привиделось?

Доктор обиженно насупил:

– Полагаешь, я выдумываю?

– Нет, но...

– Цаплин тоже ее видел! Мы прямо к месту приросли, стоим, дышать боимся. Вокруг тьма кромешная... слышим... скрип-скрип... кто-то по снегу идет. Жуть нас взяла! Представилась покойница в белом саване... Ты знаешь, я не из трусливых, но тут мне стало нехорошо, сердце заколотилось, как бешеное, дыхание перехватило. Хотел молитву прочитать какую-нибудь, так ведь не умею.

– Почему сразу покойница? – удивилась Амалия. – Может, просто снег осыпался?

Витошин никак не мог согреться. Его зубы выбивали мелкую дробь, даже горячий чай не помогал.

За окнами бесновалась непогода. Завывал ветер, трещали старые сосны.

– Давай-ка я камин разожгу, – предложила хозяйка.

– Было бы чудесно, – пробормотал доктор, шмыгая носом.

Амалия занялась дровами, огнем, а он вновь переживал странное происшествие на развалинах. Черт его понес туда! Вот именно *черт и понес*.

Наконец, язычки пламени жадно набросились на сухие поленья, от камина пошел жар. В гостиной сразу стало светлее, появился тот особый уют, который создается живым огнем.

– Вам, случайно, не показалось? – спросила Амалия, оборачиваясь к гостю. – Возле старых разоренных жилищ бывает не по себе.

– Если бы только этим все кончилось, я к тебе за город не поехал бы! Цаплин тоже в ужасе. Он умолял меня посоветоваться с тобой, когда узнал, чем ты занимаешься. – Петр потупился, на его щеках выступил лихорадочный румянец. – С того злосчастливого вечера, – невнятно забормotal он, – на меня нашло нечто вроде... затмения или... опасного наваждения. Ни с того ни с сего мерещатся какие-то тени, чудится шепот за спиной. Прошлой ночью приснился сон: стою я один-одинешенек посреди бескрайней равнины... вокруг туман... а впереди маячит размытый силуэт и грозит пальцем. Водит у самого моего носа! Главное, фигуры-то я в тумане не вижу, а палец такой отчетливый... качается перед глазами. Ты, говорит, взял чужое и теперь... умрешь! Умреш-ш-ш-шь... Аж кровь в жилах стынет! Я не выдержал, позвонил Цаплину, а с ним похожая чертовщина творится. Тот же сон и те же угрозы. Что это с нами, а?

Амалия пожала плечами. Смеяться было неловко, а для серьезных выводов пока нет достаточных оснований. Покойница и прочие леденящие душу подробности могли быть плодом воображения приятелей, но... почему она ощутила в груди неприятный холодок?

– Вы ходили туда еще раз?

– После того? – выпучил глаза доктор. – Ты смеешься? Мы еле ноги унесли!

– А что вас так напугало? Ну, появилось снежное облако... поскрипывания... Допустим, там кто-то был, например, те же божжи...

– Нет! – перебил ее Витошин. – Я за всю жизнь не помню, чтобы мне довелось испытать подобный страх. То-то и удивительно! Ведь повода особого не было. А сны?

Амалия погрузилась в размышления. Что-то в этом рассказе ее настораживало.

– Ты уверен, что сообщил мне *все* подробности?

Доктор закатил глаза, сморщился, громко чихнул.

– Разумеется, все, – уткнувшись в носовой платок, подтвердил он. – За кого ты меня принимаешь?

– Может быть, забыл что-нибудь, упустил?

– Да нет же! Что я, спал, по-твоему? Или был пьян? Цаплин готов подтвердить каждое мое слово.

– Надо разложить карты.

Таро были ее коньком, она всегда прибегала к ним в непонятной ситуации. Расклад озадачил, предрекая серьезную опасность, смерть.

Амалия подняла на гостя глаза, и он побледнел, угадывая *приговор*.

– Не-е-ет! Не хочешь же ты сказать, что... Чушь!

– Ты пришел за советом? – рассердилась она. – Выкладывай все, Петр... иначе я не смогу тебе помочь.

Он вспыхнул, опустил голову, смущенно кивнул:

– Да... конечно... я кое-что утаил. Это же глупо! Но... ладно... ты права, я скрыл самую малость... чтобы не выглядеть идиотом. В общем, перед тем как мы... как Цаплин потащил меня перебирать мусор... он все твердил про драгоценности княгини Юсуповой. У него болезнь! Он помешался на кладках! То грезил отыскать украшения балерины Кшесинской, то... словом, чудака-человек. Кто-то ему наплел, будто в доме, который перестраивают, до революции жила бедная родственница Юсуповых. Якобы она украла какие-то знаменитые колумбийские изумруды княгини... В семье разразился грандиозный скандал, подозрение упало на похитительницу... ее преследовали, ей угрожали, но камней так и не нашли. Они исчезли бесследно. Доказательств кражи не было, и женщину оставили в покое. Она сама не выдержала травли, сплетен, ужасающей бедности – ведь знатные родственники больше не желали ее поддерживать – и повесилась на чердаке своего дома. С тех пор пошла молва, будто воровка спрятала изумруды то ли в подвале, то ли в одном из дымоходов, то ли где-то еще... многие их искали, но тщетно. Таких историй по Москве ходят сотни!

– Выходит, вы с приятелем надеялись откопать в строительном хламе изумруды княгини Юсуповой? – улыбнулась Амалия. – А призрак похитительницы вам помешал?

Если бы не зловещий расклад Таро, она бы повеселилась от души.

– Дико звучит, да? Но мы же ничего не нашли! Кроме старой ржавой коробки... которую уронила старуха-нищенка...

– Вы открывали коробку?

– Разумеется. Цаплин положил ее в пакет... дома мы с трудом сняли крышку – там валялись дешевые бусы, разные стекляшки...

– Камни могли запылиться и выглядеть невзрачно.

– Ты забыла, что у меня отец – потомственный ювелир? – оскорбился Витошин. – Я умею отличать драгоценные камни даже от хорошей подделки, а тем более от простеньких стразов. Такие брошки и серьги, как те, что оказались в коробке... при царе носили уличные девки и продавщицы торговых рядов. Они доброго слова не стоят. Я сразу велел Цаплину все выбросить. А он – ни в какую! Говорю же, ему лечиться

пора.

- Значит, коробка у него?
- Ну да. Ее в руки взять противно! Особенно после бомжихи.
- Давай позвони ему! – забеспокоилась Амалия. – Что он сейчас делает?
- Наверное, к матери поехал... продукты повез. Новый год скоро.
- Он послушно достал сотовый телефон, набрал номер приятеля.
- Не отвечает...

Длинные гудки наводили на мрачные мысли. Амалия пыталась сосредоточиться на образе «бедной родственницы», но ничего, кроме темной от ржавчины круглой металлической коробки, в сознании не возникало.

– Я пойду приготовлю ужин, – сказала она, вставая. – А ты грейся.

Камин разгорелся. Дрова потрескивали, пламя дышало жаром. Витошин придвинулся поближе, закрыл глаза.

Хозяйка дома хлопотала на кухне. Поджаривая мясо, она гнала от себя страшное видение – мертвое тело незнакомого Цаплина, распростертое на снегу, рядом с рельсами. Он что, под электричку попал? Тьфу, тьфу три раза!

Она поставила на поднос салатник с нарезанными овощами, тарелку с горячей картошкой, отбивные, сыр и печенье, – в задумчивости понесла в гостиную. Гость задремал у огня.

– Эй! – Она потрогала его за плечо. – Кушать подано.

Он вздрогнул, повернул голову.

– А, это ты? Ф-фу-у! Ну и кошмар мне приснился. Ой, прости, я же совсем забыл про подарок. Он там, в сумке.

Доктор вскочил, сбегал в прихожую за свертками – преподнес Амалии ее любимые духи, коробку конфет и большую бутылку мартини.

– Давай праздновать! Похоже, твои карты беду напророчили? Может, я до Нового года не доживу. Кстати, что ты посоветуешь?

– Мне кажется, все дело в коробке. Пусть твой Цаплин от нее избавится как можно скорее. – Она налила в чашки горячего кофе с коньяком, спросила невзначай: – Где живет его мама? Не за городом, случайно?

– В Апрелевке.

Амалия похолодела.

* * *

На следующий день метель стихла. Шел редкий снежок.

Доктор Витошин спал плохо, метался в жару. Нос заложило, горло болело, голова стала тяжелой, словно свинцом налилась. Он с трудом открыл глаза и сообразил, что находится в доме Амалии – в гостевой спальне на втором этаже. Настроение было скверное. Всю ночь, едва он проваливался в болезненную дрему, к самой его подушке наклонялся Цаплин, шептал на ухо: «Смерть... смерть...»

«Я бредил! – догадался Петр. – Наверное, температура поднялась. Градусник у Амалии просить бесполезно, она такого в доме не держит. Беспечная, бестолковая особа!»

Он кое-как поднялся, натянул свитер и брюки, глянул на себя в зеркало. Жесткие черные волосы, щеголеватые бакенбарды, лицо интеллигента... Совсем недурно. Картину портили отросшая за ночь щетина, бледность и мешки под глазами.

– Петр! – крикнула откуда-то снизу Амалия. – Ты проснулся? Иди завтракать.

Аппетита не было. Доктор заставил себя съесть яйцо всмятку, выпить чашку чая с медом.

– Поможешь мне елку украсить? – попросила она.

Они поставили деревце в гостиной, навешали игрушек, усадили Деда Мороза со Снегурочкой. Витошин отнес пустой ящик в подвал, в кладовую. Проверил гирлянду, включил. Разноцветные огоньки весело забегали по зеленым ветвям.

– Тебе Цаплин не звонил? – спросила хозяйка.

Порой бестактность и бесцеремонность Амалии бесили Петра, но сегодня у него не хватало сил возмущаться. Нет чтобы спросить о его здоровье! А она с какой-то стати интересуется Цаплиным.

– Нет, – буркнул он. – А что?

– Тогда ты позвони.

У доктора на языке вертелось: «Сама звони!», но он сдержался – сказались хорошие манеры. Он набрал номер приятеля и посмотрел на часы. Цаплин в это время обычно на работе. На том конце раздались длинные гудки.

– Ну, что?

– Не отвечает. Странно...

– Надо ехать в Москву, – не терпящим возражений тоном заявила Амалия. – Собирайся. Найдем твоего друга и поговорим.

– Сейчас? – опешил доктор. – Я ужасно себя чувствую, хочу полежать. У меня насморк, голова раскалывается.

Но Витошин знал, что спорить с Амалией, если она приняла какое-то решение, бесполезно. Лучше подчиниться.

– Что происходит? – отважился спросить он. – Зачем тебе Цаплин?

– Хочу узнать, жив ли он.

Петр потерял дар речи. Только что у него свербило в носу и жутко хотелось чихнуть, но после ее слов он окаменел.

– Ты... ты серьезно? – выдавил он, придя в себя.

– Более чем. Давай убедимся, что с ним все в порядке, и дело с концом! – нетерпеливо воскликнула Амалия.

Опять эти ее *штучки*?! Витошин собрался разразиться негодующей тирадой, но вовремя вспомнил, что сам приехал за советом.

– Хорошо. Я буду звонить, пока он не возьмет трубку.

Доктор опять набрал номер Цаплина, и на сей раз ему ответили.

– Цапля, ты? – прогундосил он.

Повисло молчание.

– Это сотрудник милиции, – произнес в трубке мужской голос. – Вы кто?

– Витошин... Петр Алексеевич... – Его губы свела судорога. – А где Цаплин?

– Думаю, он мертв, – равнодушно констатировал голос. – Тело находится... – Он продиктовал адрес морга. – Вы сможете его опознать?

Доктор без сил откинулся на спинку дивана, позеленел.

– Ну, что? Что? – пристала Амалия.

– Цаплин... мертв. Господи... Господи!

– Едем! – вскочила она. – Я так и знала. Надо все выяснить.

* * *

Когда они вышли из поезда, ветер разогнал тучи и в просвет выглянуло хмурое солнце. Москва, засыпанная снегом, курилась дымами.

По дороге в морг Витошин без конца кашлял. Хотя он окончил медицинский институт, но к мертвецам испытывал стойкое отвращение. Отчасти поэтому и выбрал стоматологию. Амалии тоже было жутковато. Вдруг тело имеет множество повреждений?

У двери страшного заведения они долго топтались, набираясь храбрости. Милиционер не подгонял, разговаривал с понатыми, курил.

– Идем, – с видом обреченного шепнул доктор. – Может, это какая-то ошибка.

Но ошибки не было. Тело, которое им показали, принадлежало Цаплину, что и подтвердил Витошин.

– У него родственники есть? – вяло поинтересовался милиционер.

– Мама... и бывшая жена... кажется, – борясь с подкатывающей к горлу тошнотой, сказал Петр Алексеевич. – Ни телефонов, ни точных адресов я не знаю.

– Разберемся.

Амалия, вцепившись в руку Витошина, рассматривала труп. Ссадины, синяки... никаких глубоких ран.

– А... где его нашли?

– На насыпи... на снегу у железнодорожного полотна, – охотно объяснил ей сотрудник милиции. – По предварительным данным, вчера вечером его то ли выбросили из электрички, то ли он сам оказался вблизи идущего поезда, ну и...

– Что?

– Сбило. Закрытая черепно-мозговая травма. А вы кто ему будете?

– Я? – Доктор сглотнул. – Знакомый.

Милиционер сделал необходимые записи и проводил посетителей к выходу.

– Какой там ужасный запах, – простонала Амалия, вдыхая всей грудью. – Фу! Тебе хорошо с насморком, а я едва в обморок не упала.

– Как же его угораздило? Почему? Наверное, ехал к матери... в поезде пристали хулиганы, выбросили из вагона. Сам Цапля не мог близко подойти к несущейся на всех парах электричке, он же не идиот. Значит, толкнули.

– Ты рассказывал о своих снах, – напомнила Амалия. – Какая-то фигура грозила пальцем и... Что она говорила при этом?

У Витошина все тело покрылось нервными пупырышками. В ушах отчетливо прозвучали слова: «Ты взял чужое и теперь... умрешь!»

– Не может быть! – выдохнул он и разразился кашлем. – Это... ни в какие ворота не лезет. Ты намекаешь, что смерть Цаплина не случайна, что... Абсурд! Тебе не удастся убедить меня...

– Я просто советую быть осторожнее, – перебила его Амалия. – При этом совершенно ни на чем не настаиваю. Жизнь твоя, тебе и решать. В конце концов, если кому-то пора перейти в мир иной, его уже не остановишь.

– Как это *пора*? – взвился он. – Куда *пора*? На тот свет? Мне еще и сорока не исполнилось!

Доктор продолжал возмущаться, но его спутница погрузилась в себя и не слушала.

– А где та коробка? – вдруг спросила она.

– У Цаплина, разумеется. То есть... должна была быть у него. При чем тут какая-то ржавая коробка?!

Витошин окончательно потерял способность мыслить здраво, у него кружилась голова, – поднялась температура.

* * *

Смерть Цаплина была признана несчастным случаем. Характер повреждений не указывал на то, что погибшего выбросили из электрички, – удар мог быть нанесен по касательной движущимся вагоном. Следы, если они и были, уничтожила метель. Свидетелей происшествия не нашли.

– Зазевался мужик, – объяснил уставший, замотанный милиционер. – Бывает.

Амалия не разделяла его мнения.

– Самое плохое – отсутствие среди вещей покойного той самой коробки, – заявила она Витошину. – Если он ее выбросил, то почему погиб? Боюсь, ты влип, Петр. Ладно, пока мы разберемся, как тебе выпутываться, надо немедленно принять меры безопасности.

Разговаривая, доктор и Амалия шли по заснеженному бульвару. Солнце закатными бликами ложилось на стволы деревьев и фасады домов. Но доктору было не до зимних красот, не до наступающего праздника.

Амалия потянула его за рукав через дорогу.

– Нам сюда, – на ходу проронила она, увлекая его к дверям магазинчика с экзотической вывеской «Эннеада».

Внутри заведение представляло собой некое подобие лавки древностей или коллекцию диковинок. С потолка свисали всевозможные обереги, талисманы, композиции из перьев, бамбука, стеклянных фигурок и бус. Пахло ароматическими маслами, можжевельником и сандалом. Деревянные стеллажи вдоль стен были уставлены статуэтками божеств от индийского Шивы до миниатюрных славянских идолов.

Амалия ходила, что-то высматривая среди причудливых вещиц, Витошин покорно следовал за ней.

– Надеюсь, ты знаешь, что ищешь, – пробормотал он.

Она молча кивнула, остановилась и подозвала жестом продавца – молодого длинноволосого парня с серьгой в ухе. Продавец подал ей сделанного из прессованной кости уродца с орлиными когтями, крыльями и лицом, в котором угадывались искаженные человеческие черты.

– Что это? – с отвращением спросил доктор.

– *Пацуцу*, – охотно пояснил парень. – Месопотамский демон. Не все чудовища так плохи, как принято считать. *Пацуцу*, например, служит благородной цели: ограждает от других злых духов.

Витошин почувствовал себя дураком. У него закрутило в носу – пришлось доставать носовой платок. Апчхи!

– Будьте здоровы, – улынулся продавец, заворачивая покупку. – Прошу.

Амалия протянула *Пацуцу* доктору.

– Вот возьми, на первых парах пригодится.

Он открыл рот, дабы выразить возмущение, похлопал глазами и... смирился.

Они зашли еще в супермаркет, накупили деликатесов и поехали в Гавриловку – провожать старый год, встречать новый.

Разожгли камин, накрыли стол. Среди бутылок и тарелок с закусками стоял *Пацуцу*, подчеркивая нелепость ситуации.

В сотый раз доктор проклинал свою неосмотрительность и покойного Цаплина, втянувшего его в неприятности.

– Что мне с ним делать? – спросил он, кивая в сторону выкрашенного в темно-коричневый цвет демона.

– Держать при себе, – серьезно ответила Амалия. – Желательно везде и всюду. А ночью ставить у изголовья.

– Господи! – простонал он. – Я схожу с ума или мне кажется?

Перед его глазами внезапно возникло бледное, запрокинутое бородатое лицо Цаплина с иссиня-черной ссадиной на виске, и к горлу подкатил комок дурноты.

А *Пацуцу* злорадно ухмылялся...

* * *

Прошел год. В последних числах декабря в Гавриловке снова разыгралась метель.

Амалия смотрела в окно и переживала *дежавю* – у калитки остановился человек. На этот раз – не доктор Витошин.

Незнакомец представился Ильей Щербаковым. Рослый, видный мужчина, хорошо одетый.

– Я к знакомым ехал... в гости. Заблудился. Машина в снегу застряла, одному мне ее не вытащить, а службы специальной здесь нет. Дорога пустынная, начинает темнеть. На улице только в вашем доме свет горит. Пустите переночевать? Я документы могу показать...

– Не надо, – вздохнула Амалия. – Входите. Я ужинать собираюсь – присоединяйтесь.

После второй рюмки коньяка гость оттаял, повеселел, даже пробовал шутить.

– Вы одна живете в такой глуши? Не боитесь?

– У меня надежный охранник, – без улыбки сказала она и указала в сторону камина. – Его зовут *Пацуцу*.

На каминной полке стояла темно-коричневая фигурка уродливого существа с крыльями и отгалкивающей гримасой на сморщенном личике.

Месопотамский демон не давал Амалии покоя. Изо дня в день, глядя на него, она задавалась вопросом: как могло случиться, что Витошин оставил фигурку, не взяв ее с собой?

– Я купила *Пацуцу* в подарок одному человеку... – задумчиво произнесла Амалия. – А он забыл его здесь. Ужасно!

– Ничего, заберет.

– Теперь уже нет. Тот человек... умер. Поднимался к себе в квартиру, а лифт остановился между этажами – ни туда ни сюда. Человек скончался от сердечного приступа: он боялся замкнутого пространства, начинал задыхаться и все такое. Зря он не взял с собой *Пацуцу*.

У гостя пропал аппетит. Он прожевал кусочек шницеля и отложил вилку.

– Гм-мм-м... извините, я не хотел вас расстраивать.

– Поможете мне украсить елку? – спросила она. – Ящик с игрушками и гирлянда – в кладовке. Я не люблю спускаться в подвал.

– Конечно. Куда идти? Командуйте.

Господин Щербаков совершенно не жалел, что заглянул на огонек к этой прелестной загадочной женщине. Ему вдруг захотелось ей понравиться.

Через час елка уже стояла посредине гостиной, вся в шарах, блестках и бусах. Илья возился с гирляндой: пришлось заменить пару лампочек.

Амалия, доставая со дна ящика Деда Мороза и Снегурочку, наткнулась на что-то твердое, завернутое в слой ваты. Что это? Какая-то грязная коробочка... Фу! Откуда она тут взялась?

– Илья, вы можете открыть?

Гость с трудом справился с ржавой крышкой – внутри коробки лежали «драгоценности княгини Юсуповой»: нитка фальшивого жемчуга, вычурные броши с пустыми гнездами от выпавших камней, сомнительного вида серьги, браслеты с облезлой позолотой и безвкусное кольцо с кое-где сохранившимися тусклыми стекляшками. Жалкие сокровища, которым цена – копейка.

– Семейные украшения? – усмехнулся господин Щербаков. – Бабушкино наследство?

В памяти Амалии промелькнули события годичной давности: сумка Витошина в прихожей... доктор выносит ящик от елочных игрушек, спускается в подвал... «Каков негодяй! Он подсунил злополучную коробку мне тайком, ни словом не обмолвившись! – догадалась Амалия. – Стоп. Как она к нему попала? Неужели...»

– Это Петр убил Цаплина... – прошептала она. – И привез коробку сюда. Спрятал до лучших времен. Я же сама порекомендовала от нее избавиться! Вот почему ему не нужен был *Пацуцу*! Доктор решил оставить фигурку здесь – на всякий случай. Какая трогательная забота...

– Что? – не расслышал гость.

Он с живым интересом высыпал покрытые грязным налетом побрякушки на ковер, хмыкнул. Из колье вывалился камень, самый крупный из оставшихся четырех: простенькую оправу изъела сырость... или время.

«Зачем Витошину было убивать приятеля? – напряженно размышляла Амалия. – Он прекрасно разобрался в украшениях и не мог принять эту рухлядь за настоящие драгоценности. *Бес попутал!* Или осуществилось проклятие несчастной самоубийцы?»

Щербаков тем временем протер камень и поднес к свету – густое сине-зеленое сияние лениво пробудилось, вспыхнуло и замерло в его темной глубине. Невероятно! Рука гостя дрогнула.

– О-о! Черт меня заberi, если это... не природный южноамериканский изумруд! – воскликнул он. – Это ж надо додуматься?! Камни, похоже, окунули в жидкий воск, потом вставили в поломанную железную оправу и перемешали с другими копеечными безделушками! Отличный способ спрятать ценную вещь!

– Новогодняя шутка? – спросила Амалия. – Не смешно.

– Я не шучу. Один этот изумруд – целое состояние. А тут их еще... три... – Он наскоро протер остальные камни. – Нет, пардон... два. Один – стекляшка. Ну и бабушка у вас была, госпожа Амалия! Редкостной смекалкой обладала...

Илья балагурил, скрывая изумление и растерянность. Как это все понимать? Должно быть, он задремал в машине и видит сон.

Она его не слушала. «Петр не мог ошибиться. Он вырос среди золота и камней. *А он и не ошибся!* Потому и убил Цаплина... потому и лгал... потому и спрятал коробку на дне ящика от игрушек. Надеюсь забрать, когда все утихнет. Как же я не заметила этой коробки, когда в прошлом году разбирала елку? Хотя... все мои мысли были заняты скорой нелепой смертью доктора. Что его постигло? Возмездие или проклятие?»

– Вы что, ювелир? – подняла она глаза на Илью.

– Я торгую драгоценными и поделочными камнями. Фирма «Голконда»... слышали? Мое детище.

Амалия отрицательно покачала головой.

За окном до жути тоскливо взвывала метель, ударила снегом в окно, толкнула приоткрытую створку, снежным облаком влетела в комнату, коснулась *Пацуцу* и рассыпалась, тая на лету, осела на ковер, окропив холодными слезами сокровища из железной коробки...

Маргарита Южина

Пока не пробили куранты

– Аська! Ты не представляешь! Георгий та-а-а-кой... Он зовет меня лебедушкой... Тебе нравится? – закатывала глазки пышненькая, хорошенькая Милочка Лусева.

– Уж больно на гусыню похоже... – робко отвечала серьезная, худенькая Ася Никитская. – Нет, ну что птица, это хорошо... Ты ему намекни, что тебе, как отряду гусиные, здесь не климат, на юг надо...

– Чего напрашиваться-то? Мы с ним всего месяц знакомы! Совесть нужно проявлять! А то еще спугну... – вытаращилась на подругу Милочка и принялась вспоминать дальше. – А еще... Аська, ну не крути головой, слушай!.. А еще он меня зовет богиней! Так прямо и говорит – богиня моя Людмила Викторовна!.. Хотя на кой черт по имени-отчеству, ты не знаешь? Можно подумать, я библиотекарьша в доме престарелых...

Милочке было всего тридцать три года, и такое обращение ее не столько радовало, сколько оскорбляло. К тому же обращался к ней так ее новый прекрасный знакомый, которых в простонародье называют вульгарно – любовниками.

Верная Ася старалась утешить подругу:

– Наверное, он тебя безумно уважает... А мой Юра зовет меня ласково – малыш. Или еще мышкой...

– Я б тоже хотела мышкой, – мечтательно вздохнула Милочка, потому что точно знала – на мышку она не потянет... если только на мутанта... – Ладно, скажу, чтоб... пупсиком звал или рыбкой... А что? Рыбы, они всяких размеров бывают, правда же? Ну не Людмилой же Викторовной!.. Ась, а где мы Новый год отмечать будем?

Ася удивленно захлопала ресницами.

Квартира у Милочки была просто роскошная – ее отец всю жизнь проработал шеф-поваром у наиважнейшей шишки и сумел заполучить буквально хоромы в самом центре города. Милочка пошла по стопам отца, с детства приравнивалась к поварскому искусству и продолжила династию в том же аппарате. Стоит ли говорить, что на кухне она была чародейкой. К тому же из окон Милочкиной квартиры прекрасно были видны праздничные салюты, а городская елка и вовсе находилась в двух шагах. Не зря на квартиру Милочки уже не однажды покушались всякого вида риелторы. У Аси же квартира была в спальном районе, вовсе не такая великолепная, и Новый год, сколько она себя помнила, всегда отмечали у Лусевых – Милочки и ее мужа, художника Романа. Поэтому раньше Милочка никогда не спрашивала – где отмечать Новый год. Но ведь у Милочки никогда раньше и любовников не имелось, всю жизнь она была верна своему художнику, ехидному мазиле Ромке. А вот как исполнилось тридцать три, так и завелся у нее посторонний красавец. Просто удивительно, что с людьми возраст делает! Асе же было только тридцать два, поэтому и любовников никогда не водилось, впрочем, как и мужа. И вот неделю назад она встретила его – того любимого и единственного, с кем сразу же решила прожить остаток жизни. Правда, единственный о таком решении еще не догадывался.

– Милочка, – терпеливо объясняла Ася подруге. – Пятнадцатого декабря у Юрия день рождения, и мы отметим его у меня. А вот сам Новый год... тоже у меня, что ли?

– А что такого?! Понимаешь, никак мне нельзя Новый год у себя отмечать, ну никак! Я ведь что придумала, – краснея, признавалась Милочка. – Мы у тебя на Новый год соберемся – ты с Юрием, я с Ромкой, куранты прослушаем, шампанское откроем, все такое, а потом начнем плясать. Вот тут мой Ромка, конечно же, пить начнет, чего традицию-то ломать. Ну и напьется, само собой. Тут я его аккуратненько у тебя уложу на диванчике, а сама к себе домой, позвоню Георгию и!.. И мы уже с ним встретим Новый год, представляешь?! Ты же ведь понимаешь – с кем Новый год встретишь, с тем его и проведешь!

– Здорово! – возмущенно вытаращила глаза Ася. – Ты, значит, со своим Гошей будешь встречать, а я с твоим пьяным Ромкой! Да еще и весь год с ним проведу!! Ха! Перспективка!!

– Нет, ну... – ненадолго смутилась Милочка. – Ну... ты можешь с Юрием отмечать. А чего вам Ромка-то?! Он же пьяный – ни петь, ни рисовать! Он же, как этот... как тапочки! Его можно запросто под кровать затолкнуть...

– И на кой мне сдались под кроватью такие тапочки, когда ко мне Юрий придет?! И вообще – мы, может быть, с Юрием на этой самой кровати... романтический ужин устроим! При свечах! – захлебывалась от негодования Ася. – Вот ты и возьми своего изобразителя, затолкай его под свою кровать, а сама с Гошей!

– Это же... это же кощунство! – задохнулась Милочка. – Ромка, конечно, будет не против, он если

напьется, так ему все трехэтажно, но... как же честь семьи?! – выгнула грудь коромыслом Милочка.

Ася едва удержалась, чтобы не прыснуть. Вспомнила бабка, как девкой была! Сколько раз Ася напоминала подруге про эту самую честь! Она искренне не понимала подругу:

– Ну и зачем тебе это надо? Если любишь Гошу, возьми и разведись с Ромкой! Так же честнее.

– Да? – щурила глаза подруга. – А ты забыла, что у меня детей не может быть? Это еще хорошо, что Ромка терпит, а другой бы!.. А Гоша так детей любит! Он меня обязательно бросит.

– Ну тогда завязывай с этим Гошей.

– Ну ты молодец! – тарасилась на подругу Милочка. – Должна же у меня быть личная жизнь, я и так до тридцати трех терпела!

И вот сейчас эта женщина говорит о чести!

– Милочка, – проговорила Ася, – и все же – затолкай Романа под кровать. Так ты и с Гошей праздник справишь, и спасешь свою честь – ты же все время будешь как бы под присмотром супруга!

Милочка с сомнением уставилась на Асю – вроде не шутит, но что-то ей подсказывало, что муж под кроватью – вариант уж слишком вызывающий.

В конце концов подруги решили, что и пятнадцатого, и тридцать первого будут отмечать у Аси.

– Только сразу говорю, – предупредила она. – Готовишь ты! И Ромку своего у меня не оставляешь, понятно?

– В конце концов, я всегда могу оставить Ромку у твоей соседки, – нашла выход из положения Милочка. – Анжелика от свободного мужчины никогда не откажется.

Асина соседка, сорокалетняя Анжелика Степанова, была непременной гостьей всех праздников и посиделок у Никитской. Ее никто никогда не звал, но она каждый раз исправно «забегала за солью» да так и оставалась. Точно так же оставался сосед снизу – Митька. Но тут уж виновата сама Ася – как-то так получалось, что в самый разгар какого-нибудь пиршества у нее обязательно прорывало трубу, она ничего не замечала, и у парня регулярно заливало то кухню, то ванную, а то и сразу все вместе. Он приносился белый от гнева, требовал какие-то деньги, грозил и вообще – портил настроение как мог. Приходилось усаживать его за стол, поить до потери памяти, а наутро доказывать ему, что он лично сам и пролил три ведра воды прямо на пол, конечно же, по неосторожности. Неизвестно – верил Митька или нет, но умолкал до следующей гулянки.

– Значит, пятнадцатого у тебя, да? – еще раз уточнила Милочка, а потом махнула рукой. – Ну до этого мы еще встретимся, не теряйся. А то заперлась там со своим Юрием...

Да, Ася заперлась. Потому что только теперь поняла, что такое женское счастье. Так сложилось, что ей все время отчего-то попадались то женатые кавалеры, которых она отвергала тут же, то глубоко пьющие особи, то лица довольно легкомысленные. Даже с Митькой-соседом у них назревали теплые, сердечные отношения, но, после того как в его окне она заметила какую-то пигалицу, Митька был переведен в статус исключительно соседей. Юрий на фоне прочих воздыхателей выделялся белым парусником. Гордая осанка, прекрасный рост, парфюм... теплый взгляд лукавых глаз, ироничная усмешка и целая лавина заботы и внимания.

– Мальш, сегодня такой хиус, одевайся теплей.

– Асенька, опять сегодня допоздна? «Уж нет ли сопе-е-е-рника зде-е-е-сь?» – пел он ей шуточные серенады...

В их счастье никто не верил. Соседка Анжелика каждый раз выскакивала в подъезд, лишь только за Юрием закрывалась дверь, и трещала прямо в лицо:

– Ася! Иди сейчас же проверь – у тебя ничего не пропало? Ты сапоги новые купила, они на месте? А подушки пуховые? Мы, девушки, такие наивные! А вот у меня, между тем, мой последний воздыхатель спер два ведра картошки и целое кило гречки! Оставил меня практически без средств к существованию! Я буквально поседела!

Даже Валентина Павловна, старенькая коллега по начальным классам, как-то завидев Юрия, со вздохом покачала головой:

– Ой, Асенька, не пара он тебе... Такому красавцу нужна женщина яркая, дерзкая, умная и с прекрасными данными.

– То есть, – обиженно швырнула Ася носом, – я получаюсь бледная нудная уродина, да еще и с ущербным развитием, так?

– Я просто хотела сказать, – тут же нашлась опытный педагог, – что тебе следует больше внимания уделять таким изобретениям, как тушь, хороший бюстгальтер и высокие каблукки!

Ася непроизвольно поправила грудь и в тот же вечер отправилась по магазинам.

Она переменялась буквально за неделю. Конечно, еще подламывались ноги на непривычно высоких

каблуках, еще рука постоянно тянулась одернуть короткий подол, и модная челка постоянно лезла в глаза, но зато отражение в зеркале говорило о том, что труды не напрасны. Да и Юрий это подчеркивал ежедневно.

– Ты так изменилась, а ведь была... «Ах если б знали, из какого сора...» – декламировал он.

И Ася рдела. Юрий знал ужасно много стихов, романсов, песен и баловал ими подругу неустанно.

– Асенька, у меня пятнадцатого день рождения, – объявил он недавно. – И я хотел бы отметить его вместе с тобой. Если ты хочешь, мы можем пригласить твоих друзей. Пора уже дружить семьями.

Ася едва не задохнулась от восторга – ну разве это не предложение руки и сердца?! И на радостях она даже пригласит не только Лусевых – Милочку с Ромкой, – но и Анжелику! Ася чуть наизнанку не вывернулась – так ей хотелось день рождения любимого сделать необыкновенным. Хотя Юрий категорически заявил, что все приготовит сам, а Ася будет лишь дорогой гостьей.

Однажды Юрий, как обычно, прибежал к Асе, лукаво заглянул ей в глаза и прошептал:

– Ася, этот вечер будет судьбоносным!

Ася обомлела – нетрудно догадаться, о чем намекает любимый! Неужели?! Похоже, этот новый, грядущий год будет совершенно особенным! Наконец-то!.. Из эйфории ее вывел звонок в двери.

– Асенька, позволь от тебя позвонить, – уверенно проходила в комнату Анжелика, не дожидаясь приглашения. – Какие-то варвары отключили мой телефон, и я оказалась полностью... Ах, у тебя гости?! – фальшиво испугалась она, принялась кокетливо корчить губки и оттопыривать зад. – Прости, я не знала...

И тут Анжелика взглядела в Юрия, и на ее лице мелькнул настоящий, неподдельный страх.

– Я потом... я вообще... – быстро повернулась она и спешно удалилась восвояси.

Ася даже не обратила на ее приход внимания, ей хотелось говорить о судьбоносном вечере. Но Юрий уже переключился.

– А это что за странная особь? – весело фыркнул он. – Прямо нашествие грызунов! Ты видела, какие у нее зубы, так и прут изо рта, так и прут!

– Она одинока, глубоко несчастна и благочестива... – с жалостью сообщила Ася.

– Неудивительно, – сочувственно кивнул Юрий, и вечер снова вильнул в привычное русло.

День рождения было решено отмечать в шесть вечера. А уже утром, пятнадцатого, к Асе прибежала Милочка, по-хозяйски пролетела по комнатам и осталась довольна.

– Ну все вроде в порядке... Во сколько он придет?

– Да вот сейчас должен, он хочет встречать гостей сам, – смущенно улыбнулась Ася.

– Господи! Мужчина придет! Незнакомец! А у меня все волосы под шапкой смялись и маникюр несвежий! – испугалась Милочка и рванулась на выход.

В это время, заслышав, что к соседке кто-то наведлся, Анжелика решила в стороне от событий не оставаться, и тут же в прихожей они с Милочкой и столкнулись.

– Ой, Асенька, а ты не одна? – нестерпимо наигранно задержала соседка бровями. – Здравствуй, Милочка! У нас сегодня что – опять банкет? А во сколько? Асенька, как тебе кажется, я успею? Учти, мне еще надо прическу сделать и накраситься!

И вдруг она что-то вспомнила:

– А... А... твой молодой человек тоже будет? Его, кажется, Юрием звать?

Неизвестно отчего, Милочка не слишком жаловала Анжелику. Говорят, что она ревновала своего супруга, к которому Анжелика всякую гулянку нестерпимо липла, однако так утверждали лишь злые языки. Сама же Милочка утверждала, что Анжелика Степанова недостаточно интеллигентна для нее. А потому сейчас она уперла руки в бока, точно бык перед атаккой, наклонила голову и произнесла:

– У нас сегодня исключительно дамское общество, понятно? И вообще – у Аськи нет никакого молодого человека, даже не рассчитывай!

– Но как же... я же видела! – пыталась было возразить Анжелика, однако была категорически прервана:

– А я говорю – нет! Это был мимо проходящий мужчина, ясно?!

– Мне вот только одно неясно... – обиженно поджала губки Анжелика. – С чего это ты так на меня набрасываешься? И вообще... а твой муж придет?

Милочка одарила ее таким взглядом, что, не дожидаясь ответа, соседка ринулась вон из квартиры.

– Вот нахалка, да? – кипела Милочка. – Ты, кстати, ее не приваживай, будет твоего Юрия пасти. Видела, как на моего западает!.. Погоди-ка... А ты что? Ты разве тоже в шесть придешь, как и остальные гости?

– Да, я вместе с гостями, мы так решили, – пояснила Ася подруге. – Я помочь хотела, а потом говорю: «Дай я хоть просто так дома посижу, кино про Шарапова посмотрю, про мушкетеров, выступления юмористов будут», – а он ни в какую. Юра все хочет сам. А я... я хочу сбежать в салон красоты, в парикмахерскую, ну и потом, вся такая неотразимая, прямо оттуда... Ну ты ж понимаешь...

Милочке идея понравилась:

– Правильно. Значит, делаем так – в салон бежим вместе, в парикмахерскую тоже, а Ромка катает нас на машине – не будем же мы по всему городу лошадьми скакать! Я ж вспотею! И уже все вместе... кстати, мне еще надо купить подарок твоему любимому... Ума не приложу, что ему подарить... Наверное, тефлоновую сковородку, сейчас такие изумительные делают!

Ася даже не догадалась спросить – а зачем, собственно, ее утонченному кавалеру в подарок сковородка, – она была в предвкушении чудесного вечера, да еще вот-вот должен был прийти Юрий.

Он пришел в час, а уже в два за Асей заехал Ромка, и его машина своим сигналом взбудоражила всю округу.

– Ну все, я бегу, – торопливо чмокнула Ася Юрия в чисто выбритую щеку.

– Ни-че-го себе! – вроде бы даже обиделся тот. – Это ты к кому так? Да еще и в платье таком...

– Это я в салон красоты! Ты же меня из дома выгоняешь, – растерянно остановилась Ася. – За мной Ромка приехал... Ну хочешь, я не поеду?

Юрий в шутливой скорби откинул прядь со лба:

– Ты мне этого никогда не простишь, я вас, женщин, знаю. Ступай!.. Ась, только давай к шести не опаздывай, ладно? А то как я тут один... с твоими гостями... – добавил он уже совсем по-мальчишески.

– Не опоздаю, даже не надейся! – еще раз чмокнула его Ася, крутанулась перед ним на высоких каблуках и чуть не свалилась, но он ее вовремя подхватил.

Ромка уже дергался. Однако, завидев счастливую подружку жены, только фыркнул. А потом и вовсе на него словесный энурез напал.

– Милочка, дорогая, объясни мне – сирому художнику, и что там делать, в этом салоне, четыре часа? – не умолкал он, останавливаясь перед всеми светофорами. Потом вдруг оглядывался на подруг и вздыхал: – Хотя если подумать... А им хватит четырех часов? Ну то есть к шести часам вы точно будете красавицами? Я, например, за такое время на пустом холсте ничего путного изобразить не успею.

– А тебя никто и не просит! – огрызалась дорогая. – Ты и за двенадцать лет еще ничего путного не изобразил! Врубель!

Ромка обиженно надулся и стал пристально вглядываться в дорожные знаки.

В салоне из подруг сотворили если и не красавиц, то непременно дам очень приятных для глаза. А парикмахерская только добавила шарма.

– Рома! Обрати на меня свое супружеское внимание! – толкала мужа в спину Милочка и строила глазки. – Кого я тебе напоминаю?

– Ну прям Констанция Бонасье! – фыркнул Рома.

– Ром, а я? А я как? А я похожа на Констанцию? – беспокоилась Ася, то и дело тыча водителя в спину. – Мил, ну как я? Ну? Хорошо? А платье нормально сидит? Я его только вчера купила... Сейчас, подожди, я только шубку расстегну...

Милочка авторитетно вздохнула:

– Можешь не расстегивать. Поверь моему опыту, наивная, – главное, чтобы хватило водки...

В двери Асиной квартиры они звонили без пятнадцати шесть.

– А может, мы того... рано? – вдруг некстати испугалась Ася. – Он у меня, знаете, какой точный...

– Чего же рано? – не соглашался Ромка. – В шесть назначен вечер, а мы специально пришли пораньше, чтобы руки помыть, все дела... ну чего там?

Он держал в руках подарок – пышный букет каких-то замысловатых поникших цветов, из которых торчала красочно упакованная сковорода. К тому же ноги Романа в изящных туфлях на тонкой подошве чувствительно замерзли, но едва он начинал подпрыгивать, чтобы согреться, с букета тут же обваливались подарочные цветы.

– Ась, ну чего он? – не выдержала уже Милочка. – Может, вышел куда?

– Может, и вышел, – растерялась уже и Ася. – Ведь я вам говорила – он страшно точный человек! Сказано в шесть, значит, и нечего!..

– Ага! Вышел! – фыркнул Ромка. – Мы к нему с подарками, сейчас заходим, а там вся квартира пустая – вынес!

– Гы-ы, точно, вот удивит! – гоготнула Милочка, но быстро взяла себя в руки и накинулась на супруга:

– Ну чего ты мелешь, Поленов?! Прям сейчас бы как дала!.. Ася, не слушай его, он у меня убогий. Доставай ключ и открывай. Твой Юрий придет, а мы уже и за столом! Давай, не век же нам здесь торчать...

Неожиданно распахнулась соседская дверь, и накрашенная, словно гейша, Анжелика выпорхнула навстречу друзьям.

– Ой! А я успела, надо же какое счастье!! – защебетала она, даря нежные взгляды Роману. – А вы все же

будете? Роман, сегодня вы обязательно должны начать писать меня с натуры!

– Сегодня я тебя сама распишу! – сверкнула глазами Милочка и, кто знает, может быть, прямо здесь бы и расписала, но Ася уже открыла двери.

– Юрий! Юра!! – позвала она и облегченно вздохнула. – Милочка, ты на него посмотри, нарядился и ждет!

Картина была живописная – посреди комнаты стоял накрытый стол, с багровыми розами в центре. А сам именинник сидел в кресле, глубоко надвинув на брови большую шапку Деда Мороза, и спал.

– Так все-таки твой Юрий будет с нами? – вдруг остановилась Анжелика, но Ася на нее шикнула.

– Тихо! Сейчас я его разбужу... – Она на цыпочках подкралась сзади, прикрыла ему глаза руками и запела: – Дорого-о-о-ой.

И тут произошло неожиданное – шапка Деда Мороза свалилась и обнажила вместо затылка кровавое месиво. Тут же уши гостей разорвал истошный визг Милочки:

– Уби-и-и-или-и-и-и-и! Га-а-а-ады-ы-ы-ы! Уби-и-и-или-и-и-и!

Анжелика медленно сползла по обоям на пол и закатила глаза, Ася стояла возле кресла с растопыренными окровавленными руками, и сознание ее будто замкнулось. И только Роман посреди комнаты торчал с цветами, со сковородкой и с окаменевшей приветливой улыбкой на лице.

Ася очнулась оттого, что кто-то больно и резко хлестал ее по щекам. Перед ней стоял Митька – сосед снизу – и прилаживался долбануть еще раз.

– Хватит!! – рявкнула Ася и без сил опустилась прямо на пол.

Роман от шока уже отошел и поливал из вазы с розами тщательно покрашенную Анжелику, а Милочка сидела в углу дивана, неудержимо тряслась, хотя еще так и не успела снять шубу, и опасно поглядывала на окровавленного Юрия.

– Так это... это и есть... твой Юрий? – клацая зубами, спросила она.

– Да... – опустошенно проговорила Ася. – Знакомьтесь – Юра... мой жених...

– Вот ты, Никитская, вечно себе каких-то женихов находишь... – нервно проговорил Ромка. – То пьяные в дым, то старик древний, а то и вовсе – покойник!

– Рома!! – рявкнула Милочка. – Закрой рот!! Ты же художник!! Иди лучше в милицию звони!!

Роман захлопнул рот и подался к телефону. Пока он набирал номер, в себя окончательно пришла Анжелика, с пола не поднялась, зато красиво натянула подол на колени и оглянулась. Вспомнив, что произошло, она еще несколько раз глубоко вздохнула и спросила:

– А вы еще не нашли убийцу?

На нее даже не оглянулись. Возле обезображенного тела хмуро стоял Митька и поглядывал на Асю:

– Это твой новый жених, что ли?

Та только мотнула головой.

– Понимаешь, мы хотели его день рождения отметить, – поясняла Милочка, видя, что от подруги никакого толку. – Он решил сам все устроить, ждал нас, мы пришли, а он не открывает. Мы открыли ключом, а он... вот он... И главное – в день его рождения!

– Интересно, кто его так? – поморщился Митька, потом догадался, сдернул с дивана покрывало и накрыл им то, что осталось от именинника.

– И что характерно, я ведь так не хотела идти... – запричитала Анжелика. – Вот сама не хочу, а сама думаю: неудобно, соседка пригласила, некрасиво...

– Мить, а ты как здесь оказался? – вдруг уставилась на соседа Ася. – Опять, что ли, трубу прорвало? Мы еще и воду не включали.

Митька потер нос, потом пожал плечами:

– Да я и не из-за трубы... Я домой шел, видел, как вы впереди меня в подъезд заходили, с цветами. А потом, когда свою дверь открывать стал, крик услышал: «Убили», – ну и... двери-то открыты были. А тут такое...

– Сейчас милиция приедет, – сообщил Роман. – Сказали – ничего не трогать.

Они ничего трогать не стали, только разделись, еще раз проверили двери и угрюмой стайкой подались на кухню – сидеть вместе с убитым в одной комнате не было сил.

– И кто же его так, а? – терзался Митька.

– Понятно кто, – разумно рассудила Милочка. – Преступник... Одно неясно – чем?

– В том-то и дело – чем? – задумчиво произнес Ромка. – Это надо сразу же узнать, во всех фильмах сначала ищут орудие убийства. Мить, пойдем, комнату осмотрим, может быть, что-то обнаружим...

Когда мужчины ушли, Милочка приступила к своему расследованию:

– Ася, а ты давно с этим Юрием знакома?

– Господи! Ну что ты, не помнишь, что ли? Я ж тебе рассказывала, – всхлипнула Ася. – Недавно совсем, где-то недели две назад... Он меня подвез на своей машине, потом попросился на чай, затем уже сам пришел, сказал, что забыл у меня свой сотовый, а на самом деле ничего и не забывал, а просто хотел еще раз меня увидеть.

Больше Милочка не знала, о чем спросить, а Ася только медленно раскачивалась и уже тихонько выла. Неизвестно, что и из какого фильма вспомнила Милочка, но она вдруг резко поднялась, ухватила подругу под мышки и поволокла в ванную. Та, естественно, упиралась, но против мощной Милочки устоять было невозможно.

– Ну чего ты меня тянешь?! Куда?! – ревела в голос Ася. – Отпусти меня немедленно, садистка!!!

– Тихо! У нас в доме покойник, а ты орешь, как потерпевшая!! – как могла успокаивала подругу Милочка. – Тебе надо умыться! Руки вон все в крови, а сейчас милиция! И облиться холодной водой нужно, тебе предстоит много думать!

Неизвестно, сколько бы терзала Асю подруга, но подоспели мужчины.

– Милка!! Прекращай буяннить!! У тебя что – нервный приступ?! – орал на жену Ромка. – Какого черта ты человека мучаешь?!!

– Ася!! На вот, вытрись, – со своей стороны опекал соседку Митька.

– Асенька!! Мужчины-ы-ы-ы! Идите сюда-а-а-а, – зазывала в кухню Анжелика. – Я уже чай вскипятила, а в холодильнике столько всего вкусного! Я нам бутербродов наделала!

– Больная на всю голову, – проворчала Милочка. – Тут целый стол накрыт деликатесами, а она – бутерброды!

Однако за стол садиться никак не хотелось, и бутерброды тоже в глотку не лезли, зато чай пришелся вовремя. И уж если совсем честно – чай пила одна Ася, остальные же тяпнули водки. Водка с чаем большого облегчения не принесли, но от паники избавили, и головы, как ни странно, даже стали чуточку соображать.

Митька с Романом отчего-то немедленно вообразили себя бойцами невидимого фронта и деятельность развернули вовсю.

– Ася!! Немедленно иди осматривать место преступления!! – вопил Митька, усердно собирая брови на переносице. – Осмотри, а то потом будет поздно – приедет милиция, и все затопчут.

– Да! – добавил солидности в голосе Ромка. – Может, у тебя что-нибудь пропало?

– У меня жених пропал... – обреченно отвечала Ася, не трогаясь с места.

– Он не пропал, вот он сидит, еще свеженький...

– Ро-о-ома-а-а!!! – не выдерживала даже Милочка. – Ну ты же... ну ты же интеллигентный работник!!

Асю все же вытолкали из кухни, рюмочка водки лишила мужчин всякого сострадания и внесла капельку отваги.

– Смотри внимательно, – топтался возле хозяйки Митька и бережно цеплялся за ее локоть, якобы предлагая свое плечо.

С другой стороны повис Ромка – он был старым знакомым, а потому имел больше прав утешать несостоявшуюся вдову. Женщины тоже не пожелали оставаться в кухне и теперь топтались в дверях гостиной.

– Роман! Отпустите Асю, пусть ее Митька держит! – пищала чуть захмелевшая Анжелика. – Милочка! Ну куда ты смотришь?! Он же ей уже на почки руку уложил!!

– Не отвлекаемся! – рявкнул Ромка, и рука его поползла еще ниже.

Тут же трепетный друг получил по загривку от законной супруги.

– Доиграешься, – зашипела Милочка. – Я тоже овдовею.

– Смотри, Ася... – настаивал Митька, – может, что-то из шкафа исчезло?

– Да чего там в шкафу?! – снова подала голос Милочка. – Вон у нее на диване семь слонов стояло, сейчас только шесть. Самого большого слона и нет. А он, между прочим, из бронзы был.

Ася посмотрела на слонов. Действительно, у нее на деревянном уголке в диване стояли семь слоников, и вот теперь самого большого слона не было.

– Украли, паразиты, – злобно прищурилась Милочка. – Из-за какой-то скотины с хоботом такого человека грохнули!

– А я тебе, Асенька, всегда говорила, что слоны – они в доме к несчастью! – не осталась незамеченной Анжелика.

– Слоники в квартире как раз счастье приносят, – буркнул Митька. – И удачу.

– Ну это если живые слоны, – не сдавалась соседка.

– И потом, мне кажется... я просто уверен, что этого парня не из-за слона долбанули, а как раз слонем, – развивал мысль Митька. – Эти же слоники на самом видном месте стояли, а ими убить, как нечего делать.

Ася мотнула головой:

– Да, Милочка, помнишь, ты мне все время говорила: «Таким слоном и убить можно»?

– Ну и что, что я говорила! – вспыхнула Милочка. – Так это ж я так только – мечтала! А еще я говорила, что переписываюсь с Ричардом Гиром, так ты же мне не верила! А я тебе даже иностранный конверт обещала показать!

– А потом его выкинули... – задумчиво проговорил Митька.

– Кого? Конверт? – удивился Роман. – Да нет же, ты чего?! Его и не было никогда! Гир же не сумасшедший, чтоб с Милочкой...

– Я про слона... – пояснил Митька. – Его кто-то унес, после того как это...

У Аси в мозгу вдруг что-то щелкнуло.

– Анжелика! Ты же всегда в глазок подглядываешь, когда ко мне кто-то приходит! Неужели не видела?

Анжелика выпучила глаза и чуть не разрыдалась:

– Всегда под...глядываю, а в этот раз... Я ж понеслась в парикмахерскую, чтобы себе прическу и этот... маникюр сделать! А там мне маникюр и... как его... на ногах, педикюр сделали! А я им еще говорю – на кой черт мне педикюр, когда я в колготках буду? А они говорят, что парикмахерша у них все равно придет поздно, так вот чтобы им деньги не терять... – Она так разволновалась, что стала совать всем под нос свои наманикюренные ногти и даже порывалась снять колготки, чтобы все могли воочию убедиться, что и на ногах у нее ногти в полном порядке.

Правда, Милочка сей порыв придушила на корню:

– Только попробуй еще раз задери юбку!

Анжелика испуганно одернула подол и нервно поправила прическу.

– Значит, он знал, что Анжелики нет дома... – проговорил Митька и зловеще обвел взглядом присутствующих.

– Или попросту не ведал, что наша соседка такая... любознательная, – вздохнула Ася. – И ему крупно повезло.

И все снова уставились на Анжелику, теперь уже с осуждением за то, что та не проявила обычной бдительности.

– ...А прическу я сама себе сделала... – уже не знала, как и оправдаться, несчастная женщина. – У меня бигуди есть... Роман, я вам потом покажу.

– Во! Видала? – показала мощный кулак Милочка, и Анжелика затосковала.

Окончательно рассориться им не дали бодрые ребята из милиции. Они появились несколько позже, чем обещали, зато сразу развили бурную деятельность – стали кому-то звонить, громко ругаться по телефону, щелкать фотоаппаратом. Затем труп вынесли в черном пакете из квартиры и только потом провели дотошную беседу с каждым. Пока все друзья угрюмо ожидали своей очереди на «собеседование», Анжелика проявляла себя как могла.

– А давайте помянем усопшего... пострадавшего, – вдруг предложила она и прилежно пригорюнилась. – Чего ж добру пропадать...

Стол и в самом деле ломился от «добра», однако к нему не тянуло.

– Прошу к столу! – вдруг звонко воскликнула Анжелика и гостеприимно распахнула руки.

На нее сначала взглянули с непониманием, но парнишки из милиции против икры, балыка и прочих вкусовостей не устояли. За ними потянулись и Митька с Романом, а уж после и дамы.

Ася не могла есть, однако села за стол не для того, чтобы звенеть вилками-ложками, а просто потому, что вдруг поняла – если сейчас она не сядет, она просто никогда не сможет сидеть за этим столом, никогда!

Ребята из отдела, естественно, задержались еще дольше, и уж совсем ночью друзья остались одни.

– Ася, я сразу говорю – я сегодня ночую здесь! – заявил Ромка. – Я тебя одну не оставлю.

– Да, – мотнула головой Милочка. – Мы тебя не оставим. А ты, Анжелика, можешь идти, смывай свой педикюр, он никому не интересен!

– Чего это я – смывай... – заартачилась Анжелика. – Можно подумать, у меня столько денег, что я вот так запросто каждый день эти ногти чищу! Я, между прочим, себе второй месяц работу найти не могу, живу только случайными знакомс... заработками, а тут... Я тоже остаюсь! А ты, Митенька...

– И я остаюсь тоже! – набычился Митька и мельком глянул на Асю.

– Нет, я и хотела сказать, – быстро проговорила Анжелика. – Ты можешь спать здесь! Где тебе постелить?

Ася уже не понимала – кто и где ложится, она ушла к себе в спальню, а ее подружки еще долго звенели тарелками, перемывая посуду, и даже мужчины полночи носились с тряпками – хотели, чтобы ничто не напоминало хозяйке о ее так рано скончавшейся любви.

Следующие два дня были совсем черными. Ася вдруг поняла, что Юрия рядом с ней никогда не будет, и на нее навалилась такая тоска, что хотелось вить беспрестанно. А на улицах все дышало праздником, подарками и предстоящими чудесами. Только Ася уже ни в какие чудеса не верила. Хорошо еще, что приходилось ходить на работу – с детьми Ася не могла думать о вещах посторонних. Но домой все же надо было возвращаться. И тогда... Анжелика за два дня совсем не появлялась, а Милочка приходила всего однажды, да и то – у нее был такой вид, что лучше бы подруга отсиживалась дома. Нос Милочки распух, глаза отекли и покраснели, а щеки как-то сами собой уныло обвисли, и даже плечи сгорбились.

– Милочка, а ты чего? – хлопала Ася.

– Ну как же! – удивлялась подруга. – Тебя жалею... Останешься теперь еще лет на десять без мужа, вдова недоделанная. Ох, и кто ж его так?..

Правда, к Асе забежал Митька, но с ним тоже было невесело.

– Митька? Ты чего? – открывая, спрашивала его Ася.

– Ну так... чего! Труба ж! Прорвало... – плел что-то сосед, проходил сразу в комнату и долго, понуро сидел, уронив голову. То ли сказать что-то хотел, то ли признаться в чем.

На третий день скорби неожиданно позвонил Рома.

– Ась, ну ты как? – спросил он.

– Никак, – буркнула Ася. – Горюю!

– А милиция звонила? Ничего не сообщают?

– А чего им сообщать... Никто ничего не знает...

Ромка помолчал в трубку и вдруг решился:

– Ася... я не могу больше... у меня кое-что есть тебе сказать. Я буду ждать тебя в кафе «Матрешка». – И Ромка отключился.

Ася с удивлением повертела трубку в руках и пожала плечами. Интересно – что у него есть?

– Кто звонил? – поднял голову Митька.

– Ромка. Хочет поговорить, будет ждать в «Матрешке»... А ты куда собрался?

– С тобой, – коротко выдохнул Митька. – Неужели ты не понимаешь – убийца ходит где-то рядом с твоим домом, с тобой!

– Совсем не обязательно, – перекинулась Ася. – Это мог быть просто вор, который рассчитывал на легкую добычу и не ожидал, что в доме кто-то есть. Все же знают, что я не замужем, живу одна. Вот меня и выследили, когда я вышла...

Митька усмехнулся:

– Да ну. Чего у тебя брать-то? Ум, честь и совесть? Я бы не полез. Если кто-то и заберется, так только сдуру...

Ася надулась. Не полез бы он... Но спорить не стала. Вообще она была уверена, что ее финансовая скромность не так сильно бросается в глаза.

– Ла-адно, – обиженно протянула она. – Сам-то тоже не на «Мерседесах» разъезжаешь.

– Кстати, моя «Волга» в твоём распоряжении. Едем, – сурово отрезал Митька и поспешил к выходу.

Ромка сидел в полупустом кафе и, морщась, тянул кофе. Перед ним уже стояла тарелочка с двумя пирожными.

– На меня не рассчитывал? – кивнул Митька на угощение.

– Сам заказывай, я нищий художник, – привычно отбрыхнулся Рома и стал терпеливо ждать, когда Ася усядется. Потом поднял на нее горестные, как у больного спаниеля, глаза и трагично проговорил: – Сегодня Милочке звонила Анжелика.

– И что? – нетерпеливо заерзал на стуле Митька. – Что говорила?

Ромка передернул плечами.

– Я не знаю, о чем они говорили... но уже то...

– ...что она звонила... – докончила за него Ася. – И Милочка не кричала?

– Не-а, – грустно помотал головой Ромка. – Взяла трубку, ушла в свою комнату и закрылась. И оттуда одни только обрывки... И знаешь, что я понял из этих обрывков? – Ромка так нервничал, что у него даже пот выступил. – Она устраивает Анжелику к себе на работу!

– Не может быть... – пробормотала Ася. – О-бал-деть...

Митька уже даже боялся что-то говорить, однако ничего странного в том, что одна тетка звонит другой, он не видел. Оттого он беспокойно поглядывал то на Ромку, то на Асю. Ася же, наоборот, стала какой-то задумчивой.

– Ася! Ну объясни ты мне! – не выдержал сосед. – Ну что такого удивительного в этом звонке?! Ну, захотели языки почесать! Или на работу устроить – все! Криминал! Да у нас сейчас каждый второй ищет

хорошую работу, а Милочка в верхах, платят там не слабо, что такого, если она устроила подругу? А тут еще и дружок ваш скончался – мы теперь все вроде родственников, так сплотились. Дело-то не пустяковое!.. И этот еще глазами моргает... – дернулся Митька на Романа.

Ася почесала переносицу.

– Понимаешь... Милочка на дух не переносит Анжелику, какие разговоры? Да еще у Анжелики какая-то тяга к Ромке объявилась.

– Да у нее ко всем тяга, – отмахнулся Митька. – Она ко мне так прямо на дом приходила, только я ее так... пожурил, о скромности напомнил, все такое... Она теперь меня боится. А к Ромке липнет, потому что он у нас... интеллигент!

– Вот уж оскорбил!.. – фыркнул Ромка и задумчиво произнес: – Но по телефону она просила Милочку, а не меня.

– Вот именно... – качнула головой Ася. – А уж если Милочка отважилась Анжелику к себе на работу устроить... Для нее работа – это святыня! Это династия! Это!..

– Да! Она даже мои картины туда продавать не носит, – скорбно проговорил Рома. – А я прошу, надеюсь!.. Представь, Ася, какие деньги уплывают!

– То есть ты думаешь... – начал было Митька, но Ромка даже не дал ему договорить:

– Я думаю, надо узнать, кто такой этот Юрий. Где жил, где работал, кто у него родители, друзья? Короче – все, что можно.

– А ты, Никитская, не знаешь разве? – удивился Митька.

Ася густо покраснела. Ну не знает она таких мелочей! Знает, что фамилия у него интересная – Сиберук... Юрий Сиберук... А где работал?.. Кажется, в больнице. Друзья? Ну разве им было до друзей!

– Эй! Ась, ты чего? – тихонько тронул ее за руку Митька. – Ну чего ты? Не знаешь, где он живет, да и ладно! Место работы тоже сами отыщем... ты хоть его полное имя спросила? Ну, фамилию, к примеру...

– Фамилия у него Сиберук, – судорожно вздохнула Ася, стараясь проглотить ком в горле. – И работал... кажется, врачом...

– Во-о-о-от, уже хорошо, – как маленькую успокаивал ее сосед. – А адрес? Родственники?.. Черт! Может, он женат был, так надо жене сообщить! – вдруг всполошился Митька и выдал уже полную ерунду: – Ась, а может, он тебя с женой знакомил? Мы б заодно и адрес у нее узнали, и место работы...

– Да ничего я больше не знаю! – не выдержала Ася. – И не знакомил он меня с женой! Мы же с ним пожениться хотели, какая жена?!!

Ромка с Митькой стали наперебой успокаивать подругу:

– Ну ладно, чего ты так?! Тише, Ася. Ну прям с тобой ни в одном приличном заведении...

И чтобы уж совсем успокоить подругу, Ромка вдруг заявил:

– У меня одна знакомая имеется... Ася, не стреляй глазами, ей уже семьдесят лет. Зато она всю жизнь проработала в медицине. Я должен был рисовать ее мужа, но пока я рисовал, он эмигрировал, а она выкупать портрет не захотела... говорит, что вместо мужа получился... макинтош, съеденный молью. Ну... понятно же, бабушка на мужа обижается.

– И чего? – дернул друга за рукав Митька. – Что ты собираешься со старушкой делать?

– Если этот Сиберук работал в медицине, то она его может знать... Во всяком случае, такую фамилию трудно забыть.

Митька растянул рот в улыбке:

– Давай, Ромыч, дерзай! А я... я постараюсь в милицию протиснуться... – потер руки Митька и лукаво стрельнул глазом. – Есть у меня там тоже кое-какие старушки... Да ребята там знакомые, чего ты, Никитская!

Ася вообще-то не отреагировала на «старушек», однако Митьке очень хотелось, чтобы его ревновали.

Вечером Ася долго расхаживала по комнате и не могла выкинуть из головы фразу Митьки про то, что преступник где-то рядом. Мало того, она чувствовала, что он среди ее друзей. Объяснить не могла, но чувствовала, и все. Только кто? Митька? Ему это совсем не надо. Хотя появился он как-то совсем уж вовремя... Кстати, если подумать – о своих соседях она ничего толком и не знает. Переехала Ася сюда два года назад, когда матушка ее разменяла квартиру и укатила к старшей сестре Люсе в Ростов, а раньше Ася жила в другом районе. На новой квартире жила замкнуто, правда, у них чуть не случился роман с Митькой, но она этого ловеласа вовремя раскусила... Гада такого... И остались у нее только друзья. И друзей-то – Милочка с Ромкой. Ромка? Он все время был рядом с ней и Милочкой, когда они находились в салоне красоты, потом в парикмахерской... Милочка, следовательно, тоже отпадает, она и вовсе была каждую минуту на глазах. А убить Юрия могли только в период, пока Ася находилась в этом салоне, он сам за ней двери закрывал. И все же... отчего Милочка так покорно согласилась устроить Анжелику к себе на работу?

Может быть, та что-то знает про ее Гошу? И шантажирует? Ерунда. Милочка в крайнем случае запросто сможет расстаться с Ромкой, это он за нее держится, а не наоборот. И даже простит ей все грехи с Гошей, когда узнает, – куда ему деваться без такой золотой жены. Тогда что? И почему Анжелика так странно взглянула на Юрия в первый раз? Ася помнит ее глаза...

Больше сидеть дома и ждать, когда ее помощники принесут ей известия в клювике, она не могла.

– Пан или пропал... – решительно заявила она сама себе, накинула кофту и вышла.

Анжелику ее поздний звонок удивил. И даже не просто удивил, а напугал.

– Ты? Ты чего? – лепетала соседка, забыв пригласить подругу в дом.

– К тебе, – просто проговорила Ася и вошла в комнату. – Так поговорить захотелось...

– Какие разговоры на ночь глядя? – не успокаивалась Анжелика. – Да и некогда мне, маску мне надо наложить... и... и еще это... крем там всякий...

– А ты что – уже завтра к Милочке на работу выходишь? – невинно поинтересовалась Ася.

– Почему завтра? – опешила соседка. – И вообще... я не к Милочке! При чем здесь Милочка? Я сама по себе!

Ася поняла, что так они могут говорить до глубокой старости.

– В общем так... – шлепнула она ладошкой по столу. – Работы у тебя нет... да ты наливай чай-то, наливай, разговор у нас долгий будет... работы у тебя нет, но я знаю, Милочка хочет тебя пристроить на очень хорошую зарплату, если она что обещала, так слово сдержит. Но... если ты мне сейчас все не выложишь, как на духу, я такого на тебя милиции наплету, что ты год отмываться будешь. И, само собой, работу свою замечательную увидишь только во сне. Не любят наши руководители, когда их работники в пятнах, точно жирафы. А ты еще и не работница пока. Ну так что – будешь говорить?

Анжелика сидела бледная, как прокисшее молоко.

– Не понимаю... хи-хи, чего ты от меня хочешь? – совсем по-идиотски хихикнула она.

– А я тебе помогу, – доброй феей отозвалась Ася. – Откуда ты знала Юрия? Только не говори мне, что увидела его впервые возле моей двери, не поверю. Я помню, как ты струхнула, когда с ним встретишься. Ну?

– Ой, ну ты, Асенька, как чего придумашь... – фальшиво возмутилась Анжелика и для убедительности снова хихикнула.

Ася молча поднялась, подошла к телефону и стала нажимать кнопки телефона:

– Алло, это дежурный Советского РОВД?

– Не-е-ет!!! – подскочила Анжелика и вырвала трубку. – Нет... Это не дежурный... то есть не надо дежурного... я расскажу. Только ты пообещай мне, что это останется между нами.

– Если ты перестанешь кривляться и клеиться к Ромке, – тут же быстро проговорила Ася.

И Анжелика рассказала. Она говорила сбивчиво, но из ее сумбурного рассказа Ася узнала следующее.

Анжелика Степанова и в самом деле очень давно нуждалась в хорошей работе, а пока приходилось трудиться... стыдно сказать... в телефонных интимных услугах. А хозяин – сквалыга, платил копейки. Правда, два раза Анжелике все же удалось урвать кратковременную удачу – в первый раз она договорилась о свидании с шофером-дальнотойщиком, а во второй и вовсе – с хозяином торгового павильона... До сих пор она не знает, который из этих двоих наградил ее нежданной беременностью. Правда, денег за откровенные услуги мужички не пожалели – отвалили щедро. И когда Анжелика Степанова обнаружила в себе постороннюю жизнь, она решила деньги потратить на одну из самых дорогих клиник. Вот в этой самой клинике она и встретила прекрасного мужчину – гинеколога. Она уже совсем было собралась пометить о романе с ним, как он сообщил ей нелицеприятную весть – оказывается, рыцари дорог и павильонов Анжелике подарили не только беременность, но и весьма некрасивую болезнь.

– Да как вы смеете?! – взорвалась тогда Анжелика. – Да вы меня за кого принимаете?! Я – жена вьетнамского губернатора!! Я... дочь Клинтона! Я... я выведу вас на международный скандал!!!

И в ту же ночь она удрала из клиники, ни копейки не заплатив. А через дня два она встретила женщину, медсестру, которая наблюдала ее в палате. Женщина Анжелику узнала, однако оказалась очень душевным человеком – крика не подняла, а только покачала головой:

– Что ж ты, милаха, наделала? У нас же не простая клиника, там жены таких воротил лежат, а ты не заплатила... Найдут тебя и даже денег просить не станут – убьют, да и все, чтоб другим неповадно было.

Анжелика после такого сообщения чуть сама на себя руки не наложила. Ни фиги себе – убьют, да и все! И ведь теперь деньги не потащишь – женщина сказала, что им сейчас не до денег, так убить Анжелику хочется... И куда деваться? Только один выход – сидеть дома и не высовываться, а потом, может, и забудут. И она не высовывалась. И уже поверила, что про нее забыли, когда вдруг увидела, что к ее соседушке в гости явился тот самый гинеколог!

– То есть... ты хочешь сказать, что Юрий – это тот самый гинеколог? – переспросила Ася.

– А чего тут говорить – он и есть. Георгий Николаевич Сиберук, – покаянно вздохнула Анжелика.

– Погоди... – тряхнула головой Ася. – Какой, к черту, Георгий? Юрий!

– Ну по паспорту-то он Георгий! – настаивала соседка. – Вообще-то я не знаю, как по паспорту, но в клинике его все зовут Георгием Николаевичем. Я и сама слышала – этих Георгиев как только не зовут – и Гоша, и Гога, и Жора, и Юра, и даже Игорь! Ну вот Игорь-то к чему? А слышала.

Теперь у Никитской в голове и вовсе все мысли клубком запутались. Однако кое-что прояснилось.

– И... ты увидела Милочку с этим Георгием и стала ее шантажировать, так? – догадалась Ася.

– Ну да, – мотнула головой Анжелика. – А что мне делать? Есть же хочется!

– Где ты их видела?

Анжелика уже не молчала.

После того как она впервые узнала в госте Аси своего гинеколога, она столкнулась с ним еще раз, незадолго до его гибели. Правда, в тот раз он ее не видел. Анжелика ехала в троллейбусе в центр города – по объявлению о работе – и неожиданно троллейбус встал.

– Минут двадцать стоять будем, – сообщила кондуктор. – Напряжения нет.

Кое-кто из троллейбуса вышел, а у Анжелики в кармане были последние двадцать рублей, потому она решила сэкономить – будет сидеть до позеленения!

И вот тут через оконное стекло она их и увидела. Милочка с Юрием сидели на скамейке, он ее нежно обнимал одной рукой, что-то ей говорил, склонившись к самому уху, а та только краснела, поправляла шапочку и чертила варежкой на скамейке невидимые узоры. Анжелика сначала не поверила глазам и потому принялась разглядывать их более пристально. Но зрение ее не обмануло – это были именно они.

– Ася, у меня же дальновзоркость, – будто извиняясь, проговорила соседка. – Ну и... я решила... что у вас какие-то необычные отношения... Именно поэтому я стала привязываться к Роману, потому что мне его жалко было!

– Не ври, – устало проговорила Ася. – Ты уже давно к Ромке клеишься, а Милочку с... с ее любовником увидела совсем недавно. Как ты шантажировала Милочку? Что она тебе отвечала?

Анжелика поджала губки и собралась покапризничать, но строгий окрик Аси ее вразумил:

– Ты обещала не кривляться! Мы договаривались!

– Да какое там кривлянье? – обиделась на минуточку соседка, но говорить стала уже быстрее: – Я ей позвонила... на следующий день после того... ну, в общем, на следующий день после убийства Юры. Мы с ней встретились и... Короче, я предложила ей устроить меня на работу, а если она не устроит, я скажу в милиции, что они с погибшим были любовниками. И все! И больше ничего! Между прочим, я даже не поверила, что она клюнет. А она... только зубами поскрипела, а потом сказала, чтобы я ей позвонила... Ну я позвонила, и она сообщила, что устроить получается... Вот и все...

– Я одного понять не могу – если ты так боялась Юрия, зачем ты к нам на день рождения притащилась... со своим педикюром? – спросила Ася.

– Так я же!.. Мне же Милочка сказала, что у вас одни девчонки будут! А кто девчонки-то: ты да она! Ну и, ясное дело, за ней Роман приедет, а у меня на него уже виды созрели! Господи! Ну такой мужчина! – закатила глазки к потолку Анжела и совсем буднично добавила: – К тому же у меня художников еще не было. Вот зарабатывают, наверное, да?

Ася немного помолчала, потом согласилась:

– Художники, наверное, зарабатывают. Только Ромка – он мазила. Ты с ним на второй день по миру пойдешь... А может, и хорошо, хоть мир повидаешь...

– Ой, Асенька, я так спать хочу... – вдруг заговорила соседка, ненавязчиво выпроваживая гостью. – Может, завтра договорим?

– Договорим. Только ты мне скажешь, где расположена клиника и как найти ту медсестру. А еще лучше – запиши.

Анжелика не стала упрашивать себя дважды, быстренько унеслась в комнату и вернулась уже с исписанным листком.

– Ой, так жалко тебя провожать, хотелось еще поболтать... – загнусавила Анжела уже в прихожей.

– Если что, так я и вернуться могу, – повернулась Ася обратно.

– Нет! – взвизгнула соседка и dokonчила уже тихонько, нудно выводя мелодию: – Возвращаться плохая примета! Я тебя... никогда-а-а не забуду...

На следующее утро, сказавшись на работе больной, Ася уже была в клинике. Она не придумала, кем представиться, поэтому действовала экспромтом.

– Скажите Дарье Павловне Кашиной, что ее ждут вон на той скамейке. Это очень важно, – сурово сообщила она огромному молоденькому охраннику, у которого вместо галстука висела мишура, надо

думать, в преддверии Нового года.

– А как вас назвать? – крикнул ей вслед парень, но Ася уже вышла из клиники и предпочла его не расслышать.

Она еще не успела замерзнуть, а к ней уже направлялась полненькая женщина лет пятидесяти с добродушным лицом.

– Простите, это вы меня ждете? – подошла она к Асе, не собираясь присаживаться. – А кто вы есть?

– Это я вас жду. Где можно поговорить? – с металлом в голосе спросила Ася.

– Н-ну я не знаю... – насторожилась Дарья Павловна. – Мне вообще-то некогда говорить, у меня работа...

– Думаю, вас сумеют заменить, – монотонно отчеканила Ася и добавила для пущей остроты: – Я из тех служб, которым не принято отказывать. А также врать и скрывать информацию! Это в ваших же интересах. Вы меня понимаете?

Неизвестно, что подумала несчастная медсестра, но закивала быстро-быстро и предложила поговорить в ближайшем кафе.

– А то на улице холодно, – виновато пояснила она.

В кафе Ася заказала только кофе, зато ее собеседница устала весь стол тарелками.

– Вы напрасно не едите, здесь вкусно кормят, – приветливо улыбнулась она, однако ответной улыбки так и не дождалась.

– Расскажите, как работал Сиберук Георгий Николаевич? Он был связан с криминальными структурами? У него серьезные покровители? – с места в карьер кинулась Ася.

– Да боже избавь! – чуть не подавилась медсестра. – С чего вы взяли?

– Я уже предупреждала, что нашей организации не принято врать, – давила Ася.

Однако Дарья Павловна испуганной себя не чувствовала.

– Про покровителей я ничего не знаю, а если бы они были, я бы знала, – уверенно произнесла женщина.

– Вам так строго обо всем докладывают? – усмехнулась Ася.

– Ой, да что вы! – махнула рукой женщина. – Ну что вы такое говорите? Ну кто мне будет докладывать?

Я сама все слушаю. Вы знаете, у меня комнатка рядом с кабинетом Георгия Николаевича. А стеночки тоню-ю-ю-сенькие! Каждое слово слышно, а я его и ловлю – каждое слово. Мне нельзя по-другому, у нас оклад большой, каждый друг под дружку копает, надо же знать, кто про тебя какую гадость плетет, чтобы вывернуться-то. Из-за этой комнатки я уже семь лет бессменно работаю...

Ася пришла домой в самом скверном настроении. Не успела раздеться, а в двери уже звонили.

– Никитская! Целуй меня в уста сахарные! Я узнал, где проживает этот... – собрался было обрадовать ее Митька, но она его перебила.

– Никаких сахарных поцелуев, я сама все узнала.

– Как то есть все? – не поверил сосед. – Правда, что ли? Узнала, кто убил?

– Узнала. Ты на машине? Тогда поехали.

Они приехали к Лусевым, к Милочке и Ромке.

Оба были дома, гостей не ждали, а оттого встретили Асю с Митькой настороженно.

– Что? – одними губами спросила Милочка. – Что-нибудь случилось?

– А то ты не знаешь! – с укором взглянула на нее Ася. – Давай чаю попьем, а?

Чай уселись пить вчетвером, и когда уже все расслабились, а хозяйева искренне поверили, что Ася пришла к ним, потому что соскучилась, она вдруг ляпнула ни с того ни с сего:

– Милочка, а ведь Георгий тебя не любил. Никогда.

Милочка вздрогнула, плеснула себе кипятком на руку, но даже не заметила.

– Ты чего? Совсем? Почему это не любил?.. То есть... Какой такой Георгий? – вытаращила она глаза и покосилась на мужа.

– Мила, да не обращай ты на него внимания, знает он, – отмахнулась Ася от Ромки. А потом горько продолжила: – Милочка, ты, главное, не расстраивайся... Ему не ты нужна была...

– А ты, да? – печально усмехнулась подруга.

– Ой, что ты! Я и вовсе там только червяком служила, для крупной рыбы... для тебя, – фыркнула Ася. – Чтобы тебя ревновать заставить.

Милочка насторожилась, а Ася как будто ничего и не замечала:

– Понимаешь, мечта была у Георгия... или Юрия, как хочешь зови. Он страшно хотел твою квартиру купить, а ты никак не продавала. А он уже все соседние квартиры выкупил... А ты – никак! Вот он и решил – зачем тратиться, он тебя просто возьмет измором. То есть женится. Предлагал ведь жениться, да? А ты все за Ромку своего держалась.

– Любила меня потому что, да, мое солнышко? – нежно проворковал Ромка.

– Да нет, потому что детей у нее быть не могло, – оборвала его в полете недобрая подруга. – Вот Георгий и решил ухлестнуть за мной, чтобы ты, Мила, от ревности посговорчивее была. А может... может, и мою квартиру прибрать к рукам собирался. Он свой капитал наживал с таких же дур... И ведь скажи, Мила, ты ж почти согласилась? Согласилась, хотя и знала, что он в моих женихах числится... Отчего ты мне сразу не сказала, Милочка, что это твой Георгий?

– Да когда б я тебе сказала, если его уже мертвым увидела?! – взорвалась подруга. – Ты же все: «Юра! Юра! Я такая дура!»

– ...что в тебя влюбилась! Ах, Юра-Юра... – ни к селу ни к городу заблеял Роман.

– Ромка, ты чего? – с удивлением уставилась на него супруга.

– Это он так нервничает, – пояснила Ася. – И у него есть причины, он же не железный... Так почему не сказала?

– Я же говорю – только хотела с твоим женихом познакомиться, а он убитый! Глядь – а это вовсе и не твой жених, а мой любовник! Ну и как бы сказала? Там такое началось! – вспоминала Милочка. – Да на меня же и повесили бы это убийство! Сразу же! А знаешь как мне тяжело было! Когда он такой... весь убитый... А как ты узнала?

– Неважно, я сама догадалась... – глубоко вздохнула Ася и резко повернулась: – Ну? Ромка! Рассказывай, как ты его? Как все было?

Ромка к такому вопросу явно не подготовился.

– Т-ты... вообще, что ли?! – задохнулся он и стал медленно продвигаться к двери.

– Стоять... – тихо, но доходчиво прошипел Митька. – Тебе ж велели – рассказывай.

Ромка робко присел на табурет, потом вдруг захихикал и стал вертеть пальцем у виска:

– Ой, ну Аська! Хе-хе! Прямо такая выдумщица... Замуж тебе надо!

– Значит, придется самой, – тяжело вздохнула Ася. – В общем так... Узнал твой супруг, Милочка, что ты ему рога наставляешь, узнал. Он и раньше догадывался, а теперь... Ромка же всегда спокоен был, знал, что ты от него никуда не денешься, потому что из-за детей себя неполноценной чувствуешь. А неполноценная вовсе не ты, а он.

– К-как это он? – не поверила Милочка. – Я ж и с первым мужем... у меня тоже детей не было. Я потому и проверяться никуда не ходила – думала, что я. С чего ты взяла, что он?

– С того, что ты профосмотр у Георгия проходила, так ведь?

– Ну... проходила... потому что у нас с этим очень строго. А Георгий мог сделать быстро.

– Он и сделал... – Ася отхлебнула чаю и выдала: – Беременная ты, подруга. Срок, правда, небольшой, однако ж...

– Я-я-я-я?! – вытаращилась Милочка. – Ты серьезно, что ли? Не может быть... Это у меня будет...

– Это Георгия твоего выродок... – прошипел Ромка.

За какое-то мгновение он изменился до неузнаваемости, теперь на него было страшно взглянуть.

– Блин! Я когда получил эту эсэмэску... – прошипел он.

Больше молчать он не мог. Из него фонтаном лилось все, что накопилось за долгие годы. И только как бы между прочим он рассказал, как был убит Сиберук Георгий Николаевич. Все случилось просто до банальности. Узнав результаты осмотра, Георгий жутко обрадовался – теперь Милочка никуда не денется, перейдет к нему вместе с младенцем и квартирой. Младенец от него, он в этом ни минуты не сомневался. А оттого и сообщил радостную весть любимой прямо на сотовый телефон. Однако Милочка, зная, что любимый звонит в строго определенное время, телефон оставила в машине – у нее всегда с телефонами были проблемы: то теряла, то их крали, а из бардачка он точно никуда не денется. Он и не делся, а затрещав так, что Рома не мог оставить его без внимания. Эсэмэска его просто убила: «Милочка, бросай своего рогатого художника, ты беременна, срочно выходи за меня замуж. Обсудим все у Никитской, сижу и жду тебя. Не удивляйся». Ромка даже не удивился, что любовник жены ждет ее у Аси, он подумал, что подруга просто сводница. Естественно, Ромка к этой самой Асе и рванул. Справедливости ради надо сказать – он совсем не рассчитывал время. Но по воле злого случая у него все прошло как по маслу. Сначала он и не хотел никого убивать, просто решил с этим отцом разобраться. По-мужски. Но когда ему открыл двери высоченный красавец, Ромка растерялся.

– Ты кто? – спросил красавец.

– Я – это... Ромка я... Аська сейчас в салоне сидит... просила... полотенце...

– А-а, ну проходи, бери... – и ушел в комнату, не оглядываясь.

Ну и как с ним разговаривать, когда он сидит в кресле, увлеченно смотрит старый фильм про мушкетеров, а на него, Ромку, как на муху, никакого внимания! Не будешь же блохой скакать. Он бы и ушел

вот так, тихо и пристыженно, но... в этот момент на экране появилась красавица Констанция и ее муж. Лицо мужа всплыло на весь экран, и красавец в кресле загоготал:

– Глянь, как на тебя похож! Такой же олень!

И тут Ромку захлестнула волна ярости. Он схватил с дивана тяжеленного слона и в исступлении начал долбить им по голове ненавистного красавца...

– Слона я потом завернул в полотенце, вымыл руки снегом и выбросил его... сейчас даже не вспомню куда, – закончил страшное признание Ромка. – Я приехал к салону, а вы даже не заметили, что меня какое-то время не было...

В кухне повисло молчание.

– Никитская, а ты как догадалась? – тронул Асю за рукав Митька.

– Догадалась вот, – нехотя ответила та. – Я ведь на всех стала думать... не знаю отчего, но...

Ты, Митька, отпал сразу, у тебя повода не было. Правда, сначала отпали и Ромка с Милочкой. Осталась одна Анжелика. Она еще и смотрела на Юрия как-то странно. Но... Анжелика поделилась со мной соседски своими маленькими женскими тайнами. И тоже отпала. Зато теперь меня стали волновать господа Лусевы. Сначала я не могла понять – отчего Милочка так легко пошла на поводу у шантажистки? А потом... потом мне стало понятно. Она не за себя боялась, она сразу подумала, что Ромка узнал про Георгия и убил его из ревности.

– Правильно, – качнула головой подруга. – Если бы эта гримза Анжелика сказала в милиции, что Георгий мой любовник, у тех сразу бы появился подозреваемый – Ромка, потому что у него повод есть.

– Вот именно. Зато Ромочка уже на третий день записал свою жену в подозреваемые, – вспомнила Ася. – И сообщил не только мне, но и Митьке. И вот я думала – а зачем? Даже если бы он на сто процентов был уверен, что это она, он бы, по логике, ее защищать должен, отводить подозрения. Ведь Милочка не столько любимая жена, сколько сытная кормушка. Он даже надеялся свои картины через нее проталкивать. Так почему не отводит от нее подозрения? Потому что отводит от себя, вот и все. А потом еще мелочи разные...

– Какие мелочи? – не унимался Митька. – Мне жутко любопытно. Я, может быть, после сегодняшнего вечера в частные сыщики подамся. Какие?

Ася немного помолчала – стоит ли говорить, но рассказала:

– Я очень хотела посмотреть фильм про мушкетеров, а не получалось, потому что как раз в это время мы сидели в салоне. А Ромка должен был сидеть в машине и тоже ничего не видеть. А мы едва только сели в машину, как он сразу же сравнил Милочку с Констанцией. И не просто с Констанцией, а с Констанцией Бонасье. А ведь сразу такое имя и не вспомнишь без предварительного напоминания. Нет, может, кто-то и скажет, но уж точно не Ромка. Вот и все. Несерьезно, конечно, но я ведь не детектив... Милочка, где у тебя телефон? Надо милицию вызвать...

Милочка вздохнула, как перед прыжком, и отправилась к телефону.

– Я бы могла понять, если бы ты это сделал из-за любви. Но ты убил человека, потому что у тебя отбирали твою дармовую жизнь, – проговорила Ася, глядя прямо в глаза бывшему другу.

Когда Ромку увезли, Митька серьезно насутился и скорбно произнес:

– Не хочу вас расстраивать, но один из наших близких...

– Господи... Анжелика? – тихо охнули подруги. – Где она?

– Поехали, – мотнул головой Митька, и вся компания кинулась в его «Волгу».

Митька мчал с сумасшедшей скоростью. А может, он и всегда так ездил... А подруги его еще и торопили.

– И ты молчал! Да что с ней случилось-то?! Наверняка она поняла, что Ромка такой гад, и вскрыла себе вены!..

Вопросы так и оставались без ответа.

– Куда вы?! – схватил дам за шубки Митька, когда те, перепрыгивая через две ступеньки, понеслись к Анжелике. – Нам сюда!!

И он распахнул перед ними свою квартиру.

Квартира была чисто вылизана, невыносимо несло жареным чесноком, а в центре большой комнаты стояла огромная наряженная елка и играла цветными огнями.

– Не поняла... – растерялась Ася.

– А где Анжелика? – спросила Милочка. – Где она погибает-то?

Митька покраснел, потер руками нос и смущенно пробормотал:

– Ну с чего Анжелике погибать? Она вообще вся живая, утром еще мусор выносила... Это старый год погибает, кончается! А через два часа уже наступает Новый год. А вы тут со своими ужасиками... такой праздник чуть не пропустили...

– Так это... это ты так пошутил?! – накинулись на него вмиг озверевшие подруги. – Это у тебя юмор такой, да?! А то, что мы беременные!.. Я беременная... Да какая разница – кто!!!

Митька схватил обеих подруг и рухнул вместе с ними на диван.

– Нет, и он еще!.. – кричали дамы, отбиваясь. – Отпусти немедленно!! Выпусти нас, мы еще не закончили тебя воспитывать!!!

– Вот уж дудки! – хохотал сосед. – Ни за что теперь не выпущу... правда, беременных пощажу, а вот тебя, Никитская!..

Двери тихонько открылись, в квартиру осторожно вошла любопытная Анжелика и, увидев эдакий праздничный бой, только наморщила нос:

– Боже! Какой ужас! Прямо-таки все втроем... как аморально... – но потом ринулась в самую гущу. – А меня?! Девочки! Митька!! И я с вами!!!